След в Истории

ЕЛИЗАВЕТА I АНГЛИЙСКАЯ

КРИСТОФЕР ХЕЙГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами — не биография Елизаветы I. Сегодня их написано очень много. Автор попытался разносторонне проанализировать опыт политической власти Елизаветы. Последние исторические исследования — об аресте рьяных протестантов, о махинациях политиков в Совете, суде и парламенте, о планировании и проведении военных и морских кампаний — изменили тот угол зрения, под которым традиционно рассматривалась личность Елизаветы. Автор не щадит свою героиню и зачастую упрекает ее в безделии. Но за 45 лет, которые провела Елизавета на беспокойном английском троне, ей пришлось решать вопросы, связанные с замужеством, наследованием, религиозной и политической оппозицией и угрозой из-за границы. Но главная проблема, которую ей предстояло решить — проблема власти. Эта книга расскажет о том, как ей удавалось удерживать ту ограниченную власть, которой она обладала. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

- Кристофер А. Хейг
  -
  - Предисловие
  - Введение
  - Глава 1. Королева и престол
  - Глава II. Королева и церковь
  - Глава 3. Королева и знать
  - Глава 4. Королева и совет
  - Глава 5. Королева и двор
  - Глава 6. Королева и парламент
  - Глава 7. Королева и армия
  - Глава 8. Королева и народ
  - Заключение
  - Библиографический очерк
  - Хронологическая таблица
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220

Кристофер А. Хейг
Елизавета I Английская

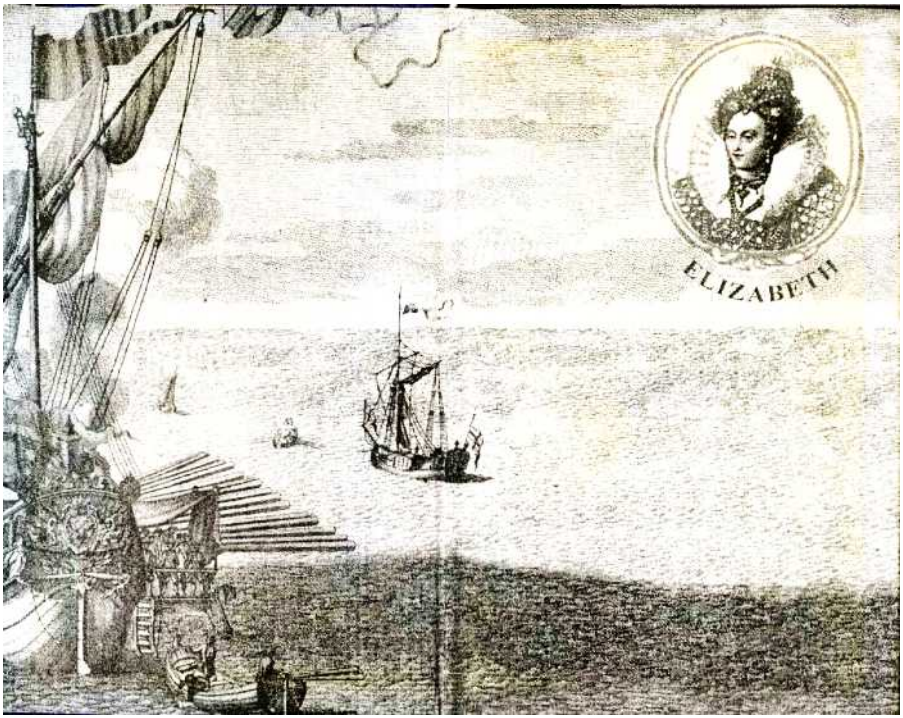
Предисловие

Данная книга — не биография Елизаветы I. К сегодняшнему дню их написано слишком много. Автор попытался сделать анализ опыта политической власти Елизаветы. Последние исторические исследования — о постоянном влиянии католицизма и аресте рьяных протестантов, о роли аристократии, о махинациях политиков в Совете, суде и парламенте и о планировании и проведении военных и морских кампаний — изменили тот угол зрения, под которым рассматривалась Елизавета. Мы, кроме прочего, подошли к более полному и глубокому пониманию того, что можно было ожидать от женщин в XVI веке, и того, как некоторые из них справлялись с догматом, навязанным мужчинами. Проблемы, с которыми пришлось столкнуться Елизавете во время царствования, теперь представляются (по крайней мере, мне) более глубокими и отличными от исследованных в научных биографиях. Они связаны не только с вопросами ее замужества, наследования, религиозной, политической оппозиции и угрозами из-за границы, но еще и с тем, как ей приходилось принимать решения и воплощать их в жизнь. Елизавета столкнулась не только с проблемами политики, но и с проблемами власти: эта книга рассказывает о том, как ей удавалось удерживать ту ограниченную власть, которую она имела.

Я благодарен Кейту Роббинсу, который предложил мне написать эту книгу, и издательству «Лонгмэн» за помощь в быстром осуществлении нашего замысла. Точка зрения, высказанная в книге, сформировалась под воздействием бесед с Симоном Адамсом, Патрицией Крофорд, Джеффи Элтоном, Майклом Грейвсом, Элис Волл и Генри Уильямсом, а также комментариев, высказанных студентами Оксфорда во время лекций в 1987 году. Я благодарю всех названных и неназванных, кто помог в создании книги. И, наконец, я благодарю Люси и Эмили Хэй, которые добродушно напоминали мне о том, что словопроцессор можно также использовать для компьютерных игр.

К.А.Х.

В примечаниях и ссылках в конце глав университетские издательства обозначены только по месту их расположения, например, Оксфорд вместо Оксфордское университетское издательство.

ELIZABETH

Введение

В субботу 30 апреля 1536 года Елизавета Тюдор оказалась зажатой в руках матери в то время, как ее родители спорили через открытое окно Гринвичского дворца. Королева Анна подняла на руках ребенка, которому тогда было два с половиной года — так она хотела оказать психологическое давление на рассвирепевшего короля Генриха VIII. Но и эта мольба не достигла цели. Позже в этот же день начались аресты слуг и друзей Анны, а во вторник, 2 мая, сама королева была допрошена советниками и отправлена в Тауэр. В понедельник 8 мая Анну судили за мнимую государственную измену на основании явно неправдоподобных улик. В среду 17 мая брак короля и Анны был аннулирован архиепископом Кентерберийским (причины так никогда и не были обнародованы) и принцесса Елизавета стала незаконнорожденной, лишившись таким образом права претендовать на английскую корону. Через два дня Анна была обезглавлена на Грин Тауэр в присутствии хранившей молчание тысячной толпы народа. В субботу 20 мая отец Елизаветы обручился с Джейн Сеймур, на которой спустя десять дней женился. Генриху VIII потребовался месяц, чтобы избавиться от жены, обвинив ее в государственной измене, приговорить заодно с ней к смертной казни некоторых ее друзей, доказать незаконнорожденность ребенка и приобрести новую королеву. Это была неограниченная власть монархии Тюдоров в действии, когда и Совет, и церковь, и законы подчинялись воле короля.

Но падение Анны Болейн не прошло так спокойно, как может казаться, и вскоре сам Генрих стал такой же жертвой обстоятельств, как и бывшая королева[1]. Развод королевской семьи готовился в течение нескольких недель союзом консервативных лордов и придворных, друзьями разведенной (и скончавшейся) первой жены Генриха и императорским послом. Новую претендентку на звание королевской супруги Джейн Сеймур специально готовили, чтобы привлечь к ней внимание короля, расстроить его привязанность и возбудить вражду к королеве. Заговорщики намеревались аннулировать брак с Болейн, но более радикальное предложение пришло с совсем неожиданной стороны. Томас Кромвель, некогда политический союзник Болейн и теперь главный управляющий делами короля, решил избавиться от Анны навсегда, возможно, потому что она стояла на пути намечавшегося союза с императором Карлом V. Он планировал обвинить Анну в многочисленных нарушениях супружеской верности (и кровосмешении), что, помимо прочего,

давало возможность сместить с должности некоторых ее союзников. Джейн и ее друзья настраивали Генриха против Анны, а Кромвель представил куртуазные заигрывания как доказательства измены.

Мы не знаем, удалось ли заставить Генриха VIII проглотить все эти необоснованные обвинения в адрес Анны. Скорее всего прелести Джейн и задетое мужское самолюбие заставили его поверить в то, что жена обманывает его с другими мужчинами. Но действовал Генрих, безусловно, так, как будто все это было правдой: он рыдал, метался в ярости и самолично наблюдал за приготовлениями к суду и казни. Если Генрих действительно поверил наветам, то он был, пожалуй, одним из немногих поверивших. Свидетельства против Анны были неубедительными и основанными либо на признаниях, сделанных под пытками, либо на искаженном представлении вполне невинных взаимоотношений.

Более конкретные факты измены нельзя было считать правдоподобными, потому что в большинстве случаев обвиняемые находились в это время в разных местах; впрочем, такие мелочи не интересовали судей, которые отлично знали, что от них требовалось. Процесс над Анной и ее «сообщниками» со всей очевидностью доказал, что, по крайней мере, в делах о государственной измене корона добьется своего. В данном случае итог можно объяснить кознями фракционеров, которым удалось затмить разум короля, сыграть на его чувствах и заставить отказаться от жены, хотя он продолжал любить ее почти до конца своих дней.

Но и без того, если уж Генрих решил избавиться от Анны, то едва ли кто-нибудь смог бы ему в этом помешать. Советники, как правило, были обязаны своим положением королю и боялись потерять его (в лучшем случае). Церковь также ничего не смогла бы сделать — к тому времени Генрих уже лишил папу безраздельных полномочий и сам стал главой английской церкви. Консервативные епископы не принимали еретических идей Анны, епископы-реформисты не стали на ее сторону из-за боязни вызвать тем самым крах Реформации. Итак, Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, выслушал последнее признание Анны и безропотно аннулировал брак. Не было препятствий и со стороны закона. Анну судил суд, в состав которого входили ее дядя, герцог Норфолк, лорд Стюарт, ее двоюродный брат, граф Суррей, граф-маршал, присяжные из 26 пэров, лорд-канцлер и судьи, но никто из них не рискнул вызвать гнев короля, боясь возбудить подозрение в причастности к преступлениям, в которых обвиняли Анну, или поставить под сомнение решение суда, уже

вынесшего обвинение предполагаемым любовникам Анны. Так же послушно и парламент через несколько недель, следуя желанию короля, исключил Елизавету из числа претендентов на престол в пользу детей Джейн Сеймур или другой будущей королевы.

Судьба матери Елизаветы продемонстрировала равно как уязвимость, так и силу монархии Тюдоров. Путем сочетания конституционной власти и личного давления Генриху VIII удалось заставить исполнить его желание избавиться от Анны, но само это желание было навязано ему путем умелых действий советников и придворных. Независимо от того, насколько велика была власть короля Англии, она находилась под неформальным влиянием окружавших его политиков. Путем отбора лиц, допускавшихся на прием к королю, документов, которые он должен был видеть, подделкой докладов и нашептыванием полуправды окружение Генриха умело управляло им. Это фракционное манипулирование королем уничтожило Анну Болейн в мае 1536 года, так же, как в 1529 году покончило с властью кардинала Булей, с консервативными врагами Анны в июне 1536 и в 1538 году и Томасом Кромвелем в 1540. Падение Кромвеля стало предостережением для Генриха. Попытки фракций сокрушить архиепископа Кранмера в 1543 году, епископа Гардинера в 1544 и королеву Екатерину Парр в 1546 году потерпели неудачу. К тому времени, когда здоровье короля ухудшилось в 1546 г., династия Говардов была свергнута в результате дворцового переворота реформистами из Тайного кабинета, которые получили контроль над молодым наследником трона — сыном Джейн Сеймур, Эдуардом.

Мы очень мало знаем об отношении Елизаветы к умершей матери. Говорили, что она гордилась своим отцом, но и матери, конечно, не стыдилась. Елизавета иногда пользовалась значком Анны Болейн — соколом, и когда она стала королевой, се собственный символ — Феникс, скорее всего, означал, что она окончательно оправилась от удара, связанного с казнью матери. У Елизаветы также было кольцо с ее портретом, а первым архиепископом Кентерберийским она назначила капеллана[2] Анны Мэтью Паркера, который искренне верил в то, что Анна поручила ему свою дочь для духовного наставничества. Если Елизавета и забыла подробности происшедших в 1536 году событий к тому времени, как она стала королевой в ноябре 1558 года, то вскоре ей пришлось об этом вспомнить. В сентябре 1559 года шотландский богослов Александр Алезиус, который присутствовал в английском суде в 1536 году, изложил ей подробности расправы с ее матерью, включая тот факт, что во время родительского спора Елизавета была предъявлена Генриху

VIII в качестве последней мольбы. Судьба матери послужила Елизавете хорошим уроком того, что женщина в политике рискует быть вовлеченной в сферу эмоций и что правитель Англии может стать инструментом придворных интриганов.

Многому научила Елизавету и ее собственная жизнь после казни матери. Во-первых, она была признана незаконной, но все же дочерью короля, и появлялась на королевских приемах по торжественным случаям; после наследственного акта 1544 года она была третьей в ряду претендентов на престол. С 1547 года с восшествием на престол ее младшего единокровного брата Эдуарда[3] она стала второй, представляя из себя многообещающую политическую фигуру. Правда, ей пришлось защищать, во-первых, свою девичью честь и, во-вторых, свой статус независимости от посягательств амбициозного Томаса Сеймура. С 1553 года — в это время королевой стала ее католическая единокровная сестра Мария[4] — Елизавета уже стала возможной претенденткой на трон и средоточием надежд противников Марии. В эти годы Елизавете пришлось научиться подозрительности и политической осмотрительности. Заговоры против Марии бросали тень подозрений и на Елизавету, поэтому большую часть времени правления своей сестры она провела либо под надзором, либо в изоляции. Впрочем, ей удалось избежать публичного обвинения в предательстве и соучастии в заговорах: ее популярность среди критиков режима росла. Елизавета приобрела большое мастерство в балансировании на политическом канате: ей удавалась нравиться (или не нравиться) Марии ровно настолько, чтобы сохранить место в числе претендентов на трон и в то же время не оттолкнуть своих собственных сторонников (в основном протестантов).

К осени 1558 г. стало ясно, что королеве Марии осталось жить недолго и что после смерти трон перейдет к ее сестре. Доверенные лица Елизаветы, чтобы предотвратить всякое сопротивление, стали предусмотрительно налаживать связи с надежными, влиятельными людьми и командирами гарнизонов. По мере того, как распространялись слухи о болезни Марии, росло число услужливых посетителей Елизаветы, а вокруг ее дома в Хэтфилде ежедневно собирались толпы народа. 17 ноября Мария умерла и Елизавета беспрепятственно была провозглашена королевой. Через одиннадцать дней она вступила в формальное владение лондонским Тауэром, где двадцать два года назад была казнена ее мать. За это время из незаконнорожденного ребенка обвиненной в нарушении супружеской верности женщины она превратилась в королеву Англии. Видимо, она действительно была политическим фениксом и вполне верила в свою фортуну.

Незадолго до восшествия на престол ее посетил испанский посланник, который был поражен ее уверенностью и авторитарностью: она действовала как настоящий сильный правитель. Но одновременно Елизавета была порождением всех слабых мест монархии Тюдоров — так же, как они, она легко поддавалась манипулированию собой. Лучше других она сознавала ненадежность королевского положения и гнет над королевской властью. Ее правление станет постоянной проверкой политических способностей, которые оттачивались в ней превратностями судьбы.

Глава 1. Королева и престол

Правление Елизаветы I было основано на иллюзиях. Она правила при помощи созданных и распропагандированных ею самой образов. Придворные и подданные находились во власти этих образов, и уже четыре столетия они вводят в заблуждение историков. Первая иллюзия связана с тем, что хаос и катастрофы достались ей по наследству; вторая — что ее правление ознаменовало золотой век нации. Темы появились сразу же после восшествия Елизаветы на трон. 14 января 1559 года, через 8 недель после воцарения новой королевы, в Лондоне состоялась ее коронация. По всему городу были организованы пышные процессии, а во многих местах созданы живые картины. Все это наглядно свидетельствовало о начале нового правления. Живая картина в Корнхилле представляла Елизавету в детстве; ее держали четыре фигуры, одетые в костюмы четырех добродетелей. Одновременно эти добродетели свергали четыре противостоящих им греха. Как гласил отчет о процессии, в спешном порядке составленный правительственным печатником, «праведная религия идет на смену язычеству и невежеству; любовь к подданным идет на смену неповиновению и надменности; мудрость идет на смену глупости и тщеславию; справедливость идет на смену низкопоклонничеству и взяточничеству». Будущая слава торжествовала над бывшими неудачами. В течение нескольких недель сподвижники Елизаветы через печатное слово и проповеди поливали грязью ее предшественников на троне: теперь все будет по-другому, гораздо лучше! Живая картина на Флитстрит олицетворяла собой единство правды и гармонии: королева, одетая в парламентские одежды, сидела под библейской надписью «Дебора, судья и воссоздатель рода израилева»[5] и давала указания йоменам своего королевства. Елизавета демонстрировала решительный разрыв с прошлым.

Хотя Елизавета и была склонна к преувеличениям, ее правление действительно отличалось новизной. Под видом того, что Тайный совет Марии был слишком большим и расколотым, Елизавета распустила две трети его членов и заменила их своими собственными родственниками, служащими и политическими сподвижниками. Во главе их стояли Вильям Сесил, Николас Бэкон и Томас Пэрри. В королевских владениях и при суде перемены были еще более значительными: Елизавета окружила себя людьми, которым она могла доверять, в том числе родственниками матери и своими дворцовыми служащими. Так

она создала довольно однородное правительство, отличавшееся личной преданностью королеве и идеологической преданностью протестантизму, потому что, распуская приверженцев Марии, она избавилась от католиков, а назначив заново некоторых министров Эдуарда VI, получила верных протестантов. Но не следует обольщаться по поводу новизны и однородности режима. «Новые люди» Елизаветы были большей частью опытными администраторами еще времен Эдуарда, а политические соображения подвигли ее оставить нескольких консервативных советников. Менее преданные Марии чиновники, как, например, Винчестер, Мейсон и Питр, остались на прежних должностях, и, что самое главное, сохранили свои позиции региональные магнаты — графы Дарби, Шрузбери, Пембрук и Арундел. Создание подобного правительства было типичным примером проводимой Елизаветой политики: под знаменем новизны она создала союз опытных людей, а маска протестантизма служила необходимому компромиссу с консерваторами. Монархия на словах — это было одно дело, а реальная политика власти — совсем другое.

Власть, всегда остававшаяся властью, скрывалась за маской реформ, а созданный Елизаветой образ действительно был блестящим нововведением. Дискредитируя своих предшественников и целенаправленно отделяя себя от них, Елизавета пыталась найти себе поддержку. Вся вина за происходившие в королевстве несчастья ложилась в основном на прежних правителей, которых обвиняли в преданности католицизму и Испании. Смена правителя, как представлялось, станет решением проблем. Елизавете надо было отделить свое правление от правления Марии, потому что их объединяло много общего: обе они были женщинами, а некоторые мужчины были склонны приписывать трудности при царствовании Марии ее принадлежностью к женскому полу. Томас Бикон еще в 1554 году обращался к Богу с молитвой: «Ты поставил править над нами женщину, которая была создана Тобой для того, чтобы подчиняться мужчине и которой Ты в своем священном послании приказал хранить молчание в присутствии людей. О Господи! Отнять империю у мужчины и отдать ее женщине кажется верным знаком того, что ты прогневался на нас, англичан»[6].

Бикон повторил свои слова в печати в 1563 году без указаний на то, что протестантская королева была лучше католической или что Елизавета была меньшим наказанием, чем Мария. Правление женщины было нарушением естественного порядка вещей и должно было обязательно привести к катастрофе.

Елизавете, как и Марии, пришлось столкнуться с проблемой

создания имиджа — образа, соответствующего женщине-государыне. В проповедях и назидательной литературе англичанам XVI века предлагался идеал женщины, и это был идеал, который не оставлял места незамужней женщине-правителю: женщина должна быть женой, молчаливой, послушной и домашней. Она должна управлять собственной кухней, но уж никак не собственным королевством. За пределами кухни она попадает под власть мужчины, потому что физически, интеллектуально и эмоционально стоит ниже его. Женщине отводилась роль пассивная и подчиненная. Во все время правления Елизаветы проповедники продолжали настаивать на том, что это занятие противоречит природе женщины, которая должна принадлежать семье и подчиняться власти мужчины. Если она без этого подчинения не может управлять собственным домом, как может Елизавета управлять королевством?

Елизавету постоянно угнетало сознание того, что она «всего лишь» женщина. В рамках этого сознания ей казалось, что мужчины, с которыми ей приходилось работать, смотрели на нее как на существо ущербное и неумелое в силу ее женской природы. Почва для такого ощущения была. В 1560 году Вильям Сесил не на шутку разгневался, узнав, что посланник обсуждал с Елизаветой депешу из Парижа, которая была «слишком сложной для женского ума». В 1592 году выяснилось, что лорд-представитель в Ирландии всюду поносит ее на чем свет стоит: «Ах, глупая баба, она выводит меня из себя сверх всякой меры! Ни один другой монарх в нашем христианском мире со мной бы так не обращался»[7]. Когда дела в королевстве пошли хуже, причиной всех бедствий тоже стал женский пол королевы. В 1597 году граф Эссекс говорил французскому посланнику: «При дворе нами руководят две вещи — медлительность и непостоянство. Обоими мы обязаны женскому полу нашей королевы». Низшие слои населения и вовсе не верили в то, что ими управляет женщина. В 1591 году в Эссексе утверждали, что королева — просто марионетка, управляемая пэрами. Немного позже лондонская жительница, впервые увидав Елизавету, воскликнула: «Боже мой, королева — женщина!» — как это может быть?[8]

Сама Елизавета иногда была не прочь разыграть «чисто женскую» роль. В 1563 году в Палате Общин она сказала о себе, что, «будучи женщиной, хотела бы обрести ум и память», и выразила согласие с тем, что молчаливость должна быть «чертой, соответствующей ее полу». В 1570 году, беседуя с посланником из Испанских Нидерландов, Елизавета сказала ему, что его правителю «просто приходится иметь дело с женщиной», а еще через несколько лет в личной молитве она отозвалась о себе как о

«слабой женщине»[9]. Все это, конечно, было просто удобной ролью, но даже королева не могла пренебрегать обычаями и игнорировать отведенное ей ими место. Впрочем, это место не было четко определено: существовало противоречие между идеалом монарха и идеалом женщины. Монарх должен править, женщина должна подчиняться. Джону Ноксу это противоречие казалось столь очевидным, что правление женщины, по его мнению, следовало считать чем-то «недопустимым», нарушающим естественный порядок вещей. В 1558 году он опубликовал «Первый сигнал трубы», где изложил свои мысли на этот счет. Оправдывая свержение Марии, он описывал замешательство, в которое его привело восшествие на престол еще одной женщины. Путаясь в кругу изначальных доказательств, Нокс писал, что, хотя правление женщины и носит неестественней характер, в случае с Елизаветой Бог сделал исключение. Он призвал ее, чтобы возродить Евангелие. Это был грубый намек на то, что религия, исповедуемая Елизаветой, может стать компенсацией ее пола. Схожего мнения придерживался и Джон Кальвин: иногда, считал он, Бог наделяет женщину особыми свойствами, чтобы она, несмотря на свой пол, могла исполнить божественную миссию. Этими аргументами часто пользовалась и сама Елизавета. Она была не «обычной» женщиной, а исключением из правил, распространявшихся на всех женщин. Возможно, и Вильям Сесил смотрел на нее как на исключение, отклонение от естественного хода вещей. Но естественный ход будет восстановлен: он молил Бога, чтобы тот «послал нашей королеве мужа, а со временем и сына, тогда мы могли бы надеяться, что наше последующее поколение будет жить при правителе-мужчине»[10].

Неосуществленной идеей Тюдоров было ее замужество. Все сошлись в убеждении, что Елизавете нужен муж. Филипп II Испанский снисходительно предложил свою кандидатуру. Он хотел облегчить груз власти, возложенный на его невестку. «Будет лучше для нее самой и ее королевства, — заявил он, — если она изберет себе супруга, который сможет освободить ёе от выполнения обязанностей, подходящих только для мужчины»[11]. Некоторые историки, особенно современные писательницы-феминистки, усматривают в настоятельном принуждении выйти замуж проявление мужского шовинизма: Елизавета должна была выйти замуж за короля, который бы затем управлял страной. Это не совсем верно. Вильям Сесил, Николас Бэкон и другие, настаивавшие на замужестве, ничего от этого не выгадывали, а наоборот, потеряли бы часть своего влияния. Если бы они решили, что Елизавета не может управлять сама, они скорее бы стали править вместо нее, чем согласились отдать власть другому

человеку. Когда рассматривался брак с иностранным принцем, советники взяли за основу переговоров брачный договор Марии и Филиппа Испанского, по которому муж отстранялся от правления. Искали не монарха для королевы, а отца ее будущего сына — не правителя, а производителя.

Муж для королевы стал средством к достижению цели. Цель состояла в том, чтобы обрести надежного наследника, а путь к этому лежал через замужество. В 1559 году Палата Общин обратилась к Елизавете с требованием о замужестве и производстве потомства, а затем приступила к обсуждению ограничений, налагавшихся на власть ее возможного мужа. В 1563 году Палата Лордов воззвала к королеве: «Было бы хорошо, если бы Ваше величество пожелали выйти замуж по своему усмотрению, где пожелает, за кого пожелает, и как только пожелает». Но после формальной ссылки на счастье королевы следовали истинные причины необходимости замужества — производство потомства. В том же 1563 году члены Палаты Общин «молили Бога склонить сердце королевы к замужеству и быть настолько милостивым, чтобы послать ей ребенка»[12]. На заседаниях парламента 1566 и 1567 годов вновь было принято воззвание о замужестве и вновь оговаривалась та же причина — наследник трона. Королевский муж был печальной необходимостью, истинной целью был королевский сын.

В интересах общественного мнения королева готова была признать, что должна выйти замуж для блага королевства. В 1563, 1566 и 1567 годах, выступая на заседаниях парламента, она говорила, что, хотя и предпочитает единовластное правление, но во имя своих подданных согласна выйти замуж. В 1576 году лорд-хранитель малой печати Бэкон заявил: «Ее Величество поручила мне сообщить, что, несмотря на ее личную нерасположенкость и нежелание выходить замуж, она, во имя вас и для блага королевства, согласна уступить и удовлетворить вашу покорную просьбу, более того, всячески содействовать тому, чтобы замужество состоялось»[13]. Но к тому времени навряд ли кто-нибудь еще верил ей, да и она скорее всего уже не верила своим обещаниям; к 1576, а возможно, и к 1563 году, замужество стало для королевы средством политических интриг, но никак не искренним желанием решить вопрос с потомством.

Недостатка в желающих стать отцом будущего наследника престола, по крайней мере в начале ее правления, не было. Как впоследствии отмечал ее секретарь Вальсингам, Елизавета была «самой выгодной партией в округе»[14] и многие надеялись завоевать ее сердце. В первые недели правления Елизаветы граф Арундел взял взаймы у итальянского купца крупную сумму денег,

которые щедро тратил на развлечения и подкуп подруг и слуг королевы, чтобы они склонили ее выйти за него замуж. Когда в мае 1559 года сэр Вильям Пикеринг попытался добиться любви королевы и она начала проявлять чрезмерную о нем заботу, лондонцы в спорах ставили четыре к одному, что он станет королем. Эрик XIV Шведский послал своего брата просить руки Елизаветы, не скупясь при этом на расходы. До этого поступали и более скромные предложения от графа Арранского, герцогов Голштинии и Саксонии и эрцгерцога Австрийского. В 1561 году лондонской компании по продаже канцелярских принадлежностей было приказано изъять из продажи все печатные картины, изображающие Елизавету с поклонниками, особенно с королем Эриком. Очередь кандидатов стала настоящим препятствием для дипломатических отношений, а ухаживания за королевой — чем-то вроде скандала.

Но самым скандальным из всех оказалось дело Дадли, из-за которого по Европе прокатилась дурная слава о Елизавете, а политическая стабильность Англии оказалась под угрозой. Либо королева перешла все границы любовного флирта, либо она серьезно намеревалась выйти замуж за Роберта Дадли, но в течение нескольких месяцев пришлось дважды удерживать ее от этого шага.

В августе и сентябре 1560 года, когда жена Дадли явно умирала от рака груди, Елизавета и Дадли строили планы женитьбы. Вильям Сесил готовился оставить должность государственного секретаря в случае, если они поженятся, но одновременно начал борьбу против осуществления этих планов. Он распространил слух, что Эми Дадли вовсе не больна на самом деле, а Елизавета и Дадли планируют отравить ее. Эту историю он рассказал даже испанскому посланнику и добавил, что Дадли несет гибель королевству. Подобная тактика имела два результата: посланнику было внушено, что следует предостеречь Елизавету от замужества, а когда Эми умерла в сентябре, на Роберта пали подозрения в ее убийстве. Случившееся вызвало шквал возмущений как при дворе, так и в стране, и на какое-то время замужество стало невозможным по политическим причинам. Тем не менее, Елизавета и Дадли (а возможно, только сам Дадли) решили прибегнуть к крайним мерам и жениться вопреки внутренней оппозиции. В середине января 1561 года союзник Дадли сообщил испанскому послу, что королева и Роберт пойдут на восстановление в Англии католицизма, если Филипп II окажет им поддержку в заключении брака и поможет избежать последствий, с ним связанных. Слухи об этом поразительном предложении ходили до середины апреля. Все это

время Дадли и его союзник Паджет продолжали обрабатывать королеву и готовились к встрече эмиссара от папы. Планы вновь разрушил Сесил. Возможно, именно он сделал эту историю достоянием публики. Арестовав ведущих католиков из мелкопоместных дворян и обвинив их в незаконных мессах, он создал видимость папского заговора, поселив в душах людей страх перед реставрацией католицизма.

Вероятно, возникший в Лондоне общественный протест убедил Елизавету в том, что «испанская стратегия» невозможна. Она отрицала перед испанским послом, что когда-либо планировала возрождение католической религии. Тайный совет решил не принимать папского посла, и к началу мая 1561 года все было закончено. Сесил докладывал: «Месяц назад, заметив рост римско-папского влияния, я посчитал необходимым лишить католиков оснований для надежд, арестовав некоторых сплетников и наказав их»[15]. Сесил избрал блестящую тактику: он свел к нулю шансы Роберта Дадли стать королем, наглядно продемонстрировав Елизавете масштаб враждебности аристократии и народа по отношению к браку с Дадли, но он же тем самым обрек ее на роль королевы-девственницы. Возможно, именно в это время королева решила никогда не выходить замуж или, по крайней мере, осознала вероятность того, что это может случиться. Иностранные предложения будут поступать еще в течение двадцати лет, но за коротким исключением, в 1579 году, они превратятся в дипломатические маневры за политическое первенство. Требования, которые королева предъявляла к претендентам, всегда были слишком высокими и не могли восприниматься как реальные. Она выставила свою кандидатуру на дипломатических торгах самого высокого уровня, но так как никто не мог предложить назначенную ею цену, она превратилась скорее в королевский соблазн, чем в королевский пирог.

Елизавета, вероятно, решила не выходить замуж. В 1563 году она говорила императорскому посланнику: «Если я открою перед Вами то, что действительно диктуют мне мои желания, так это будет следующее: скорее одинокая нищенка, чем замужняя королева!»[16]. Еще через три года она заявила испанскому послу, что, если бы смогла найти приемлемый путь решения вопроса с наследником, не выходя при этом замуж, она, конечно, так бы и поступила. Когда королева говорила, выйдет она замуж или не выйдет — это было с ее стороны всего лишь политической игрой, но ее явное нежелание вступать в брак стало широко известным. Французский посол докладывал в 1569 году, что английские аристократы все как один убеждены в том, что королева не выйдет замуж, поэтому Вильям Сесил начал к тому времени

искать другие способы решения вопроса о престолонаследии. К 1572 году Роберт Дадли, самый внимательный из всех наблюдавших за дипломатическим флиртом Елизаветы, пришел к выводу, что «сердце ее величества совсем не расположено к тому, чтобы выходить замуж, потому что из всех возможных путей, какие только мы могли придумать, она всегда выбирает самые сложные». Дадли справедливо подметил, что во время всех брачных переговоров Елизавета искала не преимуществ, а скорее того, что могло бы помешать браку. К 1575 году Фрэнсис Вальсингам, глава брачной делегации, рассматривал дело о замужестве как потерпевшее полный крах:

> «Я с каждым днем все больше убеждаюсь, что сложившееся у Ее Величества отношение к замужеству определяется рядом субъективных причин: желанием сохранить корону и избежать людского презрения. Но я ни в коей мере не могу надеяться на то, что наше желание сможет стать ее желанием. Поэтому мы должны вверить решение этого вопроса Богу, а сами стать более верными христианами, потому что именно наши грехи служат истинной причиной отрицательного отношения Ее Величества к браку»[17].

Вопрос о замужестве оставался открытым; оно стало своеобразным политическим орудием, призванным заманивать кандидатов и одновременно укрощать претендентов на трон. Угроза того, что Елизавета может выйти замуж и произвести на свет ребенка, использовалось, чтобы заставить Марию Стюарт вести себя прилично, насколько она могла. Елизавета заявила шотландскому эмиссару в 1564 году: «Я никогда не стала бы выходить замуж, если бы грубое поведение моей сестры по отношению ко мне не заставило меня изменить решение». Мельвиль утверждал, что его ответ был следующим: «Ваше Величество думает, что если вы выйдете замуж, то вы будете просто королевой Английской, а сейчас вы король и королева в одном лице!» Возможно, в этом была доля правды. Елизавета привыкла слушаться только своих советов и управлять королевством в одиночку; она любила быть единственным центром внимания. В 1566 году она говорила Роберту Дадли, к тому времени графу Лестеру: «Если Вы думаете управлять здесь, я буду следить за вашими поползновениями. Я признаю только одну хозяйку и никаких хозяев!»[18]. Стало очевидным, что Лестер никогда не будет ее мужем, потому что, после совершенных в молодости неблагоразумных поступков, она пришла к выводу, что брак с Дадли был бы слишком недостойным ее. В 1565 году

Елизавета открылась французскому послу: «Хотя я всегда ценила хорошие качества графа Лестера, но живущее во мне стремление к величию и чести не позволило бы мне сделать его своим соратником и мужем». В 1575 году она высказалась еще более резко: «Неужели вы думаете, что я настолько не дорожу собой и своим королевским величием, что предпочла бы в качестве мужа слугу, которого сама же взрастила, самому великому принцу в христианском мире!»[19]. Короче, она не намерена выходить замуж за Роберта Дадли, просто своего подданного.

Но если выйти замуж за подданного было слишком унизительно, то за иностранного принца — слишком опасно. Это непременно повлекло бы за собой постоянный выбор союзников (а возможно, и врагов) и постоянные трудности во внешней политике. Так как большинство подходящих кандидатов были католическими принцами, это, возможно, потребовало бы уступок в вопросах религии, что, в свою очередь, вызвало бы раздражение ее протестантских подданных. Сватовство герцога Алансонского — единственный случай после 1561 года, когда Елизавета серьезно была расположена выйти замуж, — приостановилось в 1579 году из-за возникшего в обществе недовольства приверженностью французского принца католицизму. Независимо от того, выбрала бы она мужа внутри королевства или за его пределами, ее брак все равно стал бы причиной разногласий. Вильям Камден, чей взгляд на Елизавету, возможно, носил отпечаток мнения его наставника Вильяма Сесила, позже писал:

> «Некоторые придерживались того мнения, что она решительно настроилась на незамужнюю жизнь, которая скорее, чем замужняя, могла способствовать общественной пользе и ее собственной славе. Она предвидела, что брак с подданным и неравный брак опорочат ее в глазах народа и дадут повод для недовольства, недоброжелательства и волнений. Если же она выйдет замуж за иностранца, она тем самым наденет хомут как на свою шею, так и на шею своего народа. Кроме того, подобное замужество может угрожать нашей религии»[20].

Правление ее отца и сестры служили для нее наглядным доказательством того, как внутренняя политика и международные отношения могут быть подорваны выбором супружеской половины, и Елизавета предпочитала не рисковать перед вероятностью неправильного выбора.

Джон Клапхэм, еще один ставленник Сесила, высказал подозрение, что на королеву оказывали хитроумное политическое

давление. Он считал, что Елизавета не желала выходить замуж «либо по той причине, что ее больше устраивала свободная жизнь и возможность единовластного правления, либо, имея желание выйти замуж, она поддавалась влиянию каких-то конкретных фаворитов, которые ее от этого отговаривали»[21]. Конечно, было правдой и то, что граф Лестер предпринимал попытки пресечь заморские ухаживания за королевой, потому что они представляли угрозу его собственному положению при дворе. Возможно, Клапхэм прав и в том, что Елизавета желала «единовластного правления» и не хотела делить свою власть с мужем. Она, всю свою сознательную жизнь боровшаяся против устоявшегося идеала женщины, вероятно, находила затруднительным сделать самую обычную для женщины вещь. Она всячески старалась показать, что не похожа на других женщин. Как могла она стать такой же, как все остальные, и подчиниться мужу? Это лишило бы опоры ее претензии на исключительность, подорвало бы созданный ею имидж, на котором основывалась ее власть, и ослабило бы ее авторитет перед подданными мужского пола. Елизавета отказывалась быть просто женщиной и не собиралась стать просто женой.

Некоторые историки, особенно А. Ф. Поллард[22], приводят доказательства того, что Елизавета не вышла замуж, сознавая, что это не решило бы проблему с наследником: она знала, что не сможет иметь детей. Существует очень мало доказательств в пользу этой точки зрения. Испанские послы заплатили прачкам королевы за нужную им информацию и получили подтверждение того, что у Елизаветы регулярный менструальный цикл. В марте 1579 года, когда королеве было уже 45 лет, лорд Берли, проконсультировавшись у ее докторов и служанок, пришел к выводу, что она все еще может иметь детей. На самом деле угрозу для королевы представляла не невозможность беременности, а риск, что это может произойти. Примерно 10 % родов оканчивались смертью матери, и две мачехи Елизаветы, Джейн Сеймур и Екатерина Парр, умерли во время родов. Если бы то же самое случилось с Елизаветой, в наследство королевству осталась бы борьба за престол или несовершеннолетний наследник. Замужество, таким образом, могло только усугубить проблему с наследником, и поэтому Елизавете казались предпочтительнее другие способы ее решения. В 1566 году Вильям Сесил подписал меморандум, в котором говорилось о важности улаживания вопроса с замужеством и назначении наследника. Вывод гласил: «Средством решения проблем может стать замужество, но если это невозможно, то следует перейти к обсуждению права наследования»[23].

Как только стало очевидным нежелание Елизаветы выходить замуж, от нее стали настойчиво требовать объявления наследника престола. Частично тут была вина ее собственной семьи и публицистов: благодаря пропаганде Тюдоров был создан образ монарха как оплота общественной стабильности. Неизбежным следствием нерешенного вопроса о наследниках должны были стать гражданские войны. Страх конфликта особенно усилился после приступа оспы, которой королева переболела в октябре 1562 года. Тайный совет разделился на три группы, каждая из которых поддерживала своего претендента, а Елизавета еще более ухудшила положение вещей, предложив Роберту Дадли стать регентом королевства. Вильям Сесил, ожидая беды, писал в 1563 году парламенту: «Я думаю, что следует предпринять все возможное, чтобы утвердить наследника престола, но я боюсь, что нежелание ее величества объявить его может стать препятствием на этом пути»[24]. Так оно и случилось.

Палата Лордов и Палата Общин обратились к королеве с просьбой назначить наследника. Лорды приводили в качестве основания недавнюю болезнь королевы и возникшую в связи с ней неуверенность:

> «Наимилосерднейшая государыня, жалкое и прискорбное состояние, в котором совсем недавно пребывали Ваши верная знать и советники, когда Богу было угодно коснуться Вас своей тяжелой рукой, и тревога, в которую привел Ваш недуг всех понимающих людей, являются причиной нашего обращения».

Если бы королева умерла не назначив наследника, это стало бы «очевидным поводом для большого несчастья и опасности, угрожающей людям всех положений и сословий в этом королевстве. Фракционные заговоры, восстания и гражданская война разгорались бы и из-за непонимания, кому следует посвятить свой долг и верность»[25].

Отказ Елизаветы провозгласить наследника не мог не вызвать неодобрения. В 1565 году проповедник Томас Сэмсон предложил: «Если королева не в силах помочь нам выйти из затруднительного положения, тогда парламент должен проявить всю свою власть и мудрость с тем, чтобы сделать все возможное и разрешить, наконец, вопрос с наследником. В Палате Общин в 1566 году говорилось, что „долг чести и совести велит Совету подвигнуть королеву на назначение наследника“ и что „в противном случае вся вина за невинно пролитую кровь ляжет на совесть Ее Величества, Совета и Палаты“»[26]. После того как королева попыталась отменить в 1566 году парламентские дебаты

по поводу назначения наследника, в Лондоне начали появляться плакаты, подвергавшие критике ее поведение. Они, кроме того, несправедливо обвиняли Вильяма Сесила в том, что наследник не был назначен. О королеве складывалось мнение как о безответственной и пренебрегающей благополучием своих подданных.

Елизавета и правда отказывалась провозгласить наследника и всячески пыталась не допустить обсуждения этого вопроса. Она пришла в ярость, когда в 1566 году группа аристократов провела в доме Арундела совет по вопросу выбора наследника. В этом же году она запретила парламенту обсуждать вопрос о передаче трона, так как «если вам предоставить свободу рассмотрения этого дела, то появится слишком много соперников — какие-то родственники, слуги и арендаторы; кто-то будет защищать своего хозяина, кто-то свою хозяйку и уж, наверняка, каждый — своего друга. Так что в результате все это приведет скорее к растрате, чем к прибыли»[27]. Конечно, королева была права, и не без оснований, в том, что споры по поводу наследника могут стать причиной разногласий. В 1581 году вышел закон, запрещавший предсказания и астрологические прогнозы того, когда Елизавета скончается и кто станет править после нее. Но все эти соображения навряд ли объясняют, почему Елизавета была столь непреклонной и почему она рисковала даже своей популярностью, не предпринимая никаких действий: ведь раздоры, вызванные дебатами, померкли бы в сравнении с теми распрями, которые могли возникнуть из-за свободного престола после смерти королевы. Правда, в конце концов, ее промедление себя оправдало, и проблема была решена сама собой: Елизавета пережила некоторых претендентов, а другие сами себя дискредитировали, но столь удачное стечение обстоятельств трудно было предвидеть.

Нестабильность положения после своей смерти Елизавета принесла в жертву стабильности при жизни. Неопределенность с назначением наследника укрепляла ее собственные позиции, придавая особую важность ее жизни как королевы и делая ее средоточием верности подданных. Епископ Джуэл восклицал: «О, какими жалкими должны казаться те, кому не могут сказать, при каком правителе они будут жить. Я верю, что божьей милостью Елизавета будет жить еще долго и счастливо». В 1578 году королева едва не погибла от случайного выстрела. Из этого случая создатели баллад вынесли политический урок:

О, если б смертная печать
Чело покрыла королевы,

Лишила нас оплота веры,
То нечестивцев дерзких рать
Повергла бы наш край родной
В безумье войн и крови реки;
Мы были б прокляты навеки,
На смуту променяв покой [28].

(Перевод С. Горяйнова, Т. Горяйновой).

Королеве не хотелось, чтобы этот интерес был направлен на другого, и она продолжала испытывать страх перед планами выдвижения наследника. «Я знаю о непостоянстве английского народа, о его вечной нелюбви к существующему правителю и о направленности внимания на того, кто должен унаследовать трон», — заявила она в 1561 году. Шотландскому посланнику она рассказывала о заговорах, которые плелись для того, чтобы возвести ее на престол во время правления сестры Марии, на что он ответил: «Если бы в мире наверняка знали, кто будет править после нее, она бы никогда не была в полной безопасности». Когда в 1566 году парламентская делегация потребовала от Елизаветы назвать наследника, она в ответ парировала: «Я уверена, что это не будет одно из тех второстепенных лиц, каким в свое время была я». Мария Тюдор была в опасности из-за того, что на ее место хотели поставить Елизавету, а Елизавета подвергалась опасности из-за подозрений Марии — «такого никогда не произойдет с моим наследником»[29].

Зная о своей подозрительности, Елизавета понимала, что никогда не сможет доверять провозглашенному наследнику: «Неужели вы думаете, что я смогу полюбить свой смертный саван, если, как учат нас примеры, короли не могут любить даже своих собственных детей, которые станут их наследниками?» — спрашивала она в 1561 году. В следующем году в Лондоне появился слух, что королева не станет решать вопрос о наследнике, «потому что она убеждена, что если будет существовать известный людям наследник, их благорасположение скорее всего сосредоточится на нем, а не на ней»[30]. В 1566 году Елизавета заявила Тайному совету, что не собирается стать слабой раболепствующей королевой и наблюдать, как ее советники покинут ее, чтобы вести переговоры с будущим наследником. Как бы она ни прикрывала истинные причины своего поведения борьбой за общественные интересы и безопасность наследника, на самом деле причиной отказа Елизаветы назвать его имя была забота о своей собственной политической независимости. Она не осмеливалась назвать и

ключевую фигуру возможного переворота, который мог бы лишить ее трона. Позиция королевы была довольно уязвимой: не желая переключать верность своих подданных на другого, она все более усложняла проблему женского правления в мужском мире.

Несмотря на то, что Елизавета была женщиной, она стремилась убедить всех, что является единственной, кто может занимать английский престол. Она не хотела усложнять положение дел, выбрав себе мужа или наследника. Королева и ее сподвижники стремились создать атрибутику монархини, выходя при этом за рамки установленного идеала женщины. Стереотип женщины XVI века не подвергался изменению. Елизавета приняла для себя этот имидж и часто подсмеивалась над своим полом. Когда в 1598 году ее похвалили за способности к иностранным языкам, она в ответ сказала: «Нет ничего необычного в том, чтобы научить женщину говорить; гораздо сложнее научить ее молчать!»[31] Она не стремилась изменить идеал, а стремилась выйти за его рамки, убедив всех в том, что она не является обыкновенной женщиной. Поразительно то, что в поэзии и на портретах она всегда представала в образе обожаемой богини или неприкосновенной девы, но никогда — обычной женщиной. Она была небесной богиней, Селеной, Дианой или Бельфебой, девственной Асгреей или девственницей-весталкой, непокорным горностаем или уникальным фениксом.

Королева сразу утвердила свои претензии на избранность, и составной частью этой избранности стал ее статус незамужней женщины. Выступая перед первым парламентом, она сказала: «В конце концов, для меня достаточно того, что надгробная надпись на мраморе будет гласить, что королева, оставаясь у власти столько времени, жила и умерла девственницей». Тема была моментально подхвачена и получила широкое распространение. В 1582 году Томас Бентли посвятил «Памятник матрон» Елизавете как девственной невесте Христа и матери церкви. Елизавета была не просто девственницей, она соревновалась с непорочной Девой Марией в этом звании. В 1960 году Джон Дауленд во «Второй книге песен» противопоставил песни в честь Елизаветы молитвам к Деве Марии, «Виват Елизавета» вместо «Аве Мария». Вскоре после ее смерти, в 1603 году появились гравюры с изображением королевы, на которых было написано:

Короною блистая на челе,
Ты Первою была на всей земле;
И стала, превратившись в вечный прах,
Второй святой Марией в небесах.

(Перевод С. Горяйнова, Т. Горяйновой).

Елизавета действительно была выше всех смертных. В балладе 1587 года говорилось:

О королева, божий свет во мгле,
Тебе не будет равных на земле [32].

(Перевод С. Горяйнова, Т. Горяйновой).

Елизавета не была просто девственницей. В некотором смысле она была замужем за английским королевством в целом. Возможно, именно так она заявила своему первому парламенту, продемонстрировав в качестве символа своих обязательств коронационное кольцо. Если эта история и является вымыслом, она была довольно популярной, и многие в нее верили. В 1599 году сама королева обращалась ко «всем своим мужьям, своим добрым людям». Она была не только женой, но и матерью. В 1559 году Елизавета, возможно, сказала следующее: «Все вы, все живущие англичане — мои дети и кровные родственники». В Палате Общин в 1563 году Елизавета заявила: «Хотя после моей смерти у вас будет не одна мачеха, ни одна из них не будет вам истинной матерью, какой была для вас я». Ссылка на девственную мать была принятой метафорой в ее речах к парламенту и личных молитвах: «Сохрани, Господи, мать и детей, которых ты ей дал, чтобы мы могли служить тебе еще лучше во благо твоей бедной церкви». Так она молилась в 1579 году[33]. Итак, Елизавета выступала в роли женщины, которая стоит выше всех остальных женщин. Она была не просто девственницей, а девственницей, равной Марии, не просто женой, а женой королевства, не просто матерью, а матерью англичан и английской церкви. Не была она и просто дочерью: она была дочерью Генриха VIII.

Елизавета целенаправленно взывала к памяти своего отца и постоянно отождествляла себя с ним — граф Ферия заметил это еще до смерти Марии. Когда во время коронационной процессии Елизавета услышала крик в толпе: «Вспомните старого короля Генриха VIII!», она специально обратила внимание на это обстоятельство, улыбнувшись в ответ на крик. Естественно, этот случай получил отражение в официальных отчетах. В парламенте в 1559 году она заявила: «Мы надеемся руководить, управлять и сохранять наше королевство в такой же справедливости, мире и покое, в каких оно пребывало во время правления моего отца»[34]. Елизавета избрала Генриха своим кумиром, другим оставалось лишь превозносить его добродетели. В 1560 году сэр Томас Чалонер, дипломат и старый друг Вильяма Сесила, посвятил свою «In Laudem Henrici Octavi Carmen panegiricum» («Хвалебная песнь

в честь Генриха VIII». — *Ред.)* новой королеве. Елизавета претендовала на мужественность своего отца, что подчеркивалось и в ее речах в парламенте в 1566 году, и в заявлениях посланнику Испанских Нидерландов в 1576 году. Во время приемов в своем личном кабинете в Уайтхолле она сидела на фоне гольбейновской фрески с изображением династии Тюдоров, в центре которой выделялась фигура Генриха.

Елизавета всегда была особенной, а никак не «простой» женщиной. Она подчеркивала свой контраст с остальными женщинами, не пренебрегая их хрупкостью, но закрепив за собой особое положение, связанное с королевским саном. В 1563 году она говорила в Палате Общин, что «будучи женщиной, хотела бы обрести ум и память». Возможно, она и должна быть молчаливой, «но все же королевский сан и королевский трон, который определен (хотя и недостойной) мне Богом», давал ей уверенность. Она была монархом, избранным Богом и наделенным всеми качествами, необходимыми для монарха: на нее никто не мог оказать давления!

«Хотя я и женщина, — говорила она парламентской делегации в 1563 году, — все же я обладаю достаточной долей мужества, как и мой отец, что соответствует занимаемому мной месту. Я ваша Богом данная королева. Меня невозможно заставить действовать силой. Я благодарна Богу, что он наделил меня такими качествами, что, если бы я осталась за пределами моего королевства в одной нижней юбке, я смогла бы жить в любом месте христианского мира».

Эти качества были даны ей как наместнику Бога. В молитве, которую она написала около 1579 года, Елизавета благодарила Бога за то, что он сделал ее «… (хотя и слабой женщиной) своей наместницей, чтобы воплощать в жизнь доктрины его дорогого сына Иисуса Христа»[35]. Будучи наместницей Бога, она становилась равной мужчинам. В 1581 году королева заявила: «Во мне сердце мужчины, а не женщины, и мне нечего бояться». К 1586 году она действительно стала более стойкой, чем многие мужчины: жизнь «научила меня более мужественно выносить все измены, чем это делают представительницы моего пола, да что там, более мужественно, чем многие мужчины!» Елизавета была женщиной с мужской силой воли — она обладала большим мужеством, чем обычные мужчины. В знаменитой речи, обращенной к объединенным войскам в Тилбери в 1588 году, четко выразилась ее претензия на превосходство: «Я знаю, что у меня тело слабой женщины, но сердце и мужество у меня королевские, причем, английского короля!»[36] Елизавета была политическим гермафродитом: королевой и королем в одном

лице.

Девственная жена и мать, дочь короля Генриха VIII, наместница Бога, обладавшая мужеством короля — все это возвышало Елизавету над ее полом. Она вышла за рамки, ограничивающие идеал женщины. Для лорда Берли в конце его жизни она была «мудрейшей из всех женщин, потому что разбиралась в интересах и нравах всех королей своего времени, а ее знания о собственном королевстве были настолько совершенны, что ни один советник не смог принести весть, доселе ей неизвестную». Она была почти сверхчеловеком и уж тем более сверхженщиной. Вильям Камден замечал: «Мужскими обязанностями и заботами она подавила в себе свой пол». Роберт Сесил был менее щедр на комплименты — она была «выше всякого мужчины, но, по правде говоря, иногда ниже обычной женщины». Елизавета рассматривала себя как чудо, исключение из правил, и так ее воспринимали все окружающие. В балладе на ее смерть были строки:

Державно править Англией стараясь,
С мужчиной не деля монаршей доли,
Всю власть несла одна ты поневоле,
Лишь женщиною слабой оставаясь[37]

(Перевод С. Горяйнова, Т. Горяйновой).

Все это представлялось возможным, женщина могла править и могла подняться над своей природной слабостью, потому что была избрана Богом. Елизавета присвоила себе звание божьей помазанницы; это соответствовало рассуждениям Кальвина о том, что Бог выбирает женщин-правителей для выполнения особых задач. В Елизавете было сильно развито чувство избранничества и божьего расположения. В начале своего правления она сказала Совету: «Меня изумляет груз, возложенный на меня. И все же, признавая себя божьим созданием, которое должно принять свое назначение, я подчиняюсь, в глубине души желая, чтобы Бог не оставил меня своей помощью в исполнении его божественной воли на том посту, который был мне им вверен». Рассуждения Елизаветы отражали взгляды Джона Фокса, который считал, что Господь хранил и защищал ее во время правления Марии, чтобы она смогла впоследствии возродить Евангелие. В молитвах, написанных около 1579 года, королева просила Бога держать ее «под крылом своей божественной власти, как это было с ее рождения». Бог сделал ее королевой: «Он вознес меня и даровал мне своей божественной волей трон», «поместив меня из тюрьмы во дворец и сделав монархиней всего английского народа»[38].

Подтверждение того, что она была избранной Богом королевой, заключалось в ее успехе, который Елизавета рассматривала как знак божьего благоволения. В 1576 году королева говорила парламенту: «Я не могу отнести на свой счет все выпавшие мне случайности и удачи, не умалив при этом роль провидения» — и добавила: «Все эти 17 лет Господь благоприятствовал вам и защищал вас под моим руководством». То же самое она повторила и в выступлении перед своим последним парламентом в 1601 году: «Богу (в честь которого я говорю, не хвалясь и не присваивая себе чужих заслуг) было угодно провести меня через тяжелые испытания и опасности странного и непонятного свойства для того, чтобы сделать исполнителем своей божьей воли, спасая государство от беды, а меня — от бесчестия». Парадоксальным образом женский пол Елизаветы стал ее орудием пропаганды: если женщина может достойно править, значит она пользуется поддержкой Бога. Лорд-хранитель Пакеринг использовал этот аргумент на открытии парламента в 1593 году: «Бог дал право слабому полу и заставил нас восхищаться ее деяниями прежде, чем мы смогли усомниться в ее успехе»[39]. Бог помогал королеве, и это разрушало скептическое отношение к возможности женщин находиться у власти.

Сознание Елизаветой I своего божественного назначения давало ей психологические силы справляться с патриархальной системой, быть больше чем женщиной и править мужчинами. Но хотя она в определенном смысле и была избрана Богом, все правители так или иначе считались божьими наместниками. Ее уверенность, помимо прочего, коренилась в том, что она ощущала свою принадлежность к числу правителей мира, и в чувстве королевского достоинства. В 1582 году она отчитала группу датских посланников: «Вы, сапожники, ткачи и еретики, как смеете вы говорить в таких выражениях с человеком, в котором течет королевская кровь, с герцогом Алансонским! Я хочу, чтобы вы знали, что при общении с ним или со мной вы находитесь в присутствии двух величайших правителей христианского мира»[40]. Легитимность правления Елизаветы была для нее важной поддержкой, ведь несмотря на свой пол, она была законной правительницей. Это была удобная позиция внутри королевства, но во внешней политике ей приходилось сталкиваться с проблемами. Она продолжала расценивать Марию Стюарт как королеву даже после ее отречения в 1567 году и, похоже, была искренне напугана тем, как шотландцы отзывались о своей королеве. Отказ Елизаветы исключить Марию из числа наследников английского престола в 1572 году, ее нежелание

суда над Марией в 1586 году и искренний гнев и горе после казни Марии в 1587 году (гнев этот был еще более усилен непониманием того, что она должна была на это согласиться) являлись отражением признания королевского статуса Марии.

В 1565 году Елизавета заявила, что, «принадлежа к миру венценосцев, она никогда не поддержит подданных в непослушании своим монархам, потому что помимо угрызений совести, которые будут ее донимать, всемогущий Господь, вероятно, справедливо ответит подобной же бедой в ее собственном королевстве». На самом деле, она с неохотой поддерживала восстание протестантов в Шотландии, Франции и Нидерландах, боясь, что нарушение прав любого другого правителя может означать потерю ее собственного влияния. Елизавета настаивала на королевском достоинстве как на способе поддержания своей власти, и свой статус женщины она облачила в плащ королевского величия. Во время последней болезни в 1603 году в ответ на слова Роберта Сесила, что ей следует лечь в постель, она ответила: «Недостойный человек, слово „следует“ не должно применяться к королям!». Елизавета была женщиной, но сверх этого она была монархом. Как она сказала за несколько недель до своей смерти: «Мой пол не может уменьшить мой престиж»[41].

Глава II. Королева и церковь

Как только Елизавета стала королевой, за ней сразу закрепилась репутация «пробивной» женщины. Агент Филиппа II граф Ферия докладывал о ее властности, а имперский посланник презрительно заявлял: «Подобно крестьянину, получившему титул барона, она, взойдя на трон, начала лопаться от гордости и возомнила, что не имеет себе равных»[42]. Она была заправительницей всех дел, подобно торговке рыбой, отчасти благодаря тому, что ей приелось утверждать свою власть над скептически настроенными мужчинами, и отчасти потому, что у нее было чувство собственного предназначения. В личном молитвеннике, составленном около 1579 года, Елизавета отзывалась о себе как о наместнице Бога, призванной возродить Евангелие, как о матери английской церкви и защитнице пострадавших за веру. В своих молитвах она действительно старалась видеть себя такой, какой должен был видеть ее Бог. Созданный ею самой имидж предполагал в ней покровительницу Евангелия, и к своим религиозным обязанностям она относилась со всей серьезностью.

Среди историков принято было считать, что Елизавета на самом деле мало заботилась о религии и использовала ее только в качестве политического Орудия для поддержания порядка. Это не совсем верно. Она была реалисткой, но это не означает ее равнодушия к делам религиозным: она стояла за праведную религию, но не стала бы глупо рисковать ради своих убеждений. Факты свидетельствуют о ее личных обязательствах перед религией, и она, конечно, несла маску благочестия. В 1544 году она провела около четырех месяцев за переводом и созданием точной копии «Mirror of a sinful soul» («Зерцало грешной души») Маргариты Наваррской, книги, написанной в мягком протестантском духе, а в юности будущая королева создала себе при дворе имидж религиозной аскетки. Став королевой, она начала каждое утро посещать службу в своей часовне, и свидетели этого сразу разнесли слух о ее благочестии. Личный требник Елизаветы представлял из себя сборник молитв на английском, французском, итальянском, латинском и греческом языках. Сборник украшали миниатюры кисти Хиллиарда, изображавшие саму королеву и ее поклонника Алансона. Ее молитвы свидетельствуют о том, что она находилась под воздействием чувства собственного греха, равно как и о ее понимании своей зависимости от Бога. Она обращалась к Святому Духу с молитвой оказать ей поддержку для исполнения Божьей

воли: «Да будет твое королевство пребывать в мире; да будет твоя церковь наделена мощью; да будет твое Евангелие печататься с рвением; да будет процветать мое правление; да будет моя жизнь исполнена счастьем и да будут вечными я и твое благое расположение»[43].

Трудно сомневаться в том, что Елизавета исповедовала протестантизм. Ее молитвы были протестантскими и содержали пореформенный взгляд на спасение через служение Христу и оправдание единственно через веру. Она сознавала, что исповедует религию, отличную от религии ее собратьев по трону, и благодарила Бога, что он «с детства оградил…» ее «…от бездонной пропасти невежества и проклятого язычества: „..Так, что я могу наслаждаться сиянием праведной религии, чьи лучи несут с собой вечную жизнь и спасение, в то время как еще многие короли, принцы и принцессы живут в невежестве, находясь во власти сатаны“. Во время правления Марии ей, правда, пришлось приспосабливаться к требованиям католической религии, но ее явная приверженность католицизму проявлялась лишь в то время, когда она находилась под особенным подозрением. Свой уклон в сторону католицизма в 1561 году она, возможно, рассматривала как подспорье, чтобы выйти замуж за Дадли. Если так, то вскоре она от этой идеи отказалась. Елизавета претендовала на роль идеалистки, ставящей истинную религию выше политических расчетов. В 1576 году она обратилась к парламенту с вопросом: „Если бы политика была важнее правды, как вы думаете, стала бы я, даже в самом начале своего правления, менять коренным образом положение дел и бросаться в круговорот противостояния и войн?“ Через 10 лет она заявила парламентской делегации, что была последовательной реформисткой: „Как только я взяла в руку скипетр, мое новое положение потребовало от меня не забывать того, чьей милостью он был мне дан, и поэтому я начала с введения той религии, в которой была рождена, воспитана и в которой, я надеюсь, умру“[44].

Общественная молва отождествляла королеву Елизавету с протестантским движением. Вскоре после ее восшествия на престол шотландский реформатор Александр Алезиус приветствовал ее как протестантскую героиню и преемницу Анны Болейн, основательницы протестантского движения в Англии. Приверженица протестантизма герцогиня Суффолкская писала с энтузиазмом: „Если израильтяне восторженно воспринимают свою Дебору, то с еще большей восторженностью мы, англичане, относимся к нашей Елизавете“[45]. В балладах ее приход к власти изображался в виде триумфа Евангелия и возрождения

изгнанного благочестия. Эти темы получили дальнейшее развитие у Джона Фокса в 1563 году. Протестантская литература сразу начала выходить с посвящением новой королеве: женевское издание псалмов в 1559 году, женевская Библия в 1560 году и сборники благочестивых деяний за время правления. Протестантские авторы поверили в преданность Елизаветы их курсу, потому что сама королева способствовала этому. В 1558 году она с видом хозяйки покинула христианскую мессу, освободив себя от обязанности на ней присутствовать, а на открытии парламента в 1559 году высмеяла шествие монахов. В 1572 году она приказала сэру Фрэнсису Ноуллзу сообщить Палате Общин, что, „так как ее называют защитницей веры, она станет защитницей истинного протестантизма“. Елизавета целенаправленно создавала имидж протестантки. В 1581 году сэр Уолтер Майлдмей отзывался о ней как о „принцессе, известной своим долгим опытом покровительства Евангелию, добродетельной, мудрой, преданной и справедливой“[46].

Частично это являлось политическим позерством с целью обеспечения религиозной преданности, но позерством довольно эффективным, потому что оно было недалеко от реальности. Елизавета считала, что ей пришлось идти на большой риск, когда в 1559 году она ввела Евангелие. Хотя эта мысль была внушена ей в самом начале правления сторонниками реформы, даже они советовали действовать осторожно. Автор „Механизма смены религии“ предупреждал ее, что в случае повторного установления официального протестантизма папа отлучит ее от церкви, французы захватят Англию, ирландцы поднимут восстание, а английские католики станут причиной серьезных бедствий. Ричард Гудрич и сэр Николас Трокмортон предостерегали ее от поспешных действий. Армагил Ваад напомнил королеве, „какой опасной может быть смена религии, особенно в начале правления“[47]. Но несмотря на позднейшие внешние колебания, Елизавета была протестанткой и ее ближайшее окружение было протестантским. Она добилась популярности путем злобных выпадов в адрес своей сестры и претензии на то, что открывает собой новую эру. Если она хотела порвать с прошлым, ей следовало распустить советников Марии и ее епископов, заменив их протестантами Эдуарда. Жребий был брошен: первую официальную проповедь с начала правления Елизаветы прочитал Вильям Билл, известный протестант; кафедры при дворе и входившие в округ Св. Павла были монополизированы протестантами, а Ричард Кокс, возвращенный изгнанник, читал проповедь на открытии парламента. Елизавета избрала свое будущее — она собиралась утвердить протестантскую английскую

(англиканскую) церковь.

Но, как свидетельствует Норман Джонс[48], путь создания протестантской церкви оказался тернистым. Сначала все шло хорошо. В феврале 1559 года Тайный совет направил в Палату Общин билль с требованием восстановления королевской власти над церковью и два билля с требованием возродить протестантские службы времен Эдуарда. К 21 февраля эти три документа были объединены в Билль о реформации, одобренный Палатой Общин. Но в Палате Лордов билль встретил сопротивление: из него было исключено требование о восстановлении Книги общих молитв, хотя и в таком исправленном виде Билль позволял королеве быть во главе церкви при ее желании. Оппозицию возглавили католические епископы, которые пользовались столь мощной поддержкой светских пэров, что стали угрозой для официальной политики. Протестантским советникам удалось перехватить инициативу через сочетание политической силы и политической удачи: развернувшиеся на религиозной почве споры выставляли католических священников мракобесами и консерваторами, двое из них были арестованы, а сила остальных была сломлена болезнями и смертью.

После Пасхи правительство сыграло наверняка, направив в Палату Общин два билля: один с требованием верховенства, а другой по вопросу литургии. Содержание биллей было менее обидным для консерваторов, и оба они проняли через Палату Общин. Билль о верховенстве делал королеву главой церкви и отменял законы о ереси. Билль был утвержден Палатой Лордов, несмотря на возникшую оппозицию со стороны католических священников, частично благодаря тому, что пыл консервативных пэров был охлажден спорным вопросом о церковных землях. Билль о единообразии прошел более сложный путь: в Палате Лордов он был принят с перевесом всего в три голоса, встретив оппозицию со стороны всех епископов, двух тайных советников и еще семерых пэров. Сила консерваторов при голосовании была ослаблена арестами, а также уступками, предпринятыми королевой, чтобы сделать молитвенник менее обидным для них. Были изменены слова обряда причастия, которые приводились в соответствие с католической верой о наличии тела и крови Христа в хлебе и вине; одежды священнослужителей и украшения церкви были заимствованы из католической мессы; из литании были исключены бранные слова папы, а во время церковных служб священнослужители должны были стоять там, где обычно предписывалось стоять католическим священникам. Эти улучшения свидетельствовали о преемственности связи с

католическим прошлым. Из-за сопротивления консерваторов в Палате Лордов королева сочла нужным пойти на компромисс.

Одно время существовала точка зрения, что причиной компромисса стало сопротивление радикалов в Палате Общин. Сэр Джон Нил выдвинул предположение, что Елизавета хотела сделать церковь еще более „католической“, но в связи с тем, что консервативные епископы отказались принять королевское верховенство над церковью, ей пришлось пойти на уступки протестантам и предпринять более радикальные изменения[49]. Это предположение едва ли верно. Нил придает особое значение мирным переговорам в Като-Камбрези. Он полагает, что Елизавета была вынуждена проводить консервативную политику по крайней мере до тех пор, пока был подписан мирный договор и Англия благополучно вышла из войны. Но Елизавета сама задерживала подписание мирного договора, выдвинув невыполнимые требования о возвращении Кале, и переговоры не определяли ее парламентской стратегии. Не будет выглядеть фантастическим и предположение о том, что Елизавета целенаправленно затягивала заключение мира, чтобы ослабить сопротивление пэров-консерваторов ее предложениям о религии. Нил, кроме того, преувеличивает политический вес протестантских радикалов в Палате Общин. Только 19 изгнанников времен Марии были выбраны в парламент в 1559 году, и многие из них вернулись слишком поздно для того, чтобы играть сколько-нибудь заметную роль. Радикалы не составили фракции, которая могла бы оказать давление в Палате, контролировавшейся Советом и его агентами. Тактика королевы была направлена на то, чтобы сдерживать консервативную оппозицию в Палате Лордов, а не давление радикалов в Палате Общин. Помимо всего прочего, версия Нила относительно 1559 года просто не стыкуется с нашими знаниями о религии королевы и ее советников. Даже если не принимать во внимание деятельность королевы как политика, то навряд ли можно предположить, что Вильям Сесил, Николас Бэкон, Фрэнсис Ноуллз и граф Бедфорд стали бы возглавлять какой-либо иной режим, кроме протестантского. Елизавета и ее окружение хотели установления протестантской церкви в Англии и всеми силами стремились к этому.

Их желаниям не суждено было полностью осуществиться, потому что Елизавета была сильно напугана столкновением с лордами. Проблему представляли не решительные речи католических священников, а голоса католической знати. Девять голосов светских лиц против Билля о единообразии создавали значительное препятствие, особенно принимая во внимание то,

что двое из них были членами Тайного совета. Опасность еще более усиливалась тем, что некоторые голоса принадлежали могущественным региональным магнатам. Королева медлила с оформлением окончательного варианта Книги общих молитв и искала дальнейшие пути примирения с консерваторами. Только самые радикальные католические епископы были исключены из епископата, те же, кто признал авторитет англиканской церкви при Эдуарде VI, были временно оставлены на своих должностях в надежде на то, что вновь пойдут на уступки и придадут целостность епископату. Некоторые наиболее радикально настроенные протестантские священники, предложенные Елизавете для возглавления епархий, — Бикон, Ливер, Ноуэлл и Сэмпсон — были оставлены без внимания. Личным королевским приказом Елизавета внесла дальнейшие изменения в литургию, которые делали не таким явным отход от католического прошлого: престол должен был находиться там, где раньше стоял алтарь, и разрешалось использование во время причастия облаток. В 1560 году вышедшее на латинском языке издание Книги общих молитв, предназначенное для использования в молитвенных собраниях, дозволяло сохранение некоторых элементов причастия для больных и заупокойное католическое богослужение. В 1561 году в новом издании церковного календаря были восстановлены отмененные дни пятидесяти девяти святых.

Когда даже эти умеренные изменения встретили сопротивление со стороны церковных приходов, королева Елизавета начала все больше переходить на консервативные позиции, но тем самым она отдалила от себя протестантских сподвижников. В октябре 1559 года она вернула на алтарь своей часовни распятие и свечи и, судя по всему, решила сама сделать то же самое с огромными распятиями, вывешиваемыми в алтарях церковных приходов. Новые протестантские епископы, грозя уходом в отставку, написали совместное послание королеве, в котором говорилось, что изображение святых противоречит второй заповеди. Тогда Елизавета пошла на скрытый компромисс: епископов больше не принуждали к размещению распятий в своих епархиях, но свой крест королева сохранила (фанатики дважды свергали его, в 1562 и 1567 годах, но после каждого случая он вновь восстанавливался). Елизавета пыталась навязать католические одеяния для священников, но многие протестантские священники посчитали, что даже стихарь надевается в нарушение религиозных норм. И вновь королева пошла на компромисс. В „Предписаниях епископам“, вышедших в 1560 году, ризу приказано было надевать только во время

причастия, а остальные детали одежды просто опускались. Впрочем, даже ношение ризы строго не контролировалось.

Возможно, именно эти уступки епископам стали причиной возникших подозрений в поддержке королевой „испанской стратегии“ Дадли в 1561 году. Распространились слухи, что уклон в католичество с целью получения поддержки Испании был направлен на то, чтобы привести протестантов к послушанию. Если так, то попытка не удалась. Летом 1561 года королева, вероятно, намеревалась запретить браки священнослужителей (явный след воззрений консервативных прихожан и королевы-девственницы), но против этого решения выступили Сесил и архиепископ Паркер. Тогда вместо этого Елизавета в августе 1561 года отвела душу на протестантском верховном духовенстве, выведя жен и детей пастырей из общины и запретив им находиться в соборной ограде (клоузе). После серии поражений в 1559–1661 годах она одержала ряд незначительных побед над епископами в 1563 году. Она саморучно исправила несколько религиозных догматов уже после того, как они были приняты епископами. К двадцатому догмату она сделала добавление по поводу авторитета церкви, которое закрепляло се право вносить изменения в литургию (таким образом сохранялась возможность дальнейших уступок католикам), и она отменила двадцать девятый догмат, который касался присутствия грешников на обряде причастия, что и следовало рассматривать как ее нападки на существующую доктрину. С 1563 по 1571 год (в это время епископы восстановили двадцать девятый догмат) Елизавета определила для английской церкви тридцать восемь (а не тридцать девять) догматов. Постоянные вмешательства привели к тому, что королева отклонилась от первоначально намеченного ею курса протестантизма. Она делала уступки по всем церковным вопросам, которые были наиболее заметны светским людям — одежда и обрядовые действия священников, браки священнослужителей, расположение алтаря — и в которые их вера была особенно сильной — реальное присутствие Христа при евхаристии. Поступая таким образом, она укрепляла надежды консерваторов. Распространялись настойчивые слухи о дальнейших религиозных изменениях — в Лондоне и Ковентри в 1561 году, в Кумбрии в 1562 году, в Ланкашире и других местах в 1565 году. Католики пришли к выводу, что смогут окончательно привлечь королеву на свою сторону, и в 1564–1565 годы страну наводнили католические книги, посвященные Елизавете. Их печатали изгнанники в Антверпене. Но уступки Елизаветы католикам привели к столкновению с протестантами, которые потребовали дальнейших реформ. В своей проповеди на открытии

парламента в 1571 году епископ Сандз потребовал очищения церкви от „иудейских и языческих обрядов“. Принятие королевой протестантизма, казавшееся неоспоримым фактом в 1559 году, стало вызывать сомнения. Возникло подозрение, о котором было доложено в Палате Общин в 1571 году, что королева на самом деле „исповедует другую религию, а не ту, о которой официально заявляет“. Росли слухи о возвращении к католицизму, особенно усилившиеся в 1579–1580 годах, когда велись переговоры с Алансоном. Не было определенности в том, что же представляет из себя религия Англии и что ожидает ее в будущем. В 1567 году, перед тем как отправиться в качестве посланника в Священную Римскую империю, граф Суссекс поставил вопрос прямо: „Что касается религии, ему хотелось бы перед отъездом четко определиться в этом вопросе, потому что, хотя он и является коренным англичанином и, как и все остальные, находится в курсе происходящих в стране событий, вопрос об определении существующей здесь религии ставит его в тупик“[50].

Решения по религиозным делам, предпринимаемые королевой в 1559–1563 годах, казалось, были лишены логики, и „установки Елизаветы“ ничего на самом деле не устанавливали. Но, к удивлению всех, за исключением королевы, нелегкий компромисс удавалось поддерживать, и Елизавета старалась сохранить церковь в той форме, которую она приняла к 1563 году. Елизавета по существу была единственной решительной „англиканкой“ в Англии. В 1565 году она говорила в Палате Общин: „В начале моего правления, найдя церковь такой, какой она и является по сей день, благодаря моим заботам в течение двадцати семи лет, я надеюсь, что с Божьей помощью буду и дальше сохранять ее в таком виде и такой же оставлю после смерти“. Она не стала предпринимать дальнейших реформ, которые протестанты считали насущной необходимостью. В 1566 и 1571 годах королева подверглась в парламенте давлению со стороны коалиции советников, епископов и членов парламента — протестантов, которыми руководили „дельцы“ из числа членов Совета. Но Елизавета запретила обсуждение некоторых законопроектов (сославшись на нарушение прерогативы) и наложила вето на ряд других. Более радикальные предложения были сделаны воинствующим меньшинством на заседаниях парламента в 1584–1585 и в 1586–1587 годах. Как и ранее, королева запретила дебаты, объявив эти программы „вредными для установленной религии, короны, королевского правительства и подданных“. Она еще раз наглядно продемонстрировала свою решительность в послании Палате Общин в 1585 году: „Она окончательно решила не предпринимать никаких изменений,

ничего не менять в обрядах или законах религии, чтобы англиканская церковь оставалась такой, какой она сформировалась к настоящему дню“[51].

Отказ королевы от дальнейших реформ не был на руку протестантам, но еще хуже было то, что она собиралась придерживаться абсурдных решений 1559 года. Протестантское духовенство считало, что Елизавета собирается в своей решимости сделать их похожими на католических священников, в связи с чем она требует ношения соответствующих одежд. В январе 1565 года королева писала архиепископу Паркеру о необходимости „единства, спокойствия и согласия как среди священников, находящихся под нашей властью, так и среди людей, которыми они правят наравне с нами“[52]. Здесь же она приказывала установить единообразие религиозных церемоний и доктрин. Паркер и его епископы осознавали сложность выполнения всех правил 1559 года и вместо этого старались заставить священников хотя бы надевать стихарь во время причастия (ризы требовались только в соборах и при молитвенных собраниях). В результате этих уступок Елизавета отказалась подписать „извещения“ по вопросу об одежде в 1566 году и оставила на усмотрение епископов снятие с должностей некоторых неподчинившихся правилам. Последующее вмешательство королевы в 1566 году заставило епископов перейти к более решительным действиям: во время встречи с Паркером и его сторонниками в марте она приказала епископу Гриндалу продолжить преследование нонконформистов[53] в Лондоне. Гриндал организовал собрание своего духовенства, на котором священнослужителям был продемонстрирован манекен, одетый в церковные одежды. Тридцать семь из них, отказавшихся от новой формы одежды, Гриндал отстранил от должности.

Столкновения по поводу церковных одежд и церковных церемоний продолжались до восьмидесятых годов XVI века. Елизавета специально назначила на должность архиепископа Кентерберийского Джона Витгифта, который, по ее мнению, смог бы ввести оспариваемые обряды. Во время проповеди в соборе Св. Павла в день принятия должности в 1583 году Витгифт объявил начало борьбы с нонконформистами. Против них была организована кампания, пользовавшаяся искренней поддержкой королевы, в результате которой Витгифт заставил священнослужителей подписаться под догматами, требующими послушного проведения литургии, и снял с должности тех, кто отказался это сделать. Такая решительность стала причиной конфликта архиепископа с некоторыми членами Тайного совета — протестантами, выразившими явный протест против политики

Витгифта на парламентских заседаниях в 1584–1585 годах. Среди сторонников режима развернулась жестокая борьба, которая вынудила Елизавету попытаться силой примирить своих советников. В тщательно продуманной речи перед собранием епископов и советников в 1585 году королева поборола протестантскую критику самодовольства епископов. После этого она приказала епископам продолжить борьбу с нонконформистами, угрожая распустить тех советников, которые будут вызывать парламентские волнения, и направила в Палату Общин послание, которым запрещала дальнейшие нападки на религию.

Трудно догадаться, почему Елизавета пошла на такие трудности из-за каких-то элементов церковной одежды и нескольких спорных обрядов. Возможно, она была сторонницей некоторых обрядов религиозной службы, хотя ее поведение в 1558–1559 годах свидетельствует об обратном. Она не терпела неподчинения своим законам и не любила посягательств на то, что считала своей прерогативой в религии. Вильям Хаугор считает[54], что Елизавета не хотела ослаблять свой авторитет согласием на изменение литургических стандартов, установленных в 1559 году. Исключительно важно то, что она отказалась формально поддержать „извещения“ в 1566 году и каноны в 1571 году, которые содержали уступки чувствам протестантов. Но если ее прерогативы оказывались под угрозой, она сохраняла их, внося изменения в правила, не провоцируя оппозицию навязыванием невыполнимого. Ее решимость стала причиной нескончаемой борьбы, и не только с радикалами в Палате Общин, как считает сэр Джон Нил, но и со многими советниками и епископами. Она наносила обиды благочестивым священникам и благочестивым светским подданным, тем, на поддержку которых явно опиралась в начале своего правления. Объяснение этому следует искать в проводимой ею политике сглаживания гнева консерваторов. Елизавета I мягко обходилась с католиками.

Благочестивые сподвижники постоянно жаловались на то, что „их“ королева не может окончательно принять их курса. Они считали, что возможной причиной этого является ее отношение к консерваторам. Сэр Фрэнсис Ноуллз заявил в 1571 году в Палате Общин:

> „Как можно заставить Ее Величество не уклоняться от истинного пути и не становиться на сторону тех, кто только кажется искренним? Возможно, это происходит из-за того, что она надеется в должное время должным

образом склонить их на свою сторону, или, может быть, тому есть другие причины, известные только королевам, а нам не известные“[55].

Елизавета не допускала мысли о том, что боится католиков, и ее поведение заставляло некоторых советников думать, что она, наоборот, недостаточно их остерегается. Многое из того, что Елизавета предпринимала в политике, делалось с ориентацией на мнение католиков (и возможно, Испании). Консерватизм королевы в отношении литургии, все требования церковного единообразия, ее нежелание поддерживать восстания протестантов за границей, ограничение протестантских проповедей, ее умеренность в преследовании католиков — все свидетельствует о решимости не вызывать католической оппозиций. Этим же объясняется и случай с сожжением двух голландских анабаптистов в Смитфилдс в 1575 году: королева сама подписала распоряжение о взятии их под стражу и определила место казни, продемонстрировав таким образом свое личное неприятие ереси.

Елизавета хотела быть королевой Англии, а не королевой протестантов, и она делала все возможное, чтобы примирить консерваторов со своим режимом. В 1558 году она оставила на бывших должностях наиболее умеренных (правда, и наиболее могущественных) католических советников Марии: Винчестера, Арундела, Дерби и Шрузберн. Сэр Джеймс Крофт был назначен советником в 1566, граф Вустер — в 1601 году: оба они были католиками, согласными признать королевское верховенство над церковью. В 1579 году распространился слух, что королева подбирает для своего Совета кандидатов из числа католиков, которые смогут поддержать ее брак с Алансоиом. В 1581–1582 годах при дворе образовалась фракция католиков во главе с графом Оксфордом, лордом Генри Говардом, Фрэнсисом Саутвеллом и Чарльзом Арунделом. Фракция пользовалась сомнительной репутацией. Во время летних поездок по стране Елизавета посещала католическую знать: ее шестидневное пребывание у лорда Монтегью в 1591 году означало признание его беспрекословной верности королеве и вызвало слезы у его жены. Елизавета пыталась сделать католиков частью своего народа, а когда приходилось подвергать их наказаниям, подчеркивала, что причина тому — их неверность народу и королеве. Елизавета почти гордилась своими верными католическими подданными. Путешествуя по стране в 1568 году, она просияла, когда услышала выкрик случайного наблюдателя: „Виват, регина!“, и сказала одному из сопровождавших,

испанскому послу: „Этот добрый старик — священнослужитель старой религии“[56].

Многие объясняли политику терпимости, проводимую Елизаветой по отношению к католикам, ее желанием постепенно подчинить их англиканской церкви. Конечно, беспристрастное отношение к протестантским и католическим отступникам обладало притягательной силой. Лорд-хранитель Бэкон заявил в парламенте в конце 1559 года, что законы должны исполняться „как слишком быстрыми, так и слишком медлительными: я имею в виду тех, кто действует раньше закона или вне закона, и тех, кто не собирается ему следовать вовсе“. Эту же точку зрения высказала Елизавета в разговоре с архиепископом Паркером в 1571 году: никто не должен „страдать из-за отклонения вправо или влево от линии, намеченной нашими авторитетными законами“[57]. Хотя протестанты боялись того, чтобы на них смотрели как на опасность, равную папистам, Елизавета заявила парламенту в 1585 году, что она не собирается ни „воодушевлять католиков“, ни „терпеть новомодных обращенцев“. Терпимость мнений обладала не менее притягательной силой. В прокламации, изданной в 1570 году, было обещано, что не будет никаких выяснений религиозных верований тех, чье поведение „не является открыто враждебным и не противоречит законам королевства“. Лорд-хранитель объявил судьям, что Елизавета не желает никому „досаждать расследованиями и взысканиями на почве религии“ в случае, если ее подданные не пренебрегают законом[58].

Хорошо известна точка зрения Фрэнсиса Бэкона[59] на подобную политику: „Ее Величество, не желая лезть в души и мысли людей, если только их поведение не превратится в открытую демонстрацию недовольства, смягчает закон так, чтобы он распространялся только на проявление непослушания и намеренного неподчинения верховной власти ее величества“. Его суждения о том, что Елизавета защищала католическую веру, являются отчасти справедливыми. Когда в 1563 году был издан законодательный акт, предусматривавший наказание за вторичный отказ от верховной клятвы, королева приказала своему архиепископу убедить всех в том, что ни от кого не требуется приносить клятву дважды. В 1571 году Палатой Общин и Палатой Лордов при поддержке епископов и советников был принят законопроект о наказании за уклонение от причастия, но королева наложила на него вето и отклонила повторные предложения по его принятию в 1572–1576 и 1581 годах. Но терпимость Елизаветы была сильно ограничена. Она требовала, как, например, в 1591 году, чтобы католики подвергались

наказанию только за государственную измену, а не за „религиозные взгляды“[60]. Если она сама в это верила, то только потому, что позволяла себя обманывать чиновникам, ложно обвинявшим католиков, и потому что в понятие государственной измены входили действия, которых католики едва ли могли избежать. Мужчины и женщины могли исповедовать отличные от Елизаветы религиозные взгляды при условии, что они ничего не предпринимали против королевской религии и держали свое мнение при себе. Эта политика была направлена не на сохранение католицизма, а на подавление с надеждой на его вымирание в последующих поколениях.

Елизавета оправдывала вторжение в Нидерланды в 1589 году тем, что хотела защитить голландцев от инквизиции, но все это было дымовой завесой. На самом деле она преследовала национальные интересы Англии. Она не хотела навязывать англичанам религиозные взгляды, но сдерживала себя не ради принципов, а ради политиков. Она была терпимой, когда нетерпимость была опасной, и нетерпимой, когда опасной была терпимость. В шестидесятых-семидесятых годах XVI века, когда у королевы были основания предполагать, что католицизм погибнет, если не спровоцировать военное сопротивление, проводилась политика религиозной терпимости: даже внешнее проявление нонконформизма наказывалось только во время политических смут, как, например, в случае с восстанием северных графов и публикацией папской буллы о свержении. Ограниченная терпимость католиков была свидетельством тонкого политического чувства: репрессии могли вызвать административные осложнения, особенно при наличии такого большого количества консерваторов среди судей и духовенства, а возможно даже, привести к обратным последствиям. Елизавете удалось политическую необходимость превратить в видимость терпимой добродетели. Но вскоре баланс был нарушен.

С притоком большого количества новых священников-семинаристов в 1574 году и прибытием иезуитов в 1580 году усилилось сопротивление католиков. С пополнением своих рядов старая религия уже не собиралась умирать, ее пришлось бы уничтожать. Елизавета медленно приспосабливалась к обстоятельствам. Она всегда неохотно меняла выбранный политический курс. Возможно, она была ответственной за смягчение наказаний для нонконформистов, предусматривавшихся законопроектом в 1581 и 1582 годах. Лестер возопил: „Ничто не огорчает меня больше, чем наблюдать, как наша королева искренне верит в то, что увеличение числа папистов в ее королевстве не представляет для нее никакой

опасности“[61]. Но, наконец, она сдалась. В 1582 году была издана прокламация, по которой все семинаристы и иезуиты являлись изменниками, так что само это звание приравнивалось к преступлению. Определение приняло силу закона в 1585 году. С 1583 года выявление нонконформистов было поручено специальным комиссиям и усилилось давление на аполитичных католиков. Сохранялась свобода вероисповедания, но католики подвергались штрафам, заключению в тюрьмы и даже казни за то, на что раньше власти закрывали глаза. До 1582 года Елизавета боялась преследовать католиков, позже она боялась этого не делать.

Но, по крайней мере, в первый период царствования, Елизавета старалась избегать ненужных нападок на католиков. Этим объясняются ее конфликты с благочестивыми протестантами — она стремилась обходить те аспекты протестантизма, которые могли вызвать недовольство консерваторов. В этом свете следует рассматривать ее столкновение с архиепископом Гриндалом по поводу толкований Священного предания, потому что по вопросу проповеди, как и по некоторым другим вопросам, попытки Елизаветы умиротворить католиков оскорбляли убежденных протестантов. Толкования были регулярными местными собраниями, на которых священники интерпретировали библейские тексты, а их руководители это комментировали; это были дополнительные занятия, чтобы усовершенствовать качество проповедей, а так как миряне тоже иногда присутствовали, собрания были средством обращения в религию. Толкования подчеркивали протестантизм англиканской церкви, стремились сделать ее миссионерской церковью, а так как часто приходили мировые судьи, они, казалось, связывали государство с миссионерской деятельностью. Должно быть, все эти аспекты обеспокоили королеву относительно реакции католиков, и в 1574 г. Елизавета приказала епископу Сандзу прекратить толкования в Лондоне. Сандз возразил, что собрания хорошо организованы и полезны, и промедлил. Когда архиепископ Паркер распространил то же самое запрещение на епархию Нориджа, епископ Паркхерст заручился поддержкой членов Тайного совета, поскольку пришлось предпринять действия против собраний. В 1575 г. Елизавета приказала епископу Линкольна покончить с толкованиями в его епархии, но он тоже медлил, заручившись поддержкой местных мировых судей, и действовал лишь с крайней неохотой. В 1576 г., во время поездки по центральным графствам, Елизавета услышала, что толкования очень популярны в Саутгеме, и приказала епископу Личфилда покончить с ними.

До сих пор королевская кампания против толкований была половинчатой; королева обращала внимание только на конкретные собрания. Но в 1576 г. она дала указание архиепископу Гриндалу покончить с такой деятельностью и сократить количество официальных проповедников до трех или четырех на каждую епархию: она была решительно настроена на сокращение проповеднической деятельности англиканской церкви. Гриндал дважды получал устные приказы от королевы, но не подчинился. Во-первых, он разослал указания своим епископам, чтобы заручиться полным одобрением толкований от десяти из пятнадцати адресатов, и потом написал королеве, отказываясь выполнить ее приказ. Гриндал представил решительную защиту необходимости проповедей и фактически сказал Елизавете, чтобы она занималась государственными делами и оставила религию епископам. Верховная правительница церкви была в ярости: Гриндала отстранили от должности, и в мае 1577 г. сама Елизавета приказала епископам прекратить толкования (хотя, что очень важно, теперь она опустила требование о сокращении проповедей, вероятно, из-за отсутствия поддержки со стороны своего Совета; неповиновение Гриндала по меньшей мере сузило проблему до толкований). Затем последовали мучительные маневры, во время которых королева время от времени пыталась форсировать конфронтацию со своим архиепископом, а ведущие советники старались защитить Гриндала от ее гнева и выработать компромисс. Шесть лет, до смерти Гриндала в 1583 г., у церкви не было активного архиепископа Кентерберийского.

Почему же Елизавета зашла так далеко и пошла на скандал с отстранением архиепископа? Тайный совет обвинял „крупные группировки и секты, которые все возрастали по причине этой деятельности“ (толкований), подрывая единство доктрины и литургии. Но это объяснение было предложено потому, что Совет хотел ограничить вопрос толкованиями и достигнуть соглашения, запретив только самые бурные собрания или исключив мирян. Казалось, Елизавета возражала против увеличения протестантских проповедей в англиканской церкви, что не нравилось конформистам-консерваторам и часто вело к расколу в приходах. В марте 1576 г. ей представили парламентскую петицию о религиозной реформе, в которой высказывались сожаления о сокращении проповедей, „единственного обычного средства спасения душ и возможности научить подданных Вашего Величества истинному послушанию“[62]. Елизавета пообещала реформу или посредством конвокации[63], или своими прямыми действиями, и конвокация предложила новые правила по

подготовке духовенства. Но королева не имела намерения расширять проповеди; скорее, как показала ее стычка с Гриндалом, она хотела их сократить. На встрече со своими епископами и советниками в 1585 г. Елизавета покритиковала епископов за то, что они допускали разнообразие в проповедях и ритуалах. Когда лорд Берли попытался видоизменить ее замечания в атаке на епископов за посвящение невежественных священников, архиепископ Уитгифт ответил, что невозможно было обеспечить образованными священниками 13000 английских церквей. „Боже, тринадцать тысяч? — воскликнула королева. — Невозможно пытаться это сделать. Я не хочу сказать, что вы должны выбирать священников только из обученных, ибо их нет, но из честных, трезвых и мудрых людей, таких, которые смогут хорошо читать людям писание и наставления“[64]. „Хорошо читать писание и наставления“ — это то, чего хотела Елизавета, и это очень далеко не соответствовало требованиям благочестивых мирян, советников, епископов, священников и простых людей, которым нужны были образованные, проповедующие, распространяющие протестантство священники.

Елизавета взошла на престол как королева протестантов, но вскоре она вступила с ними в конфликт. Насчет композиции Книги общих молитв — ее отказ изменить его, навязывание конформизма, ее осторожность в подавлении католиков, ограничение проповедей — все это вызывало неприятие протестантских лидеров и протестантского общественного мнения. Таким образом, ее правление представляется, как сказал Нил, долгосрочной битвой с „пуританами“, так как она боролась за сдерживание движущих сил радикального протестантизма[65]. Но „пуритане“ стали проблемой в основном потому, что Елизавета так далеко зашла в примирении с католиками. Своими уступками в первые годы и последующим их продолжением Елизавета сдержала проблему консерватизма, но за этот счет она создала проблему „радикализма“. И это была странная форма радикализма, которая поддерживалась ведущими членами Тайного совета и большинством епископов. Елизавета сместила церковный центр тяжести, и, сделав это, она толкнула своих религиозных советников и должностных лиц к противоположной роли. До тех пор, пока ей удалось назначить поколение епископов, которые принимали англиканскую церковь, образованную в 1570 г., и которые достигли зрелости в ее лоне, защита королевой своего „урегулирования“ поставила ее в конфронтацию с епископами и многими из ее советников. Все шагали не в ногу, кроме королевы.

Несмотря на ее личный протестантизм, страх Елизаветы

перед католиками привел ее к тому, что она смотрела на религию с точки зрения политической целесообразности. В глупой героической проповеди в феврале 1570 г. Эдуард Диринг заявил ей в лицо, что она предает веру ради узкосветских интересов. Он перечислил все, что мешало церкви проводить эффективную евангелическую работу, и повернулся к королеве: „И все же Вы, пока творятся все эти ереси, Вы, кому Господь препоручил заботу о церкви, Вы сидите спокойно и остаетесь беззаботной. Пусть люди делают, что хотят. Возможно, это не затрагивает Ваше управление, и поэтому Вы довольны, оставляя все на своих местах“. Политические приоритеты Елизаветы ставили ее епископов, особенно первое поколение, в затруднительное положение. Королева навязывала им свои требования по ведению обрядов и одежде, что им не нравилось, да еще при этом лишала их общественной поддержки и ожидала, что они станут послушно нести груз повиновения. Она приказала им бороться с нонконформистами, но ее советники препятствовали этому и защищали неподчинившихся. Она надеялась на то, что они будут ей беспрекословно подчиняться, и презирала за промахи, но при этом подрывала их статус и ослабляла их власть, постоянно присваивая принадлежавшую им собственность. В 1575 году архиепископ Паркер жаловался: „Ее Величество назначила меня верховным церковным правителем, но как можно управлять, когда все настолько хитро запутано?“[66].

Королева заставляла своих епископов выполнять трудную и иногда неприятную работу, но при этом лишала их возможности выполнять ее достойно. Церковные пожертвования, которые должны были поддерживать престиж епископов и финансировать более эффективную их работу, на самом деле шли на реализацию политических целей. Официальное отношение к епископальной собственности стало очевидным в самом начале правления Елизаветы. Акт 1559 года об обмене давал королеве право заменять церковные десятины, передаваемые во владение светским лицам, епископальными землями, которые временно остались без пастыря. Возможно, этот акт был рассчитан на быструю выгоду для королевской власти после лишения бенефиций епископов Марии. Решительное противостояние протестантских епископов смягчило удар, вызванный актом, и замены были произведены только в одиннадцати епархиях, так что потери были скорее незначительными, чем разрушительными. Гораздо больший урон принесли дополнительные положения акта. Сдача в аренду епископальных земель была ограничена сроком до двадцати лет, если арендатором выступала не королева. Это вынуждало епископов сдавать земли в

долгосрочную аренду Елизавете, которая затем раздавала их в качестве наград своим советникам, придворным и аристократии.

Первоначально Елизавета не злоупотребляла этой хитрой уловкой. С 1559 по 1573 год ею было принято только четыре долгосрочных аренды, две из которых перешли впоследствии к Вильяму Сесилу, а остальные две — к членам Тайного кабинета. Но уже с 1574 по 1603 год состоялось пятьдесят семь аренд, сроком от 40 до 120 лет. Подобные аренды стали условием назначения епископов. В 1584 году, по уверениям Рэли, Годвин получил епархии в Бате и Уэльсе в обмен на сдачу в аренду Вивелискомба сроком на девяносто девять лет.

После назначения Скэмблера епископом Нориджа, он в 1588 году сдал в аренду сроком на восемьдесят лет шестьдесят одно поместье, которые впоследствии перешли к сэру Томасу Хиниджу. Иногда возникали протесты. Так, Хаттон, лишившись в 1594 году возможности получить епархию Йорка, подверг сомнению моральную сторону действий королевы. Роберт Сесил предупредил его, что „такие тонкости не следует принимать в расчет, когда речь идет о приказе столь высокопоставленной особы“. Когда Билсон получил Винчестер, ему пришлось отдать сэру Фрэнсису Керью аренду стоимостью в две тысячи марок. В 1596 году Елизавета прямо писала ему: „Нам необходимо вознаградить его за долгую службу быстрой арендой, которая не составила бы значительной потери для епархии“. Но для жадных придворных это второе условие не всегда имело силу. В 1592 году Елизавета потребовала от епископа Солсберийского сдать Шерборн в аренду Рэли, но последний грубыми запугиваниями заставил следующего епископа продлить аренду до 1599 года. Не удивительно, что Харингтон однажды высказался по поводу того, что придворные больше привыкли „жить за счет церкви, чем молиться в церкви“[67].

Елизавета запугивала епископов, лишала их доходов и истощала их силы. Право назначать епископов давало ей контроль над честолюбивым духовенством. Когда Ричард Флетчер потребовал в 1589 году бристольскую епархию, ему пришлось сдать часть собственности, принадлежавшей уже плохо обеспечиваемой епархии. Вскоре ему удалось стать одним из любимых священников королевы, отчасти благодаря проповедям, отчасти — лести. Харингтон докладывал, что тот знает о том, чем может доставить радость королеве, и будет пользоваться этим, несмотря на обиды окружающих». Но в 1595 году Флетчеру пришлось поплатиться так же, как и другим. Когда ему было заявлено, что перевод из Вустера в Лондон будет стоить ему сдачи в аренду земли сэру Эдуарду Денни сроком на девяносто

девять лет, он стал возражать против «скандалов, к которым приводят подобные условия получения церковного сана». Но его желание стать епископом Лондона было настолько сильным, что через две недели он принес унизительные извинения, пообещал аренду и воздал хвалу «Ее Величеству за самую внимательную заботу о сохранении церковных пожертвований!»[68] Подобные лицемерные заявления и две тысячи фунтов стерлингов, выплаченных им придворным, на которых указала Елизавета, вернули ему милость королевы. Но только временно. Возможно, с целью возместить свои убытки Флетчер женился на богатой лондонской вдове. Елизавета была в бешенстве. Это была вторая женитьба епископа. Если иметь одну жену считалось несчастьем, то вторая была уже свидетельством легкомыслия. Флетчер был отдален от двора и на какое-то время отстранен от должности епископа. Вскоре он умер, как говорили, от королевской немилости и злоупотребления табаком. Только одному епископу удалось сохранять расположение Елизаветы в течение всей жизни. Это был Джон Уитгифт, архиепископ Кентерберийский с 1583 по 1604 год, ее «маленький черный муж». Архиепископ Йоркский отмечал, что «она всегда выказывала ему особое расположение»[69]. Она поддерживала Уитгифта в борьбе с Советом в 1584 году, когда предпринимались попытки пресечь его конформизм, и в 1586 году сделала его советником. Когда королева была на смертном ложе (1603), она призвала к себе Уитгифта и умерла, крепко сжимая его руку. Но даже Уитгифт не имел полной свободы действий. В 1595 году он попытался разрешить религиозный спор в Кембридже, введя девять догматов о предопределении как оплоте православия. Но в планы королевы не входило способствовать дальнейшему разделу церкви. Елизавета заставила Уитгифта отменить догматы. Возможно, при этом она угрожала ему «судебным» преследованием за посягательство на ее суверенитет. Она позволила ему читать себе наставления по поводу необходимости сохранения собственности церкви, но не могла допустить того, чтобы его критика мешала ей понемногу присваивать эту собственность.

Елизавете было выгодно обладать правом на доходы от епархий, не имевших епископов, и некоторые из них целенаправленно оставались пустующими в течение долгого времени. Пять лет она оставляла епархии Глостера и Солсбери без епископов, Чичестера — семь лет, Бристоля — четырнадцать и Или — девятнадцать лет. При этом обанкротившийся граф Оксфорд получал от королевы пенсию из доходов илийской епархии. Епархия Оксфорда оставалась без епископа с 1568 по 1589 и с 1592 по 1603 год. Когда же он был назначен в 1589 году,

ему пришлось отдать короне все имения, которые затем перешли к графу Эссексу. Даже в конце своего правления, когда королева создала епископат по своему вкусу, готовый исполнять любые ее приказания, она все равно продолжала злоупотреблять своей властью верховного правителя. Церковная собственность находилась во власти финансовых нужд двора и требований придворных, а религия стояла на службе политических расчетов королевы. При всем своем искреннем протестантизме королева использовала церковь как орудие политики. Возможно, она и была орудием Бога, но англиканская церковь была ее собственным орудием.

Глава 3. Королева и знать

Елизавета была особой задиристой, и, как большинство людей такого нрава, она отыгрывалась на слабых и считалась с сильными. Она могла добиваться уступок от духовенства и унижать его, но с высшей знатью надо было обращаться гораздо осмотрительнее. Королева могла дать пощечину графу Эссексу, если он уж очень сильно на это напрашивался, но ведь он был делом ее рук, ее забавой, и, несмотря на все его усилия, у него не было основы для самостоятельной власти. Однако с наследственными магнатами Англии дело обстояло иначе: их приходилось завлекать соблазнительными словами и подкупать милостями, поскольку они были ей нужны. На это было две причины. Во-первых, по сложившейся традиции знать считалась родней монарха: письма королевы к придворным начинались с нежного «Дорогой кузен», и аристократия составляла ее естественное окружение. Монархия ярче всего блистала, когда она отражала великолепие высокопоставленных приближенных, и достоинство королевы подчеркивалось достоинством ее знати. Вторая причина была прозаичнее и важнее: пэры обладали властью, и королева этой власти боялась и хотела ее ограничить.

В Восточной Англии власть герцога Норфолка вызывала благоговение. У него был роскошный дворец в Норидже, где он развлекал гостей и старался их поразить, административный центр в Кеинингхолле и ответвления во Фрэмлингеме, Касл Райзинге, Тетфорде и Касл Ейкре. По монаршей льготе он имел полное господство над 414 поместьями и имел право на верность и службу владельцев и арендаторов объединенных земельных владении в Норфолке и Суффолке, где хорошие отношения поддерживались благодаря благожелательному управлению поместьями. Герцог покровительствовал многим семьям графства, и служба Говардам была давней традицией для них. Он выдавал патенты на должность мировым судьям, в 1560-х гг. половина из них была назначена по его рекомендации, и парламентские выборы были у него под контролем; в Норфолке он называл членов парламента в Касл Райзинге, Кингслинне, Большом Ярмуте, Норидже и Тетфорде, и он также выбрал двух представителей графства в парламенте во время дополнительных выборов в 1566 г. В Восточной Англии Елизавета вынуждена была править при посредстве Томаса Говарда, или ей надо было его уничтожить, так велико было унаследованное им могущество.

Герцог Норфолк был уникален: ни у одного другого магната не было именно такого сочетания огромного богатства, обширных

и расположенных рядом поместий, свободы, преданных арендаторов, влияния на выборы и военной силы. Но были и другие аристократы, власть которых, хоть и не такая сильная, не могла не приниматься во внимание — графы Перси из Нортумберленда на крайнем северо-востоке, графы Уэстморленд и Камберленд на северо-западе, графы Дерби в Ланкашире и Чешире, графы Шрузбери на севере центральной части, графы Пембрук в Уилтшире, графы Бедфорд в Корнуэльсе, графы Арундел в Суссексе и другие пэры с более локализованным влиянием. Поскольку Англия была «федерацией графств» — это была федерация, управляемая местными магнатами, — местная власть магната могла быть достаточно велика, чтобы сделать его влиятельным и в центре. Аристократы были важными посредниками — представитель графства при дворе и представитель двора на уровне графства. С ними нельзя было не считаться.

Во время царствования Елизаветы ведущая роль магната в управлении графством получила официальное закрепление в звании лорда-наместника, что ставило под его контроль местную милицию и давало ему титул главы местной администрации. С точки зрения короны, эта должность ограничивала местную власть в королевских интересах; местная власть «давала взаймы» то влияние, которого корона сама по себе не имела на местности. С точки зрения знати, должность наместника давала звание, юридически закрепляющее местное превосходство и создающее правовой механизм, при помощи которого это превосходство могло осуществляться. В некоторых графствах это была погремушка, которой надо было размахивать перед аристократами, соревновавшимися в своей преданности королеве; в других иногда выбора не было, и чтобы от назначения лорда-наместника был толк, нужно было назначать человека из влиятельного семейства. Фактически, в некоторых графствах это звание было наследственным: Стэнли в Ланкашире и Чешире, Толботы в Дербишире, Гастингсы в Лестершире и Ратленде, Греи в Бердфордшире, Говарды в Суррее, Герберты в Сомерсете и Уилтшире, Бриджесы в Глостершире. Когда в 1595 г. Вильям Бриджес, лорд Шандос, услышал разговоры, что он может потерять пост в Глостере, он возразил, что это будет бесчестьем, поскольку данная должность всегда принадлежала его семье. Эти назначения и ограниченная сменяемость на многих других местах показывают, до какой степени королевская власть находилась в зависимости от отдельных знатных родов.

Контроль знати над выборами также свидетельствует об их власти на местах и зависимости от них монарха. Аристократы

часто решали, кто будет избран, и чтобы управлять Палатой Общин, короне надо было поддерживать хорошие отношения с лордами. Во времена Елизаветы все известные члены парламента от Уилтона были креатурами графов Пембрук, которые контролировали также выборы в городах Олд Сэрум, Даунтон и Кардифф. Самое главное, Пембрук организовывал набор кандидатов на выборах от графства Уилтшир и предупреждал претендента на выдвижение в 1572 г.:

> «Я даровал свое согласие, и мои соображения таковы: я зарезервирую за всеми джентльменами то, что им причитается, и это означает, поскольку время от времени парламенты распускаются, что они будут выбраны, сначала одни, потом другие, кто и когда подойдет, с той целью, чтобы они набрались опыта в делах и состоянии своей страны».

Приблизительно треть членов парламента от мелких городов выбиралась благодаря влиянию какого-то могущественного вельможи, часто в результате прямого нажима. Граф Лестер известил горожан Денби в 1572 г. на случай, если они отвергнут предлагаемого им человека: «Можете быть уверены, что навсегда потеряете мою дружбу и расположение, и я никогда больше не буду помогать вам в ваших делах»[70]; горожане приняли мудрое решение послать ему незаполненный бланк для результатов выборов, а он вписал имя своего кандидата. Более крупные города могли сопротивляться, и когда Лестер запросил незаполненный бланк для результатов от Глостера, ему отказали. Но в основном знать своего добивалась. Граф Эссекс коллекционировал избранных от городков, как кто-нибудь другой мог коллекционировать картины: в 1593 г. половина городков в Уэльсе выбрала в парламент кандидатов Эссекса.

Подавлять графства было труднее, хотя более мелкие могли и подавляться. Роберт Норт заседал в качестве старшего рыцаря от Кембриджшира в 1509 и 1563 гг., он продолжил карьеру в звании лорда Норта в 1564 г., а с 1569 по 1600 г. он был уже лордом-наместником и контролировал выборы: с 1584 г. всеми парламентариями от графства были его сыновья или заместители. В лестерширских выборах члены рода Гастингсов занимали девять из двадцати определенных Елизаветой мест и получили оба места от графства в 1584, 1586 и 1597 гг.: на городских выборах в Лестере Джордж Белгрейв добился своего избрания тем, что появился в ливрее Гастингсов и заявил, что его поддерживает граф Хантингдон. Как только приближались выборы, лорд объявлял свою волю. В 1584 г. граф Суссекс писал

лорду Морданту о том, что он поддерживает Томаса Радклиффа в Бердфордшире: «Я с почтением сообщаю это Вашей светлости, чтобы он мог получить ваши голоса и те голоса, которых Ваша светлость может добиться». В 1597 г. лорд Чарльз Говард сообщал сэру Вильяму Мору, что его собственный сын будет избираться от графства Суррей: «О чем я счел полезным поставить Вас в известность, так как Вы один из самых избранных моих друзей, чтобы Вы могли этому способствовать и споспешествовать»[71].

Лорд-наместник мог использовать свое собственное влияние, клясться в верности королеве и заявлять, что он так поступает в интересах короны. В 1601 г. граф Хартфорд писал Джону Тинну, чтобы заручиться поддержкой своих двух кандидатов от Уилтшира:

> «Мне очень нужны не только Ваши голоса, но, чтобы результаты были как можно лучше для королевы, я также крайне нуждаюсь в Вашем содействии и содействии Ваших друзей, участвующих в этих выборах в Уилтоне в следующий вторник в день Св. Михаила, чтобы они оказали всяческую возможную помощь в завершении этого дела; умоляю Вас сообщить о моем желании, чтобы присутствовали все, кого Вы сочтете нужным, и уверяю Вас как в том, что с благодарностью принимаю Ваши усилия, так и в моей благодарности всем, кто мне хоть как-нибудь в этом поможет, ибо я считаю, что это будет полезно для всего графства»[72].

Интересы собственные, графства и монархии — вот что нужно было обеспечить, уговорив сторонников Тинна голосовать за кандидатов Хартфорда. Итак, представители аристократии занимали должности на местах, влияли на парламентские выборы и заседали в Палате Лордов; им принадлежал социальный престиж, земельные богатства и людские резервы. В мирное время они управляли графствами; когда приближалась война, они собирали войска; во время войны они командовали армиями и флотами. Короче, власть принадлежала им. Елизавета нуждалась в таких людях, чтобы сделать свое правление эффективным; без них она могла только произносить гневные, но безрезультатные речи, визгливо понося Тайный совет. Но ей необходимо было добиться, чтобы власть знати использовалась в ее интересах, и ей надо было держать знать под контролем.

Один способ управы на высшую знать у нее был — это было ее количество. Когда Елизавета взошла на престол, было пятьдесят семь пэров; когда она умерла — пятьдесят пять. Она даже не компенсировала прекращение мужской линии

нескольких родов и шесть лишенных звания за предательство; она определенно не компенсировала рост населения и увеличение количества поместного дворянства. Отношение королевы к высшим титулам было крайне консервативным. Шесть титулов было возвращено родам, которые их потеряли, и было разрешено передать два титула по женской линии. За сорок четыре года всего десять человек было титуловано вновь, и это были ее родственники или родственники уже существовавших пэров: единственным действительно «новым» человеком был Вильям Сесил, лорд Берли. Елизавета совершенно намеренно сокращала количество пэров. В 1588–1589 гг. Берли планировал влить в группу новые силы, и королева одобрила список из пяти повышений и семи новых титулов, составленный на основе короткого перечня четырнадцати ведущих претендентов — но она передумала, и проект кончился ничем. В 1598 г. Эссекс ходатайствовал о титуле для своего союзника сэра Роберта Сидни; королева возразила: «Но… что мне делать со всеми теми, кто претендует на титулы? Возможно, я хотела бы пожаловать звание ему и еще одному-двум, но многим — ни за что. А очень многие их друзья надоедают мне, чтобы я это сделала». Каким бы сильным ни было давление, Елизавета не уступала, она была и против иностранных пожалований: она была в ярости, когда сэр Томас Арундел вернулся в Англию в 1596 г. с титулом графа Священной Римской империи, и отказалась его признать. Почести должны были исходить только от самой королевы: как она сказала сэру Николасу Клиффорду, когда он получил французскую награду: «На моих собак надевают мои ошейники!»[73].

Елизавета и ее советники очень строго следили за существующими пэрами. Она требовала от представителей знати, чтобы какое-то время они проводили при дворе, где она могла бы за ними следить. Приблизительно две трети пэров в каком-то смысле были придворными и в начале, и середине ее царствования, хотя, похоже, к 1590-м гг. это соотношение уменьшилось — тогда Елизавета явно обнаружила свои намерения; и в 1596 г. приказала Эссексу вернуть с полдюжины молодых аристократов, которые поспешили с ним на освобождение Кале. Берли был ходячим каталогом английской аристократии: «И разве он не знал хоть одного аристократа или джентльмена и их места пребывания, связей и родословных?» — писал слуга[74]. В его доме в Тиоболдзе были настенные надписи по генеалогии и геральдике ведущих родов, и у него были карты резиденций главных семей каждого графства, так что он всегда мог вычислить их связи и союзников. Частично этот интерес

являлся результатом его интереса к древностям и снобизма, но это было и проявлением выдающегося политического мышления.

Королева Елизавета ограничивала число знати и держала ее под строгим наблюдением. Но она не старалась, если только ее к этому не вынуждали заговоры и мятежи, уничтожить магнатов или подорвать их могущество — за исключением очень неспокойной и опасной области на крайнем севере, где пограничная служба и гарнизонные команды создавали значительную дополнительную силу. В 1559 г. Сесил просил своего старого союзника, сэра Ралфа Садлера: «Пошлите мне шифрованное сообщение о том, что Вы думаете о смене смотрителей границы на западе, востоке и в центре, ибо отсюда кажется, что в данный момент это очень нужно»[75]. Нужны были более надежные люди, и Садлер высказал свои предложения. В результате граф Нортумберленд потерял восточную и среднюю границы, хотя этот пост всегда принадлежал его предкам; восточная граница отошла к старому вояке лорду Грею, а позже к надежному протестанту с юга графу Бедфорду. Средняя граница досталась местному врагу семейства Перси сэру Джону Форстеру, поскольку было ясно, что он постарается укрепить свою собственную власть в ущерб Нортумберленду. Лорда Дейкра, смотрителя восточной границы, похоже, держали при дворе, но когда в 1563 г. он умер, его семья потеряла должность. После смерти Шрузбери наместничество на севере перешло к сменяющим друг друга надежным чужакам — графу Ратленду, архиепископу Янгу, графу Суссексу и, самому надежному из всех, кузену Елизаветы, графу Хантингдону, с 1572 г.

На северной границе Тюдоры всегда сталкивались с дилеммой. Что лучше: доверить должность могущественным местным лордам, которые будут эффективными правителями, или использовать людей, которых легче держать под контролем, но которым не хватает авторитета на местах? Елизавета, в отличие от ее отца, решительно выбирала второй подход, и север управлялся не местными крупными магнатами, а надежными южанами или честолюбивыми северянами меньшего масштаба. В 1569 г. смотрителем восточной границы и правителем Берика был кузен королевы лорд Ханздон, и ему помогал сэр Вильям Друри из Бакингемшира; соперник семейства Перси Форстер был смотрителем средней границы, послушный (рангом ниже) лорд Скроп был смотрителем западной границы; а совет на севере возглавлялся Суссексом и опытным администратором сэром Томасом Гаргрейвом. Вероятно, королева сделала мудрый выбор; когда в 1569 г. вспыхнул мятеж, правление севера осталось несокрушимым и подавило восстание, что явилось резким

контрастом по сравнению с 1536 г., когда во главе восставших стояло правительство провинции, послушное северянину. Но частично восстание 1569 г. было результатом потерянных милостей: дарованием должности можно было сохранить верность могущественного магната, с потерей должности исчезала и преданность.

Королеву определенно — и справедливо — тревожило отсутствие преданности на севере, и она пыталась ослабить потенциальных противников. Но затем северная знать обнаружила, что к недовольству за ее оппозицию религиозной политике монархии добавились личные обиды, и свинцовый рудник графа Нортумберлендского был захвачен королевой в результате юридической придирки. Когда католическая фракция Гизов добилась господства в Париже и устроила резню французских протестантов в Васси в 1562 г., Елизавета испугалась за стабильность в своем собственном королевстве: она послала группу своей самой надежной южной знати, включая четырех ее собственных родственников, в Йоркшир на охоту, чтобы предупредить какие-либо насильственные действия со стороны католических магнатов. К 1565 г. Мария Стюарт была уверена, что графы Камберленд, Дерби, Нортумберленд, Шрузбери и Уэстморленд могут быть привлечены на ее сторону и поддержать ее претензии на английский трон, так как все они были приверженцами «старой религии»[76]. На деле Мария становилась ключевой фигурой для перспектив английской знати, особенно после ее бегства в Англию в 1568 г.

Как только Мария оказалась в Англии под арестом, она тут же стала центром двух групп заговорщиков в рядах английской знати. На севере Нортумберленд, Уэстморленд и Ленард Дейкр замышляли освободить Марию силой, чтобы можно было ее использовать как номинальную фигуру для получения у Елизаветы религиозных уступок. Если бы Мария была признана наследницей, заговорщики могли быть уверены в будущих милостях, или, если бы они проявили нетерпение, можно было низложить Елизавету и сделать королевой Марию, хотя бы при испанской поддержке. При дворе образовалась коалиция вельмож, выступавших против Сесила: Норфолк, Арундел и Ламли, а также примыкавшие к ним Винчестер и Пембрук, которые надеялись вынудить Елизавету разрешить Норфолку жениться на Марии. Частично это был способ сохранить английское наследство, надев на Марию узду и сделав ее более приемлемой для Елизаветы, а частично — путь для вытеснения Сесила с должности, изменения внешней политики и приобретения большего влияния знати на режим. Граф Лестер

поддерживал те планы придворной группы, о которых он знал, надеясь, что, если Мария будет благополучно выдана за английского герцога, он сам мог бы получить Елизавету.

Но заговоры начали разваливаться, когда вспыхнула драка за наследство Дейкров. Ленард Дейкр и Норфолк отпали, как разные претенденты, и Норфолк стал искать сближения с Сесилом, который, как советник по делам об опеке, мог повлиять на исход дела. Лестер испугался, притворился больным, позвал Елизавету к своей постели и рассказал ей о брачных планах. Союзники Норфолка легли на дно, а герцог бежал в Восточную Англию, опасаясь гнева королевы. Елизавета вызвала его обратно ко двору, и после некоторых колебаний он подчинился и написал своему зятю Уэстморленду, что северяне не должны поднимать восстание, иначе «он лишится головы». Сестра Норфолка, графиня Уэстморленд, с презрением заметила: «Какой герцог недалекий человек — начать дело и не довести его до конца»[77]. Елизавета чуть не оказалась в ситуации, по всей вероятности, смертельной: переворот у нее в Совете, восстание Говарда в Восточной Англии и католический мятеж на севере, которому фигура Марии Стюарт придавала видимую законность. Елизавета спаслась не потому, что ее позиция была сильной, а благодаря запоздалой верности Лестера и трусости Норфолка.

Но худшее было еще впереди. Норфолк был отправлен в Тауэр, а Арундел, Ламли и Пембрук помещены под домашний арест, но графы Нортумберленд и Уэстморленд были на свободе, а лорд-президент Суссекс не решался выступить против них, пока север не успокоился и погода не испортилась. Два северных графа знали, что они скомпрометированы: они плели заговор многие месяцы, и их намерения были широко известны. Нортумберленд отправил послание испанскому послу, сообщая, что ему придется восстать или иначе «положить голову на плаху»: «Или же я вынужден буду бежать и покинуть королевство, ибо я знаю, что Ее Королевское Величество так сильно разгневана на меня и других, что, насколько мне известно, мы не сможем ни вынести этого, ни ответить на это»[78]. Какой бы курс он ни выбрал, все в основном зависело от Елизаветы. Суссекс смотрел на исход с оптимизмом и советовал действовать осторожно, но Елизавета была смертельно испугана и не доверяла никому. Она подозревала, что Суссекс, старый политический союзник Норфолка, прикрывал Нортумберленда и Уэстморленда, если не хуже; она потребовала, чтобы он подробнее докладывал ей о своих действиях и чтобы он приказал Нортумберленду и Уэстморленду явиться ко двору. Когда Суссекс вызвал Уэстморленда к себе, тот ответил: «Я не решаюсь появиться среди своих врагов без силы, достаточной для

моей защиты, а это может не понравиться»[79].

Елизавета совершила грубую ошибку: она вынудила графов выбирать между бегством и восстанием, когда восстание все еще было (всего лишь) реальной возможностью. Они выбрали восстание из-за католического энтузиазма своих сторонников и из-за презрения графини Уэстморленд: «Какой вечный позор для нас и нашей страны, что сейчас в конечном счете мы вынуждены искать норы, в которых можно спрятаться!»[80]. В результате графы восстали, скорее от горя, чем от гнева: они обдумывали восстание неделями, даже месяцами, а вынуждены были начать незапланированные действия. Но все же это был опасный мятеж, который мог использовать мощные лозунги. Восстание было представлено в традиционных терминах как возмущение старой аристократии против злонамеренных советников-выскочек. Их прокламация в Рипоне провозглашала 16 ноября:

> «Ввиду того, что разные злонамеренные особы в окружении высочайшей королевы своими скрытыми и коварными стремлениями выдвинуться вытеснили в нашем королевстве истинную католическую Божью религию и тем самым нанесли королеве вред, внесли разлад в королевство и теперь, наконец, ищут и добиваются уничтожения знати, мы собрались вместе, чтобы использовать силу для сопротивления».

Воззвание имело значительный успех в Дареме и в Северном Йоркшире, учитывая время года: пять или шесть тысяч мятежников сплотились вокруг старых знамен Св. Катберта и Пяти Ран Христа, и во многих приходах Библия и Книга общих молитв были осквернены и восстановлены алтари. Графы подняли толпу — но им нужна была поддержка таких же знатных людей, как они сами: их прокламация от 28 ноября была разослана братьям-пэрам, с заявлением, что они восстали от имени «высокого и могущественного принца Томаса, герцога Норфолка», Арундела, Пембрука и «многих других, принадлежащих к древней знати королевства»; подчеркивалась также необходимость поставить вопрос о наследстве[81]. Их восстание было ответственным, представительным, аристократическим.

Этот мятеж часто рассматривался как последнее возмущение феодальной знати, а его тщетность и провал как доказательство заката власти феодалов; это не так. Поразительно, до какой степени восстание не было восстанием феодалов: девять десятых известных мятежников не были арендаторами вожаков (что неудивительно, так как восстание произошло далеко от

центральных владений Невила и Перси), и это было в гораздо большей степени народное движение, чем принято считать. И несправедливо считать его неумелым, поскольку его руководители следовали последовательной стратегии. Графы устремились на юг небольшим маневренным отрядом, чтобы освободить Марию Стюарт из Татбери, а потом, когда ее перевезли в неприступный Ковентри, они вернулись на север, чтобы укрепить свои силы и ждать испанской помощи. Похоже, они намеревались продержаться зиму и предпринять более мощный, поддерживаемый испанцами бросок на юг весной, надеясь, как мятежники с севера всегда надеялись, что юг будет на их стороне и тоже восстанет. Но военачальники королевы были решительнее и удачливее, чем можно было ожидать: они без особого труда собрали войско и, несмотря на зиму, двинулись на север. 15 декабря графы бежали в Шотландию и, за исключением кровавого столкновения в феврале 1570 г. между армией Хадсона и арендаторами Дейкра, восстание закончилось. Но расплата за него была еще впереди.

Когда Сесил узнал, что графы бежали, он написал: «Ее Королевское Величество смогла в это время должным образом испытать все свое королевство и подданных и убедиться в их полной преданности, независимо от религии»[82]. Он был доволен тем, что восстание не распространилось на все королевство, но почивать на лаврах не приходилось. Пересекающиеся заговоры 1569 г. были крупной угрозой режиму Елизаветы, и если бы они увенчались успехом, картина елизаветинской Англии была бы совсем иной. Произошедшее восстание было чрезвычайно опасным, и если бы правительство Елизаветы допустило хоть немного мелких ошибок (например, вовремя не перевезли бы Марию), могла бы произойти катастрофа. Елизавете очень сильно повезло — хотя бы в том, что, когда восстание началось, Ленард Дейкр был в Лондоне, а восстание в Камберленде опоздало на три месяца. Остальные феодалы на севере заняли выжидательную позицию. Когда графы обратились к Дарби, он заявил о своей преданности королеве, но ничего против них прямо не предпринял; графа Камберленда нигде не было видно, и лорды Маунтигл и Уортон были столь же незаметны. Северная аристократия планировала измену и почти что совершила ее.

Сражавшиеся с мятежниками королевские войска, возглавляемые южными лордами, со своей стороны тоже были угрозой политической стабильности. Южные войска под командованием Клинтона и Уорика превратились в бандитскую оккупационную армию, при этом солдаты занимались грабежом, а военачальники требовали отдать им конфискованные земли

повстанцев. Суссекс протестовал, но тщетно, и он видел, что решительное противодействие мародерству приведет только к неприятностям: «Если бы я не считал, что спокойствие моей доброй королевы превыше всего, я бы не допустил, чтобы они издавали победные клики даже на моей навозной куче или поживились хотя бы полупенсом без моего разрешения»[83]. Ограбление севера обогатило южную знать, а они сами стали опаснее. Дворцовые заговорщики 1569 г. тоже представляли собой угрозу. Норфолк оставался враждебным и честолюбивым: он продолжал плести интриги вокруг Марии Стюарт, как и Арундел и Ламли, и кроме того, вступил в сговор с флорентийским интриганом по имени Ридольфи. Норфолк согласился поднять восстание в Англии, если герцог Альба пришлет испанские войска из Нидерландов, но перехваченные письма привели к раскрытию заговора летом 1571 г. Хотя Елизавета этого не хотела, Норфолка пришлось казнить. Заговоры 1569–1571 гг. и восстание 1569 г. показали, что лишение магнатов милости может привести к недовольству и мятежу. Обычная тактика Елизаветы относительно знати — лучше примирение, чем противостояние — оказалась гораздо безопаснее: в 1580 г. Сесил ей сказал: «Будьте милостивы к своей знати и первым лицам в королевстве, чтобы прочнее привязать их к себе»[84].

Обычно королева Елизавета показывала не недоверие к своей знати, но свою зависимость от них. Когда в 1596 г. она отозвала молодых аристократов, которые отправлялись с Эссексом в Кале, она сделала это не потому, что подозревала их, но потому что они нужны были ей при дворе, чтобы выполнять свой долг при ней в качестве свиты. У Елизаветы были почти родственные отношения с ее вельможами. Она обеспечивала их в Лондоне домами из королевской собственности: Ханздон получил Сомерсет Хауз; Пембрук — Барнардз Кастл; Чартерхауз принадлежал по очереди лорду Норту, герцогу Норфолку и графу Ратленду; Эссекс получил Дарем Хауз. Дружба королевы с аристократией отмечалась каждый год обменом новогодними подарками: королева получила 700 — 1200 фунтов золотом от знати, духовенства и придворных, а подарила в ответ 4000–5500 унций изделий из позолоченного серебра. В январе 1562 г. она обменялась подарками с герцогом Норфолком, 13 маркизами и графами, виконтом, 13 герцогинями и графинями, 2 виконтессами, 20 лордами и 30 леди, а также с епископами и придворными. Это правда, что обмен превратился из личного поступка в бюрократическую рутину, но система подчеркивала близость между короной и пэрами.

Елизавета становилась крестной матерью детям своей знати: в 1560–1561 гг. она стала крестной детям лордов Беркли, Кобема, Монтагью, Маунтджоя и Шеффилда; крещение происходило в Королевской Часовне. Она вмешивалась в личную жизнь своих подданных, как будто была главой пэрской семьи: когда граф Линкольн отказался признать брачный союз своего сына, Елизавета вмешалась в 1597 г. и заставила графа обеспечить молодую семью подходящим домом. Она посещала своих магнатов в летних резиденциях: в качестве проживающего гостя Елизавета создавала возможности для чрезмерных проявлений гостеприимства со стороны хозяев и благодарности со своей. Иногда, например, во время визита к графу Хертфорду в Элветем в 1591 г., ее посещение могло демонстрировать политическую реабилитацию: старая обида была забыта, и личные отношения восстановлены. Королева умело вносила личный оттенок. Она добавила свой собственный постскриптум к официальному благодарственному письму после его успеха на севере в 1570 г.: «Я не знаю, дорогой Гарри, что меня обрадовало больше: то, что мне дана была победа, или то, что ты был предназначен Господом на роль орудия моей славы, и заверяю тебя, что для блага моей страны вполне достаточно первого, но мое собственное сердце больше радуется второму». Она писала лорду Уиллоуби, командующему во Франции в 1589 г.: «Мой дорогой Перегрин, я благодарю Бога, что твои отважные действия сопровождаются свойственным тебе блестящим успехом, и, кроме того, меня радует, что удаче сопутствует безопасность. Твоя любящая повелительница, Eliz.R.»[85].

Церемониальный ритуал льстил самомнению знати. В торжественных случаях их посылали за границу как послов по особым поручениям, и эта честь была настолько важной, что отражалась на страницах истории царствования Камдена. Монтагью (полезный католик) поехал в Испанию в 1560 г., Суссекс к императору в 1567, Бакхерст во Францию в 1571, Вустер во Францию в 1573, Норт опять же во Францию в 1574 и т. д. Правда, это была дорогостоящая привилегия, но достоинству вельможи льстило, что он выступал как личный посланец королевы. Достоинство и в самом деле играло особую роль. Когда сэр Филипп Сидни в споре на теннисном корте осмелился возразить графу Оксфорду в 1579 г., Елизавета напомнила ему «о различии в звании между графом и рядовым дворянином, об уважении, с которым низшие должны относиться к высшим, и о необходимости для монарха защищать дарованные им звания, так как звания являются границей на пути нарушения правил поведения, возведенной лицом, помазанным на царство»[86].

Оскорблять достоинство знати не имел право никто, даже Сидни, воплощение придворных добродетелей и образец джентльмена.

Елизавета льстила своей знати и осыпала аристократов милостями по двум причинам: боялась их могущества и нуждалась в них. Она вовлекала их в управление страной, спрашивала у них совета, связывала их со своими решениями и в чрезвычайные моменты просила у них защиты. Феодалы были естественными защитниками королевы, она постоянно ссылалась на «лордов Совета» и «лордов и прочих в Совете». Когда Елизавета впервые встретилась с советниками, которые достались ей от Марии, она им сказала: «Я желаю, чтобы вы все, милорды (особенно знатные, каждый в силу своего звания и могущества), помогали мне». «Древние роды, — напомнила она им, — естественно, по долгу чести должны больше заботиться о сохранении моего государства и этой державы»[87]. Она оставила советников-магнатов: Арундела, Клинтона, Дерби, Пембрука, Шрузбери и добавила Бедфорда и Нортгемптона. Позже она ввела Норфолка, Суссекса и Уорика, а также Ханздона, Говарда, Бакхерста, Кобема и Норта; Дерби и Шрузбери сменили своих отцов, а Эссекс получил свое место в 1593 г.

Для отношения Елизаветы к знати было типично, что больше пэров становилось советниками, чем советники становились пэрами. Правда, количество магнатов в Совете уменьшилось в 1590-х гг., но бунт Эссекса напомнил королеве о том, как они важны, и в 1601 г. были завербованы Шрузбери и Вустер.

Аристократы могли давать советы, даже если членами Совета не были. В 1558 г. королева вызвала графов Хантингдона, Нортумберленда, Шрузбери, Суссекса и Уэстморленда, чтобы решить с Тайным советом, что делать с Марией Стюарт, поскольку, как выразился Сесил, «это дело столь важное, что ничего равного ему не рассматривалось во время царствования Ее Величества»[88]. Были определенные дела, которых нельзя было приличным образом решить без участия знати. Одним из них было решение о смертной казни герцога: когда в 1572 г. судили Норфолка, Шрузбери выступал в качестве председателя суда пэров и почти половина пэров заседала с ним; были включены практически все графы, и отсутствовали только те, кто был или слишком болен, или слишком молод, или те, кто сам находился под стражей. Хотя Марию Стюарт в 1586 г. судили не столь публично, в комиссию по этому поводу были включены лорд Берли и восемь графов, а также судьи и должностные лица. Участие знати в подобных вопросах высокой политики вводило их в принятие спорных решений и придавало вес одобрению королевской политики аристократами.

Во время политических кризисов Елизавете нужны были могущество и престиж ее знати — и ей требовалось обеспечить их преданность, вовлекая их в свои действия. Восстание 1569 г. возглавлялась враждебными пэрами, но подавлено было верными: Ханздон и Суссекс собирали войска на севере; Клинтон и Уорик набирали свои армии в центральных графствах, а Бедфорд был послан, чтобы обезопасить запад от угрозы испанского вторжения. В бурный период после восстания нужно было очень осторожно организовывать парламентские выборы. В 1571 и 1572 гг., когда особенно была нужна верная Палата Общин, Совет обратился к аристократии с просьбой взять под контроль выборы от графств и городов, чтобы обеспечить «хороший выбор рыцарей и горожан»[89]. Графа Бедфорда попросили понаблюдать за Бэкенгемширом; Кобем и архиепископ Паркер отвечали за Кент; Говард — за Суррей, Лестер — за Беркшир; Биндон и сэр Вильям Полет — за Дорсет и Пембрук — за Уилтшир. Бедфорд также следил за западными графствами, а в 1573 г. он, по всей вероятности, повлиял на выбор половины членов от городов в Корнуолле, Девоне и Дорсете. Влияние знати на выборы и ее престиж на местах очень помогали власти, прямое влияние которой на выборы было в действительности ограничено городами герцогства Ланкастерского.

В 1584 г. после заговора Трокмортона против Елизаветы и убийства Вильгельма Оранского в Нидерландах, Тайный совет организовал протестантское войско особого наблюдения под руководством знати. Набор в «Тесную ассоциацию» был организован через лордов-наместников и других ведущих феодалов: граф Хантингдон следил за Йоркширом с помощью лорда Дарси на юге графства, лорд Скроуп наблюдал за Камберлендом и Уэстморлендом, граф Дерби занимался Ланкаширом и Чеширом, а лорд Кобем отвечал за Кент. Важно, что когда положение приближалось к критическому, Совет работал под индивидуальным влиянием пэров, а не через официальное управление государством. То же самое частично относилось и к кризису 1588 года, года Армады. Корпус ударных сил из 1600 кавалеристов и 1500 пехотинцев был набран непосредственно из арендаторов магнатов, и три четверти армии, мобилизованной для защиты Елизаветы, составляли личные приверженцы знати. В 1599 г., когда возникла угроза еще одного вторжения, Совет вызвал аристократов ко двору, чтобы они привели столько конницы, сколько могли, для защиты королевы. Когда в игре не везло, зависимость Елизаветы от ее аристократии становилась ясной.

Часто предполагают, что монархия Тюдоров намеренно

урезала власть знати. Конечно, существуют определенные доказательства того, что официально подозревались могущественные подданные. Лорд Бакхерст, член Тайного совета, говорил графу Шрузбери в 1592 г.: «Вашей светлости следует помнить, что политической линией этой страны не является повышенная готовность увеличивать могущество и уверенность таких высокопоставленных особ, как Вы». Эта была мягкая угроза, предупреждение мощному магнату, участвующему в яростной местной схватке, но нападки на власть знати не были «политической линией этой страны». За исключением неизбежного наказания за намеренное предательство, Елизавета умышленно лишила феодалов влиятельных постов только в 1559 г. на севере — а позже Нортумберленд был лишен своей должности в связи с войной Елизаветы в поддержку восстания шотландских протестантов против французской католической армии и шотландской королевы-католички. Смещение Нортумберленда является почти уникальным исключением, а не примером тенденции. На самом деле «политической линией этой страны» являлось сохранение феодальной власти: сэр Роберт Нонтон (подданный Эссекса) позже писал о Елизавете, что «осыпать милостями и поддерживать древнюю знать — это была ее естественная склонность», и она «всегда склонялась к тому, чтобы благоволить знати»[90].

«Трактат об изменах», католический пропагандистский трактат 1572 г., утверждал, как и прокламации северных графов, что министры Елизаветы проводили антиаристократическую политику. «Трактат» особо обвинял Сесила в том, что это он добился смерти Норфолка и что он вообще втайне был настроен на полное уничтожение знати. И Фрэнсис Бэкон, и анонимный слуга-биограф видели в нем защитника статуса знати и интересов конкретных ее представителей. Как советник по опеке он сделал себя опекуном восьми представителей знати, включая графов Оксфорда, Суррея, Эссекса и Саутгемптона, а также двух графов Ратлендов: хотя он выдал свою дочь замуж за Оксфорда, непохоже, чтобы он искал выгоды от этих услуг — скорее, он выполнял то, что считал национальным долгом и делом, которое может сделать его род известным. Он старался сохранить родовое имущество молодых феодалов и воспитывать их в своей собственной семье как следующее поколение руководителей Англии. Елизавета тоже проводила политику, которая должна была сохранить богатство и престиж английской аристократии.

Королева поддерживала и даже субсидировала знать несколькими способами. Пэры в своей массе платили пониженные налоги, и платить столько, сколько полагалось, стало считаться

чуть ли не признаком опалы. Общая оценка имущества знати для взимания налогов упала с 921 фунта в 1534 г. до 487 в 1571 и 311 в 1601; пятнадцать феодалов получили оценку свыше 1000 фунтов в 1534 г., но только девять в 1571 и один в 1601 — несмотря на то, что инфляция в XVI в. выросла в пять раз. Лоренс Стоун предполагает[91], что в действительности оценка имущества пэров в 1601 г. составляла только 38 % от оценки 1558 г. Более того, предполагалось, что некоторые пэры не будут платить даже эти урезанные налоги, и разрешалось скапливать задолженность по уплате за много лет. Расследование в 1610 г. показало, что графы Оксфордские задолжали уплату с 1559 г.; графы Хантиигдоны должны были 422 фунта, начиная с 1581 г.; графы Шрузбери имели долг 1853 фунта с 1585 г.; долг графов Дерби составлял 1338 фунтов с 1589 г. Возможно, что эти отклонения были скорее вызваны бюрократическими проволочками, чем намеренным королевским благоволением, но результат был один — высшая знать в какой-то степени освобождалась от налогов.

Избранным феодалам разрешалось накапливать долги и в других формах. В 1585 г. граф Бедфорд все еще был должен 200 фунтов за попечительство, которое он купил за шестнадцать лет до этого; в 1587 г. Арундел задолжал 1800 фунтов за попечительство, купленное двадцать лет назад, а когда граф Хантингдон умер в 1595 г., его долг за неуплату королевской ренты составлял 8000 фунтов. Королевским должностным лицам было разрешено накапливать огромные долги, очевидно, они жили за счет сборов, которые ими контролировали. Маркиз Винчестер задолжал в конце концов 34 тысячи фунтов после того, как занимал посты лорда-казначея и советника по опеке. Долг Суссекса составил 11000 фунтов после того, как он был смотрителем королевских лесов на юге и лордом-председателем совета на севере, Уорик остался должен 7000 как начальник артиллерии, а Лестер влез в долг размером в 3000 фунтов после ряда королевских должностей. Возможно, некоторые долги возникли из-за издержек королевской службы, но многое было результатом замаскированного заимствования из королевских сундуков. Когда Хандзон умер в 1593 г., остался долг — рента за наследственное пользование землей поместья Ханздон, пожалованного ему в 1559 г.; он не вносил платежи с 1563 г. и не платил за попечительство, пожалованное в 1586 г. Возможно, эти долги были оружием в руках королевы для усмирения пэров; знати приходилось избегать выступлений против королевы, иначе с них бы потребовали долги. Но избранные вельможи многое извлекали из этого соглашения; они жили за счет Елизаветиной кубышки.

Королева принимала во внимания притязания знати. Орден Подвязки при Елизавете получали почти исключительно пэры, тогда как при Генрихе VIII почти половину кавалеров ордена Подвязки составляли нетитулованные дворяне. Несмотря на свою хорошо известную бережливость, Елизавета давала пенсии нуждающимся пэрам, чтобы спасти их от позора публичной бедности. Находящиеся в затруднении аристократические вдовы — графини Кент и Килдэр, леди Берг и Ханздон — получали ежегодное пособие. Те представители знати, у которых не было земельных поместий, приличествующих их положению, могли поддерживаться королевой: лорд Говард Эффингемский и безземельный лорд Генри Говард каждый получали 200 фунтов в год, а граф Оксфорд — не имеющий ни денег, ни достоинств — удостоился 1000 фунтов в год. Достоинство знати могло оберегаться и после смерти: иногда Елизавета оплачивала похороны, особенно своих родственников — она дала деньги на погребение маркизы Нортгемптон в 1565 г., леди Ноуллз в 1569, графини Леннокс в 1577 г., лорда Ханздона в 1596 (хотя, несмотря на долгие годы службы Хантингдона на севере, она отказалась заплатить за 1595 г.). Лорд Берли иногда вмешивался, чтобы заставить семьи умерших аристократов заплатить за должные похороны — недостойное завершение не должно было унижать достойную жизнь.

Елизавета сознательно сохраняла социальный статус титулованного дворянства. Как она и сообщила Филиппу Сидни, когда тот осмелился возразить графу Оксфорду, она намеревалась защищать достоинство пэров. Елизавета не хотела подвергать позору представителей знати, что и показывает ее нежелание разрешить казнь Норфолка. Герцога судили 16 января 1572 г., но казнили только 2 июня; дважды запланированную казнь отменяли по приказу королевы, разочаровывая толпу. Берли сказал Вальсингаму: «Иногда, когда она говорит о том, что находится в опасности, приходит к заключению, что правосудие должно свершиться; а потом она говорит о том, что он ей кровный родственник, что он человек высокой чести и т. д., так она говорит»[92]. Казнь герцога подорвала бы достоинство знати и ослабила представление об иерархии. Но достоинство знати было для Елизаветы не так важно, как величие монархии, и в конце концов Норфолк был принесен в жертву, чтобы смягчить шум в парламенте по поводу суда над Марией Стюарт. Норфолк лег на плаху, но Елизавета и Сесил не проявляли решительности, чтобы доводить до смерти сообщников: Арундел, Ламли и другие были замешаны в интригах и заговорах с 1569 г., тем не менее, после недолгого периода пребывания под стражей им разрешили

отдалиться от политики.

По возможности Елизавета мягко обращалась с выступавшими против нее пэрами. Профессор Стоун заметил[93], что королева мало что делала, чтобы пресечь войну между аристократическими кланами, которые тревожили столицу. Такие нарушения, как вражда между Оксфордом и придворным сэром Томасом Ниветтом в 1582–1583 гг., прошли безнаказанными, как будто бы знатным лордам убийство могло так же сойти с рук, как и измена. Титулованные особы были заключены в Тауэр за поведение, которое других людей привело бы на плаху — лорд Генри Говард, Генри, граф Нортумберленд и Филипп, граф Арундел, стали вынужденными гостями Елизаветы, хотя два графа умерли в заключении. За понятным исключением предводителя, аристократы, участвовавшие в восстании Эссекса в 1601 г., избежали казни, которой подверглась мелкая рыбешка. Саутгемптону, Ратленду, Маунтиглу и Сандзу чрезвычайно повезло, что они не были казнены, а Бедфорд, Суссекс и Кромвель безусловно были бы уничтожены, если бы так захотела королева. Даже Эссекс получил защиту своей репутации: обвинение заявило, что, благодаря своему честолюбию, он поддался бессовестным интригам своего гнусного советника Генри Коффа, а сам по себе он не был негодяем — и действительно, как может человек знатного происхождения быть негодяем?

Елизавета защищала эксклюзивность ее знати. Ее отказ создавать новых пэров кроме возвышения тех, в ком текла благородная кровь, по-видимому, повышала статус знати, придавая ей дополнительную ценность редкости. Ее политика консервации определенно имела целью поднять престиж существующих пэров, а не ограничить влияние высшей знати в Англии. И действительно, аристократы почти ни в чем не испытывали ограничений: совершенно поразительно, до какой степени Елизавета позволяла им играть политическими мускулами и состязаться друг с другом пагубными средствами из-за должностей и влияния. К опасным людям она относилась как к плутоватым мальчишкам и малолетним прохвостам, как незамужняя тетушка, которая их журила, но на самом деле восхищалась их безрассудными проделками. Елизавета была к ним снисходительна, и она могла себе это позволить: она знала, что она им нужна так же, как они нужны ей. Похоже на то, что перемены в экономике подрывали финансовую независимость знати и вынуждали их искать доходов от должности и политической благосклонности, чтобы поддерживать аристократический стиль жизни.

Итак, девственная тетушка давала мальчикам какие-то деньги

на карманные расходы — в результате она могла надеяться, что они регулярно будут посещать ее и выполнять ее поручения.

Глава 4. Королева и совет

Титулованная знать Англии составляла семью Елизаветы, и она более или менее держалась с аристократами заодно. Она могла устранять непокорных лордов при помощи судов и казней, но это был чрезвычайный путь, и она прибегала к нему крайне неохотно. Она могла слегка видоизменять состав пэров, принимая новых кузенов в привилегированный семейный круг, но она, похоже, считала, что родственников у нее достаточно много. За исключением таких поверхностных изменений, королева не могла выбирать себе семью — но она могла выбирать себе друзей, своих ближайших советников. Однако назначение членов Тайного совета не было полностью бесконтрольным: надо было, чтобы они могли давать хорошие советы, но также и пользоваться значительной властью. Королева могла набирать своих друзей, но необходимо было, чтобы они были могущественными, так же как надежными, крепкими, так же как достойными доверия, знающими, так же как совместимыми. Состав Совета должен был отражать распределение власти в обществе, ибо совет политически слабых людей был бесполезен. Но нельзя было позволить захватить Совет влиятельным людям в королевстве, ибо правительство могло бы стать орудием фракции магнатов, а интересы короны не принимались бы во внимание. Нужны были крупные аристократы, но их надо было уравновесить элементами более зависимыми от королевы или более преданными ей.

Примерно половина членов Тайного совета Елизаветы принадлежали к высшей знати, но по мере того как она продолжала царствовать, группа магнатов все уменьшалась в количестве, и королева вербовала все больше доверенных придворных. В Тайном совете, назначенном в начале правления, было 20 членов, но сторонники Марии, католики Хит и Чейни, вскоре исчезли. Из оставшихся 18-ти 9 принадлежали к знати, 6 из них с сильным влиянием в регионах. Елизавета шла на компромисс с сильными и пыталась связать территориальных магнатов со своим режимом — но она уравновешивала их своими родственниками и должностными лицами своего двора, а также теми, кто входил в правительство при Эдуарде VI. К 1570 г. тайных советников было 19, включая 6 магнатов и 5 других аристократов, но пропорция опытных администраторов возрастала. В 1586 г. в Совете опять было 19 членов, включая И титулованных аристократов — но только Дерби и Шрузбери были общепризнанными магнатами. Шрузбери был назначен с учетом его положения опекуна Марии Стюарт, и только Дерби попал туда

потому, что с ним нельзя было не считаться. Пять из представителей знати в 1586 г. были личными друзьями и родственниками королевы, и у нее теперь был Совет, состоящий из тщательно подобранных служащих, а не из тех, кто попадал туда благодаря своему могуществу. К 1597 г. процесс замены региональных магнатов надежными служащими продвинулся дальше: в Совете было только 11 членов, и хотя б принадлежали к знати, они не были территориальными магнатами, а 4 были креатурами Елизаветы. Последний Совет Елизаветы представлял собою слаженную группу должностных лиц, и казалось, Елизавета решила, что без советов магнатов она вполне может обойтись.

В работе Совета преобладали надежные чиновники. Тайный совет Елизаветы обычно собирался дважды в неделю в Гринвиче, Хэмптон Корте или Вестминстере, так что регулярное присутствие было заметной нагрузкой. Провинциальные магнаты в основном отсутствовали, управляя своими регионами, что оставляло сравнительно немного присутствующих — лорд-казначей, лорд-камергер, лорд-адмирал, секретарь, казначей и управляющий хозяйством, а также граф Лестер. В 1570-х гг. каждое заседание посещали в среднем от семи до десяти человек, а магнаты приходили только в особых случаях или когда объявлялось обязательное посещение для принятия важных решений. Так что повседневное управление осуществлялось небольшой кликой — и это была клика родственников. В начале царствования Елизавета заполнила Совет и двор своими родственниками Болейнами и Говардами, и люди, близкие к режиму, переженились раньше или позже. Из двадцати пяти тайных советников с 1568 до 1582 г. восемнадцать были родственниками друг друга и королевы: Лестер и Уорик были братьями; Генри Сидни был их зятем и шурином Суссекса; Вальсингам и Майлдмей были зятьями; Сесил и Бэкон были женаты на сестрах Кук; а другие советники женились на дочерях друг друга — Лестер на дочери Ноуллза, Норфолк — Арундела, Пембрук — Нортгемптона и Уорик — Бедфорда.

Ранний Тайный совет Элизаветы состоял из разных членов и представлял различные интересы и мнения. Но с уменьшением числа старых магнатов, исключением религиозных консерваторов, внутренними браками он превратился в узкий и тщательно отбираемый орган. В последние годы царствования сыновья наследовали от отцов титул советника — Бакхерст, Сесил, Ханздон и Ноуллз сменили отцов, Эссекс — отчима. Правящий круг все больше и больше сужался — важные элементы политической жизни были недостаточно представлены. Многие из самых могущественных людей Англии были исключены из Совета,

и возможно, их ожесточило пренебрежение. Может быть, восстание Эссекса в 1601 г. вынудило Елизавету признать неразумность этих ограничений, и она немедленно ввела в Совет графов Шрузбери и Вустера. Но значительную часть ее правления, с 1572 по 1601 г., Совет Елизаветы был критически узок и слаб в своем составе.

Правящая группа родственников разделяла общие политические воззрения, что определяло их интерпретацию событий. Они были убежденными протестантами, которые верили, что союз католиков, руководимый Римом, планировал искоренение ереси. Каждое собрание видных католиков свидетельствовало о наличии заговора. Вильям Сесил писал в 1563 г.: «Происки и решительные шаги кардинала Лотарингского, замышленные на собрании воинов Антихриста, явно созванных для искажения Христова учения, мы ни в коем случае не можем считать и разумно принимать за добрые, мы должны поддерживать царство Христа и уничтожить Антихриста!»[94]. После того, как Екатерина Медичи встретилась с герцогом Альбой в Байонне и испанская армия Альбы двинулась на Нидерланды в 1567 г., казалось, международному протестантизму грозила гибель и необходима была конфессиональная солидарность. В июле 1568 г. Сесил послал свое ободрение французским протестантам: «Я умоляю вас успокоить их, что в случае крайности они не будут покинуты. Ибо это такое всеобъемлющее дело, что ни одна религия не может отделить себя от всех остальных. Мы все должны молиться вместе и тесно держаться вместе». Сэр Николас Трокмортон, один из советников Лестера по иностранным делам, задал Сесилу через два месяца ключевой вопрос: «Теперь, когда общим замыслом является уничтожение всех наций, которые придерживаются другой религии (что является самым очевидным и вероятным), что станет с нами, когда исповедующие с нами одну религию будут полностью уничтожены во Фландрии и Франции?»[95] Для тех, кто был знаком с этим анализом заговора, ответ был ясен: с Католической лигой должна сражаться Протестантская лига, и Англия должна поддержать протестантских повстанцев против католических правителей.

Но Елизавета I смотрела на вещи иначе, и она в высшей степени не хотела выступать в роли штрейкбрехера против братского профсоюза монархов. В 1565 г. она заявила, что никогда не поддержит никакого неповиновения монарху со стороны мятежных подданных, ибо Бог накажет ее, если она так поступит. У королевы был легитимистский взгляд на политику, и она видела международное положение в свете отношений между

монархами: мысль об идеологическом союзе подданных против монархов была ударом по ее основным политическим представлениям и инстинктам. Таким образом, существовал очевидный потенциал для конфликта между прагматичной Елизаветой и протестантской группой, влияние которой возрастало на протяжении 1560-х гг. и господствовало в ее Совете к 1572 г. Отношения королевы с ее Советом достигли предела после попыток «ведущей» партии толкнуть ее на идеологический союз с иноземными протестантами: советники попытались повлиять на королеву и хотели проводить политику, которой она не принимала. Сесил сообщал английскому послу во Франции в 1567 г.: «Ее Величеству не нравится принц Конде и адмирал, и Совет делает все возможное, чтобы утвердить ее в этом. Я думаю, что самое главное то, что Ее Величество, будучи монархом, не решается становиться на сторону подданных. Тем не менее, вам следует, если представится случай, успокоить их»[96]: королева возражает против нашей политики, но Вы должны так или иначе ее проводить!

Тайные советники заявляли, что такова их обязанность — давать королеве даже неприятные советы. Во время скандала по поводу планов замужества в 1566 г. Пембрук сказал королеве, что ее советники «делали только то, что было наилучшим для блага страны, и советовали ей то, что было лучше всего для нее самой, и если она не считала должным принять совет, все же их долгом было дать его». Точка зрения Сесила была во многом такой же:

> «Я действительно придерживаюсь и всегда буду придерживаться такой линии в тех делах, по которым мое мнение не совпадает с мнением Ее Величества: до тех пор пока мне будет позволено давать советы, я не буду менять свое мнение, утверждая противоположное, ибо таким образом я оскорбил бы Господа, которому я прежде всего повинуюсь, но как слуга я буду повиноваться приказаниям Ее Величества, ибо неразумно противоречить одному и тому же, принимая во внимание, что здесь она главный исполнитель воли Господа, и это Господня воля выполнять ее приказы после того, как я выполнил свой долг в качестве советника, и в глубине моего сердца я буду желать ее распоряжениям такого успешного осуществления, какое, я уверен, она задумывала»[97].

Долг добросовестного советника был ясен: он должен давать честные советы независимо от того, как считает королева; и осуществлять решения королевы, что бы он ни думал сам. Но на

деле Сесил и другие разрешали себе большую свободу действий. Они не просто давали советы, они пытались заставить королеву следовать им, они не просто повиновались приказам, возможно, втайне они проводили противоположную политику.

Особенно выгодное место для того, чтобы оказывать влияние на королеву, занимал секретарь, поскольку он мог контролировать прохождение к ней информации. В 1568 г. секретарь Сесил был взбешен, когда доклад пошел прямо к королеве: он считал, что он является посредником для официальной корреспонденции, и, безусловно, он ее в основном и получал. В июне 1568 г. Фрэнсис Ноуллз написал Сесилу тринадцатое письмо, посланное с тех пор, как он стал стражем Марии Стюарт в замке Болтон; два пошли к королеве, одно всему Совету, а десять лично Сесилу. Так секретарь мог влиять на королеву, отбирая информацию, а также тем, как он ее представлял. В 1592 г. Роберт Бил написал трактат о том, как добиться успеха на посту государственного секретаря, основанный на деятельности сэра Фрэнсиса Вальсингама, и влияние на королеву считалось очень важной стороной. Секретарю следовало узнать, в каком настроении королева, прежде чем идти на встречу с ней; он не должен был поднимать важных вопросов, если она была сердита; он должен был вести непринужденную беседу, чтобы отвлечь ее, когда она подписывала официальные документы; и он должен был поддерживать хорошие отношения с ее фаворитами во время заседаний. В 1597 г. французский посол наблюдал такие манипуляции в действии, особенно когда речь шла о деньгах: «По своей натуре она очень скупа, и когда необходимы какие-то расходы, ее советники вынуждены отвлекать ее, прежде чем постепенно ввести в курс дела». Конечно, кое-какие уловки Елизавета разгадывала: «Я думаю, что они поступают со мной как врачи, которые, давая лекарство, сдабривают его приятным вкусом и ароматом, а когда преподносят пилюлю, стараются ее позолотить»[98].

На самом деле манипуляции заходили гораздо дальше подслащения политической пилюли. Сесил видоизменял информацию, чтобы поддержать предлагаемый курс действий, а затем он оказывал на Елизавету давление, чтобы заставить ее следовать ему. В 1559 г. он прилагал огромные усилия, чтобы вынудить ее вмешаться в шотландские дела в поддержку протестантских повстанцев. Он составил свою служебную записку так, чтобы преодолеть нежелание Елизаветы помогать подданным в их выступлении против монарха, заявив, что ей принадлежат верховные права в Шотландии. Затем он завербовал английских

послов за рубежом, чтобы они довели до сведения королевы необходимость вмешаться и в соответствии с этим обработали свои отчеты. Но когда это предложение было официально представлено перед королевой на Совете, она его отвергла — тогда Сесил пригрозил отставкой, и она уступила. Эта тактика секретаря повторилась в 1560 г., когда ему удалось остановить Елизавету от брака с Робертом Дадли. Распустив слухи, что Елизавета и Дадли замыслили отравить Эми Дадли, он добился того, что когда Эми действительно умерла (вероятно, от рака), королева и лорд Роберт не рискнули подтвердить свою вину браком — и Сесил использовал испанского посла, чтобы предупредить Елизавету, что он уйдет в отставку, если она выйдет замуж за Дадли.

Использование английских послов за рубежом было любимым способом манипуляций Сесила. В 1562 г. «передовые» советники подталкивали Елизавету к тому, чтобы она оказала военную поддержку французским протестантам и присоединилась к международной Протестантской лиге. Сесил действовал не напрямую, а через Кристофера Мундта, посла в Германии. Он подучил Мундта уговорить немецких монархов-протестантов послать к Елизавете эмиссара, чтобы предложить совещание и союз. Сам Мундт должен был предупредить королеву, что поражение французских протестантов необходимо предотвратить: ему предписывалось сообщить Елизавете, что «если она сейчас не постарается помочь Вере во Франции и не предотвратит союз Франции и Испании, ее гибель будет столь же близка, сколь и любого другого монарха в христианском мире». Ясно, что политику определял Сесил, а потом пытался вынудить Елизавету проводить ее. Личные рассуждения по вопросу о браке и наследстве в 1566 г. привели его к выводу: «Самое разумное в этом выборе — решиться на заключение целесообразного брака, а если этого не получится, то переходить к обсуждению вопроса о наследовании»[99]. Сесил действовал через парламент, стараясь заставить Елизавету выбрать тот или другой шаг. Другие члены Совета тоже пытались оказывать давление на Елизавету — хотя и не всегда успешно. В 1576 г. агент графа Лестера уговорил голландских повстанцев попросить Елизавету послать английскую армию во главе с Лестером им на помощь в борьбе против Испании. Но когда голландцы послушались и высказали свою просьбу, Елизавета отказала, что оставило Лестера в дураках и не дало ему возможности выполнить свое обещание Вильгельму Оранскому: «Я вряд ли когда-нибудь смогу взглянуть принцу в глаза или написать ему, после того как его ожидания были столь жестоко обмануты». Но советники Елизаветы

продолжали настаивать на военной помощи голландцам, и Лестер, Берли и Вальсингам строили козни, чтобы добиться ее согласия. Их настойчивые советы вызывали вспышки королевского гнева, но гнев королевы ничего не менял. Берли говорил Вальсингаму в 1578 г.: «Мы все должны некоторое время покорно сносить недовольство Ее Величества, не отчаиваясь; как бы она сейчас ни возражала против этих дел, наступит момент, когда она смягчит свое раздражение, особенно когда убедится, что мы все думаем о ней и ее безопасности, хотя иногда она думает иначе»[100] — то есть если мы все от нее не отстанем, в конце концов она согласится! Члены Тайного совета смотрели на монаршее возражение не как на окончательный отказ, а как на проблему, которую надо было обойти.

Секретарь Вальсингам, как и Сесил до него, сообщал корреспондентам королевы, что именно ей написать. В 1581 г. он подумал, что доклады Хантингдона о верности Северной Англии успокоят Елизавету относительно католической угрозы — и он попросил графа включить более пессимистические оценки: «Я очень хочу, чтобы в этом случае Ее Величество все же ожидала худшего»[101]. В 1581 г. Вальсингам хотел, чтобы опасность со стороны католиков была преувеличена, позже он хотел, чтобы испанская опасность была приуменьшена. В начале 1586 г. Вальсингам пытался свести к минимуму опасения по поводу возможности немедленного появления испанской Армады, чтобы преодолеть нежелание Елизаветы тратить деньги на армию Лестера в Нидерландах. Но королева сама узнала от шотландского капитана, что Филипп II собирает флот в Лиссабоне, в пух и прах разругалась с Вальсингамом и швырнула ему в лицо туфлю. Но как бы она ни швырялась туфлями, члены Совета не оставляли попыток руководить Елизаветой. В 1585 г. Совет настаивал, чтобы она созвала парламент, который они хотели использовать для избавления от Марии Стюарт: «Мы настаиваем на созыве парламента, что не нравится Ее Величеству, но мы все продолжаем упорствовать», — сообщал Берли[102]. Действительно, похоже на то, что именно нажим на Елизавету в конце концов привел Марию Стюарт на плаху. В январе 1587 г. Вальсингам, очевидно, инсценировал «Стайфордский заговор» (якобы подложить порох под кровать Елизаветы и взорвать ее). «Заговор» был уловкой, чтобы убедить Елизавету, что пока Мария жива, она находится в опасности, и чтобы нейтрализовать французского посла (который мог бы успешно молить о сохранении Марии жизни), его замешали в это дело. Когда Мария умерла и уже не представляла опасности, Вальсингам извинился перед послом и заверил его, что, конечно, правительство на

самом деле никогда не подозревало его в соучастии!

Елизавета доверяла Берли больше, чем кому-либо другому, она безусловно любила Дадли и какое-то время хотела выйти за него замуж; и она высоко ценила дипломатическое и управленческое искусство Вальсингама — но она потратила двадцать лет на то, чтобы сопротивляться политической линии, которую они ей навязывали. После дорогостоящей катастрофы «Ньюхейвенской авантюры» (в которой больше всех был повинен Лестер) в 1562–1563 гг. и после торгового эмбарго (и падения таможенных сборов), последовадавшего за конфискацией Сесилем испанского займа в 1569 г., Елизавета научилась осторожности. Она стала подозрительной относительно внешней политики крайне передовых, подозрительной относительно рекомендаций ее советников и не хотела принимать ясных и определенных решений. Не желая, чтобы Совет ее обманывал и торопил, королева Елизавета колебалась и тянула с решениями. В 1569 г. Фрэнсис Ноуллз ей сказал: «Советники Вашего Величества не смогут управлять Вашим государством, если Вы не можете решительно следовать их советам в важных делах»[103] — но Елизавета была решительна только в своей нерешительности, и она доводила советников до белого каления своей осторожностью и колебаниями.

В 1573 г. Берли составил документ о «Некоторых делах, в которых задержки и медлительность Ее Величества королевы привели не только к неудобствам и увеличению расходов, но также к опасностям»; в разделе о Шотландии он доказывал, что «издержки увеличиваются от медлительности и нерешительности, и доходы были бы выше, если бы Ее Величество действовала быстро и решительно». Вальсингам тоже хотел, но не мог добиться решительных действий. В январе 1575 г. он говорил Елизавете: «Во имя Господа, мадам, не допускайте, чтобы излечение Вашего больного государства и дальше задерживалось размышлениями!» Ее промедление изматывало секретаря Смита, который проклинал свою судьбу в 1575 г.:

> «Эта нерешительность действительно изнуряет и убивает ее министров, сводит на нет их деятельность и уничтожает все благие замыслы и намерения — ни на одно письмо относительно Ирландии, хотя они все прочитаны и приняты Ее Величеством, я не могу получить ее подпись, я жду до тех пор, пока глаза мои уже не видят, а ноги меня не держат. (Смиту тогда было 62 года, и он чувствовал свой возраст!) И к тому же эти проволочки еще больше меня расстраивают и не дают

мне спать по ночам»[104].

Томас Смит не был создан для высокой политики! Фрэнсис Вальсингам был, но он тоже терял всякое терпение. Он откровенно сказал Елизавете в 1581 г.: «Иногда, когда Ваше Величество осознает, какие сомнительные отношения складываются у вас с иностранными монархами, тогда Вы с большим чувством желаете, чтобы представленные возможности не были упущены. Но когда они Вам представляются (если они сопряжены с затратами), они даже не рассматриваются» [105].

Советники шли на хитрости, чтобы противодействовать осторожности и колебаниям королевы. В 1590 г. Елизавета откладывала подписание распоряжений о взимании ссуд на малую печать со своих более богатых подданных до тех пор, пока не убедится, что они необходимы. В то время, когда на королеву оказывалось давление, служитель печати говорил Берли: «Я намерен составить окончательный вариант распоряжения сегодня, чтобы быть готовым, если он неожиданно понадобится, ибо я думаю, что Ее Величество наконец подпишет — и как только она подпишет, мы его отошлем раньше, чем она передумает»[106]. Во многом та же самая тактика была использована с распоряжением о казни Марии в 1587 г., хотя поспешная отправка документа секретарем Дейвисоном привела его в Тауэр. Елизавета отозвала свое решение о разрешении казни Марии, но слишком поздно, и Дейвисон стал козлом отпущения — но ее служители с тех пор никогда ей целиком не доверяли. Роберт Бил предупреждал в 1592 г., что государственный секретарь всегда должен получать письменное подтверждение королевских распоряжений, так что если она меняла решение, она не могла бы отказаться от предыдущих приказов. Со временем нерешительность Елизаветы стала при дворе предметом шуток. В феврале 1594 г. переезд двора в Виндзор неоднократно откладывался по приказу королевы. Когда возчик, вызванный для транспортировки королевского гардероба, был отослан в третий раз, он воскликнул: «Теперь я вижу, что королева тоже женщина, совсем как моя жена!»[107] Елизавета это услышала и послала возчику денег, чтобы он уехал и перестал болтать: в том, что в ней видели «просто женщину», ничего хорошего не было. Но ее колебания не были вызваны просто женской нервозностью и нерешительностью — если вообще такие качества существуют — это была серьезная политика. Когда на Елизавету так часто оказывалось давление по поводу принятия решений о важных (и дорогостоящих) действиях на основе информации, которую для нее выбирали другие, сказать «нет»

стало политическим ходом — а если говорилось «да», то приказ отменялся. Чем предпринимать неизвестно какие действия, королева предпочитала ничего не делать; чем принять необратимое неправильное решение, она предпочитала ничего не решать.

Тогда как члены Тайного совета пытались направить королеву на определенный курс действий, Елизавета намеренно оставляла за собой выбор. В 1572–1573 гг. она сбила с толку всех, включая своих собственных дипломатов, проводя двойную политику в переговорах с Францией о браке. Она написала Вальсингаму в Париж в июле 1572 г., что предложение Алансона о браке должно быть отвергнуто по причине разницы в возрасте; через четыре дня она написала, что эту трудность можно преодолеть, если она сама встретится с герцогом. Затем Вальсингаму было поручено показать оба письма королю Карлу IX — как Берли заметил Вальсингаму: «Вижу, что ваши переговоры будут весьма запутанными». Через девять месяцев Вальсингам докладывал о ходе переговоров, но добавил: «Всерьез ли рассматривается этот брак или нет — об этом трудно судить, когда разногласия имеют такие глубокие корпи»[108]. Елизавета продолжала переговоры до тех пор, пока не стало ясно, насколько это выгодно, и сохранила хорошие отношения с французским королевским домом, при этом ей не пришлось ни за кого из них выходить замуж.

Ее стратегия не изменилась и в следующем раунде переговоров с Алансоном в 1579–1581 гг. После двух лет дальнейших переговоров Вальсингам все еще не знал, что же Елизавета собирается делать, и считал промедление опасным. Он сообщал ей в сентябре 1581 г.:

> «Если у Вашего Величества есть такие намерения, не забывайте, что своими высочайшими проволочками Вы теряете выигрыш во времени, что (если принять во внимание годы) нужно учитывать не в последнюю очередь. Если таких намерений у Вас нет, тогда имейте в виду, что из всех используемых способов это самый плохой (как бы Ваше Величество ни считали, что это может принести Вам пользу)»[109].

Вальсингам не верил в закрученную брачную дипломатию Елизаветы и настаивал на принятии того или другого решения. Однако Елизавета хотела протянуть Алансонское дело как можно дольше, так как совсем не было ясно, как ей следует поступить. Для брака с Алансоном были две далеко идущие причины: это помешало бы Франции объединиться с Испанией и вторгнуться в

Англию и это могло бы в какой-то степени повлиять на политику Франции относительно Нидерландской революции. Но были и две веские причины против этого брака: личное отвращение королевы к замужеству и возражения ее подданных-протестантов против брака с католиком. На протяжении всего бесконечного дипломатического сватовства эти соображения уравновешивали одно другое, и Елизавета ничего не делала. Но на некоторое время в 1579 г. она решительно занялась матримониальной политикой, и похоже, что ее нежелание временно отступило. Елизавета много раз играла в сватовство, но, скорее всего, в 1579 г. это была не только игра. Ей было 46 лет, предложение Алансона оказалось ее последней возможностью, тем более наилучшим предложением из всех, какие ей делали. Она была на двадцать лет старше него, а он был изуродован оспой, но она называла его своим Лягушонком, публично с ним целовалась и вела себя как пятнадцатилетняя влюбленная. Возможно, частично это стало результатом женитьбы Лестера на Летиции Ноуллз. Но все же королева не могла принять решение, раздираясь между дипломатическими и личными преимуществами этого брака и явной враждебностью общества к нему. В марте 1579 г. началась кампания проповедей, она достигла кульминации осенью — когда Джон Стаббз опубликовал *«Обнаружение зияющей пропасти, на дне которой Англию может, проглотить еще один французский брак, если Господь не разрушит эти замыслы, открыв Ее Величеству глаза на этот грех и следующее за ним наказание».* Книга утверждала, что брак — это угроза реформистской религии и английской независимости, и высказывала предположение, что Алансон порочен, а Елизавета слишком стара, чтобы иметь ребенка.

Королева была в ярости. Она издала прокламацию, запрещающую книгу, и Стаббз и его издатель были осуждены на то, чтобы им отрубили правую кисть топором. Исполнение приговора 3 ноября 1579 г. было для Елизаветы катастрофой с точки зрения собственных отношений, так как явный патриотизм жертв контрастировал с намерением королевы выйти замуж за иностранца. Стаббз попросил толпу: «Помолитесь за меня сейчас, когда бедствие у меня под рукой», и после того как ему отрубили правую руку, он взял свою шляпу левой и воскликнул: «Боже, храни королеву!» После того как подвергся наказанию его издатель, тот сказал потрясенной и молчаливой толпе: «Я оставил здесь руку преданного англичанина»[110]. Эти публичные ужасы совпали с дебатами о брачном предложении в Тайном совете и не обошлись без их влияния. Весьма вероятно, что Лестер и Вальсингам подсказали Стаббзу, что написать в книге, они почти

наверняка дирижировали кампанией проповедей и рисовали новые портреты королевы в связи с темой девственности. Возможно, что члены Тайного совета, которые не одобряли брака, привнесли тревожный тон и в «Пастушеский календарь» Спенсера (декабрь 1579 г.). Совет обсуждал брак весь октябрь и начало ноября. Большинство советников были против, но считали, что королева этого хочет, поэтому 7 октября Совет сказал Елизавете, что он не дает рекомендаций ни за, ни против.

Елизавета пришла в бешенство. Ей как раз нужно было одобрение и уверенность, что Совет поддержит ее в противовес общественному возмущению. Теперь она не знала, что делать. Она обдумывала, не ввести ли в Совет четырех католиков, чтобы получить поддержку брака. 10 ноября она сообщила Совету, что выходит замуж за Алансона, но через два дня снова попросила его рекомендаций. 30 ноября она назначила комиссию по согласованию условий брака с агентом Алансона, но 24-го, когда агент отбыл во Францию, она попросила о двухмесячной задержке, чтобы попытаться уговорить своих подданных примириться с союзом. В Совете только Суссекс целиком поддерживал брак; Берли думал, что лучше этот брак, чем совсем никакого, а Ханздон согласен был примириться с желаниями его царственной кузины. Оппоненты, во главе с Лестером, открыли все шлюзы. Они отказались одобрить план королевы, они взвинтили общественное мнение проповедью и печатью, сэр Филипп Сидни, племянник Лестера, напомнил ей о ее долге перед Священным писанием и об обязательствах перед английскими протестантами, епископ Кокс сочинил трактат против замужества; на улицах Лондона появились пасквили и плакаты. Елизавета сдалась и сказала Алансону, что ее народ не соглашается на брак. Фактически это было решение Тайного совета.

Но все же Елизавета не хотела отказываться от дипломатических возможностей и все еще колебалась. Она признавалась Берли в 1581 г.:

> «Милорд, я нахожусь между Сциллой и Харибдой. Алансон согласился на все условия, посланные мной, и он просит меня сообщить ему, когда я хочу, чтобы он приехал и женился на мне. Если я не выйду за него замуж, я познаю, сохранит ли он ко мне дружелюбие, а если выйду, я не смогу управлять своей страной с той свободой и надежностью, какие я имела до сих пор».

Так она неопределенно колебалась между союзом с Францией и браком с французом, до предела испытывая терпение

Вальсингама:

«Когда Ее Величество вынуждают к браку, тогда кажется, что она предпочитает союз, а когда возникает согласие на союз, тогда она склоняется в пользу замужества. А когда после этого от нее хотят, чтобы она согласилась на брак, тогда она возвращается к союзу; когда высказывается мнение в пользу союза или возникают просьбы о деньгах, тогда Ее Величество снова думает о браке»[111].

Эмоционально (по крайней мере) Елизавета остыла к браку, но переговоры продолжались в надежде на дипломатическую выгоду — особенно на использование Алансона против Испании в Нидерландах. Однако члены Тайного совета еще не были уверены: может, она все же попытается выйти замуж. 17 ноября 1581 г. Елизавета и Алансон обменялись кольцами и объявили о своей помолвке. Очевидно, королева пришла к выводу, что герцог не уедет из Англии, если она не пообещает выйти за него замуж, хотя бы для того, чтобы сохранить лицо. Но Лестер и Хаттон решили подстраховаться и подговорили камер-дам Ее Величества, чтобы они плакали и рыдали, рассказывая королеве об ужасах замужества, дабы запугать ее на случай, если она действительно собралась замуж.

Проект брака с Алансоном был действительно похоронен в конце 1581 г., хотя потребовалось еще три месяца, чтобы выставить герцога из страны.

Сам Алансои умер в 1584 г., когда Елизавете был 51 год и надежды на ребенка уже не было: она плакала, надела траур и называла себя «вдовой». В какой-то период в 1579 г. она действительно хотела выйти за него замуж: она вплела его миниатюрный портрет в свой молитвенник и была влюблена по крайней мере в идею любви. Но ее планы натолкнулись на противодействие ведущей протестантской партии в Совете, которая использовала мнение протестантов как оружие, чтобы запугать королеву. Лестер не допустил брака с Алансоном в 1579 г. так же, как Сесил не допустил брака с Дадли в 1560-61 гг. Самые верные приверженцы протестантизма не хотели, чтобы нидерландская проблема была решена при помощи брака с послушным французским принцем, они желали прямого английского вмешательства в защиту протестантизма.

Самая долгая схватка Елизаветы с ее Советом произошла из-за английских военных действий в Нидерландах. Этот вопрос был главным в ее отношениях с членами Совета с 1576 г., когда Лестер впервые предложил послать войска, до 1585 г., когда Елизавета, наконец, уступила. Протестантские лидеры в Совете — Лестер, Вальсингам, Ноуллз, Майлдмей и более осторожно Берли — имели общую точку зрения на внешнюю политику. Они

считали, что Франция и Испания сговорились с папой об уничтожении протестантизма, и как бы те ни поступали, их действие рассматривалось как шаг в направлении этого грандиозного замысла. Для Вальсингама католические государства были непримиримыми врагами, и не было никакого смысла приходить с ними к соглашению — как он в 1578 г. писал, «если кто-нибудь думает, что позиции Ее Величества молено укрепить, обеспечив примирение между Ее Величеством и ими, а я знаю, что кое-кто был увлечен такими представлениями, — они окажутся инициаторами очень опасных и неразумных советов, основывая безопасность на том, что враг смирился»[112]. Невозможно было построить никакой безопасности на соглашениях, которые Елизавета искала с Францией и Испанией: нужно было только их поражение от Протестантского союза — и следовало защищать союзников-протестантов.

Елизавета отказалась от официального английского военного вмешательства, чтобы помочь голландским протестантам (хотя, что для нее характерно, она разрешила сражаться английским добровольцам), и ссудила голландцам денег, которых было достаточно, чтобы предотвратить их поражение. Но к 1585 г. ее политика разваливалась. Алансон, помогавший голландским повстанцам, умер, и французская карта вышла из игры. Вильгельм Молчаливый, предводитель голландцев, был убит, Антверпен захвачен испанскими войсками, и французская Католическая лига вступила в союз с испанским королем. Защитные линии Англии, голландские и французские протестанты, казалось, вот-вот будут сломлены. В принципе, Тайный совет согласился послать войска в Нидерланды в октябре 1584 г., несмотря на сопротивление Берли. Но Елизавету не могли уговорить на сделку с голландцами до августа 1585 г., и только в середине декабря она разрешила своему главнокомандующему Лестеру выступить из Гарвича. Наконец, после нескольких лет нажима, протестантские фанатики в Совете добились своего: они использовали в качестве послов своих агентов и таким образам могли контролировать поток информации к королеве; они вступали в тайные сделки с иностранными протестантскими вождями и советовали им, как лучше подойти к королеве, они не переставали обстреливать ее прогрессивными советами и критиковать ее осторожность.

Стоит рассмотреть, как же Елизавете удалось так долго противостоять давлению Совета и как она ухитрилась проводить свою собственную политику вопреки оппозиции большинства. Мало доказать, что она была королевой и добивалась своего, ибо в нескольких случаях ее заставили действовать против

собственной воли. Ей необходимо было ухитряться держать своих ведущих советников на достаточном расстоянии от себя, разгадывать и сопротивляться их манипуляциям, обеспечивать себе другие источники совета и информации и заставлять их выполнять ее волю. Короче, если советники старались управлять Елизаветой, ей приходилось управлять ими. Иногда она пыталась это делать, принимая участие в их размышлениях. В первый месяц своего правления или около того она присутствовала почти на всех собраниях Совета, но впоследствии приходила лишь редко и с особыми целями. 17 июля 1562 г. она посетила специально созванное совещание, чтобы обсудить подготовку к войне с Францией — может быть потому, что Роберт Дадли, основной поборник войны, еще не был членом Совета и королева сама настаивала на политике войны в противовес некоторой оппозиции Совета. 12 октября 1566 г. она посетила собрание с целью помешать советникам использовать парламент, чтобы подтолкнуть ее к решению вопроса о замужестве или разъяснению вопроса о наследнике. В мае 1568 г. Елизавета созвала и посетила два критических совещания с обсуждением бегства Марии Стюарт в Англию, вероятно, для того, чтобы смягчить враждебность Совета к Марии.

Елизавете пришлось встречаться со своим Советом в целом несколько раз в опасные дни 1569–1570 гг. Она присутствовала на совещании 29 апреля 1570 г. при обсуждении взаимосвязанных проблем насчет Марии, Шотландии, английских католиков и угрозы со стороны Франции и Испании. Она, по всей вероятности, сказала советникам, что «у нее самой нет определенного решения, и она сначала выслушает их советы, а уже потом изберет то, что, по ее мнению, больше всего соответствует ее чести»[113]. Думать о том, что Елизавета спрашивала советов и спокойно их выслушивала, довольно странно, и нет свидетельств, что она еще когда-нибудь поступила так же. Фактически, все ее расследование обнаружило лишь разногласия в Тайном совете между теми (во главе с Сесилом и Бэконом), кто высказывался за агрессивную политику преследования католиков внутри страны и союз с протестантами за границей, и теми (руководимыми Арунделом и, на тот момент, Лестером), кто предлагал примирение с Марией и с Францией, а возможно, и с английскими католиками. Сама Елизавета, похоже, предпочитала вторую стратегию и вскоре представила себя в качестве возможной невесты французского принца: она, вероятно, пришла на заседание Совета, чтобы поддержать позицию меньшинства.

В первый период своего правления королева созывала к себе Совет для весьма специальных дебатов, и делала она это в

основном тогда, когда ее собственный взгляд разделяло меньшинство, которому нужна была ее поддержка. Участие в дискуссиях было здравым политическим решением; это мешало ее Совету прийти к согласию и дать ей официальные рекомендации, когда она заведомо знала, что отвергнет их. Позже Елизавета достигала той же самой цели, изолируя себя от своего Совета, особенно по поводу таких спорных проблем, как политика в Нидерландах. В 1578 г. Лестер жаловался: «Наши совещания с Ее Величеством редки и незначительны», и она сохраняла свою политическую дистанцию. В апреле 1586 г. Лестер как командующий армией в Нидерландах жаловался, что Тайный совет ему редко пишет. Вальсингам отвечал от имени Совета: «Это правда, так как Ее Величество не сообщает ничего о направлении целей в той стране и о тех советах, которые она тайком получает; они не знают, что написать или посоветовать»[114]. Елизавета отказывалась иметь дело со своим Советом в целом и обсуждала политику только с отдельными лицами или мелкими группами.

Елизавета всегда предпочитала встречаться со своими министрами поодиночке или по два и по три. В последние годы своего правления (и, вероятно, гораздо раньше тоже) она обычно встречалась отдельно с избранными советниками, делала замечания по их предложениям, а затем созывала их вместе маленькой группой, чтобы еще раз обсудить проблему вместе: она имела обыкновение прерывать их и подвергать перекрестному допросу, используя свои заметки, чтобы попытаться поймать на чем-то членов Совета. Королева часто действовала через внутренний круг советников, и (особенно в первые годы) они не всегда были членами Совета. Весной 1559 г. испанский посол думал, что Елизавета правит страной при помощи Сесила, Бэкона, Парри и Роберта Дадли. Дадли еще не был членом Тайного совета, и одновременно Елизавета также советовалась с лордом Паджетом — хотя она вывела его из Совета при своем восшествии на престол. Это дает основания предположить, что королева не всегда могла назначать членами Совета тех, кого хотела: ее собственные сомнительные отношения с Дадли и непопулярность Паджета среди протестантов несколько запятнали бы блеск новой власти.

Возможно, Елизавета и не была свободна в выборе членов Совета, но она могла решать, с кем советоваться и кому доверять. Осенью 1559 г., когда Сесил настаивал на военном вмешательстве в Шотландии, королева ограничила свои консультации. Сесил сообщал: «В эти дела королева посвящает лишь немногих: графа Пембрука, адмирала, казначея и некоторых других»[115].

Осторожность Елизаветы имела под собой основания, ибо, когда согласованная политика была предложена всему Совету, возникло сильное противодействие — но Сесил и его сторонники добились своего. В начале 1560-х гг. внутренний круг правительства включал Сесила, Бэкона и Дадли, кроме того, Пембрук и Клинтон привлекались при решении военных вопросов, а Винчестер — финансовых. Но стабильность центральной группы была нарушена острым расколом с 1565 г., хотя организованное сотрудничество снова стало возможным после 1572 г. После этого Берли, Лестер и Вальсингам образовывали сердцевину до 1589 г., когда быстро возросло влияние Хаттона, а сама королева часто советовалась с Суссексом. Интересно, что Елизавета не выбирала ближайших советником из тех, кто разделял ее взгляды: она годами спорила с Берли о том, что делать с Марией Стюарт, а с Лестером и Вальсингамом по поводу Нидерландов. Хаттон по внутренним делам, а Суссекс по международным были в какой-то мере противовесом воинствующей протестантской линии. Королева старалась сохранить равновесие мнений среди своих советников и в Тайном совете. Иногда она назначала советников контрастными парами: Дадли и Норфолк в октябре 1562 г.; Садлер и Крофт в октябре 1566, Вильсон и Хансдон в ноябре 1577 — каждый раз протестант-энтузиаст уравновешивался более осторожным и консервативным политиком. Но к середине 1580-х гг., особенно после смерти Суссекса в 1583 г., тон Совета стал явно протестантским и на королеву оказывалось давление, чтобы она вмешалась в ситуацию в Нидерландах и казнила Марию. Она по обоим вопросам сдалась, но пыталась создать себе большее пространство для маневра, назначив в начале 1583 г. менее воинственных Бакхерста, Кобема и Уитгифта. Интригующая позиция сэра Джемса Крофта кажется особенно показательной. Несмотря на его предыдущую деятельность, при Елизавете он был происпанским консерватором, и к 1580-м гг. настолько влез в долги, что продавал государственные секреты испанскому послу. Но он был полезен для проведения политической линии Елизаветы относительно Испании, так как никогда открыто не высказывался в пользу военных действий. В 1585 г., когда Лестер шел со своей армией (или, что точнее, следовал за ней) в Нидерланды, у Крофта был агент, который вел переговоры с Пармой, испанским губернатором. В 1588 г., когда Армада уже выступила из Испании, Крофт напрямую вел переговоры с Пармой в Нидерландах — хотя он говорил только по-английски и неправильно понял, какие условия Парма предлагал. Крофт остался в дураках, но Вальсингам считал его тем, кто оказывает серьезное, и при этом опасное, влияние на королеву.

Елизавета пыталась изолировать себя от политического давления, избегая встреч с Советом в полном составе. Она советовалась с его членами индивидуально и принимала во внимание мнения информированных людей, не входящих в Совет. Она часто подолгу, и иногда наедине, беседовала с иностранными послами, чтобы обеспечить себе другие источники информации и идей. Она пыталась защитить себя от неприятных советов, способствуя разногласиям среди членов Совета и провоцируя их на состязания ради ее наград. Милость или немилость Елизаветы вызывала соревнование среди членов Совета, из-за этого им труднее было сплачиваться и влиять на королеву. Вальсингам и Берли повздорили в начале 1585 г., когда Вальсингам попросил у королевы участок таможенной службы, а Берли как будто был против: насколько важна была эта борьба, видно по ее результату, ибо когда Вальсингам получил аренду, она принесла ему 3500 фунтов годового дохода. В 1586 г. Лестер и Вальсингам, обычно политические союзники, вели жаркий спор, так как Лестер подозревал, что секретарь выступал против его притязаний на королевские аренды: «Вижу, что у всех есть друзья, только не у меня, — с горечью писал он. — Я вижу, как самые бесчестные предложения других людей помогают им, а мои открытые, честные деяния не могут защитить меня. Увы, мой земной покровитель подводит меня»[116]. Даже триумвират, на который Елизавета больше всего надеялась, раскалывался из-за подобных конфликтов — и это было королеве только на руку.

Вспышки гнева Елизаветы, а время от времени и буйство, напоминало министрам, что ее милость обусловлена. Она в ярости заявляла, что «укоротит на голову» своих советников и что «их ноги окажутся в колодках». Норфолк и Эссекс были казнены; Дейвисон и Крофт попали в тюрьму; Арундел и Пембрук находились под домашним арестом. Королева швырнула туфлю в Вальсингама, дала пощечину Эссексу и устраивала Лестеру бесконечные разносы. У нее была вполне заслуженная репутация женщины с отвратительным характером, а ее гнев на непослушных сенаторов, напускной или нет, был предупреждением против разногласий. Она была в ярости на Бэкона в 1564 г., потому что он тайно поддержал претензии Грея на наследование, он чуть не лишился своего поста, и его шесть месяцев не допускали ко двору. Берли, Лестер и Вальсингам — все они считали, что временами безопаснее находиться подальше от двора, и в 1579 г. и Лестеру, и Вальсингаму было запрещено появляться перед королевой (и, следовательно, они лишались ее покровительства) на пару месяцев из-за их оппозиции к браку с Алансоном. Те, кто связывал свое благосостояние с милостями

королевы, ни за что не должны были терять ее расположения, и это соображение накладывало ограничение на свободу членов Совета. Елизавета старалась, чтобы члены Совета ее боялись, но она управляла ими не только при помощи страха. Когда Берли заболевал, она посылала к нему своего врача, навещала в его доме и кормила супом. Когда Лестер испугался ее гнева, он притворился больным, зная, что она будет переживать и беспокоиться и поспешит к постели больного. Своей яростью Елизавета вызывала у членов Совета страх, но своим вниманием она вызывала у них любовь. Вспышки королевского гнева бывали яростными, но скоро проходили. Лестер писал Берли в 1573 г.: «Возблагодарим Господа за то, что ее порывы не таковы, как бури других монархов, хотя иногда они бывают особенно обидными для тех, кого она больше всех любит. Каждый должен воздать ей заслуженное, а особенно те, кто больше всех ей обязан»[117].

Глава 5. Королева и двор

Елизавета I была франтихой и одевалась, чтобы поразить намертво. Она появлялась перед своими придворными в элегантных нарядах из черного атласа или пурпурного бархата, с шелком и парчой в прорезях, с инкрустациями из золота и жемчуга; она надевала богато украшенные драгоценными камнями кулоны, кольца и браслеты; она носила вышитые перчатки и веера с украшениями. Опись ее гардероба в 1600 г. перечисляет, помимо официальных парадных нарядов для коронации, парламента, вручения ордена Подвязки и траура, 99 парадных платьев, 102 французских платья, 67 платьев на обручах, 100 свободных платьев, 126 верхних юбок, 96 плащей и 26 вееров — включая «один веер из белых перьев, с ручкой из золота, вокруг которой вьются две змеи, отделанной с конца шариком из бриллиантов и с короной на каждой стороне, с парой крыльев, украшенных бриллиантами» (хотя шести бриллиантов не хватало!). Королева одевалась так, чтобы произвести впечатление, и она ожидала, что ею будут восхищаться — даже иностранцы. В 1564 г. она втянула шотландского посла в каверзную дипломатическую беседу, допрашивая его по поводу сравнения собственной красоты с красотой Марии Стюарт. Она все больше и больше теряла терпение, поскольку Мелвилл искусно защищал красоту своей королевы и при этом не говорил ничего не в пользу Елизаветы, пока, наконец, она решила, что поймала его — когда он признал, что Мария выше, Елизавета с торжеством ответила: «Тогда она слишком высока! Я сама не слишком высокая и не слишком маленькая!»[118] Ее поведение не изменилось и в 1597 г., когда ей было 64 года: новый французский посол был в замешательстве, когда королева приняла его в халате и без конца его распахивала, пока он не догадался, что от него ожидали восхищенных взглядов сверху донизу.

И перед своими придворными, и перед иностранными сановниками Елизавета выставляла себя напоказ и как королева, и как женщина. Она играла обе роли и старалась изо всех сил. Эдмунд Спенсер в «Королеве фей» понял эту двойственность и изобразил ее как Глориану, «самую царственную королеву и повелительницу», и как Бельбефу, «добродетельнейшую и прекраснейшую даму». Ритуал и торжественные события при дворе строились вокруг культа Елизаветы в двух ролях: она была и выше двора, в качестве монарха претендуя на вассальную преданность своих рыцарей, и при дворе, как девственница

высокого положения, за чью честь рыцари сражались в поединках. Двор служил прекрасным дворцом для демонстрации величия, но, кроме того, и более интимным местом для романтического лицедейства и политического обольщения. Ибо Елизавета пыталась держать под контролем своих магнатов, затягивая их в паутину личных, даже эмоциональных отношений с ней, в которых она по очереди была королевой и кокеткой. Она рассчитывала, что ее политические деятели будут придворными, и в результате политизировала двор и сделала политику придворной. Как заметил сэр Джон Дэвис:

> *Все погребенья, свадьбы и зрелища иные,*
> *Послов переговоры, сражения шальные,*
> *Науки и искусства, и все интриги света —*
> *Похоже, только танцы, причуды пируэта*[119].

(Перевод Л. Григорьяна).

Ритуалы придворной жизни и те интимные взаимоотношения, которые там складывались, использовались как приемы в политических интригах. Когда Елизавета играла на клавесине для своих советников, она так же твердо проводила политику, как когда председательствовала на заседании Совета.

Сэр Кристофер Хаттон, придворный, танцор и лорд-канцлер, говорил: «Королева охотилась за сердцами мужчин, и приманка у нее была такая сладостная, что никто не мог вырваться из ее сетей»[120]. Ее охотничьими угодьями был двор, и там она искала политической преданности своих могущественных подданных. Вероятно, две трети титулованной знати были, но крайней мере частично, придворными в начале правления Елизаветы, и позже соотношение хотя и снизилось, но не намного. Кроме того, пятьдесят или шестьдесят представителей ведущего дворянства, в основном из Южной Англии, постоянно находились при дворе, а многие другие наезжали время от времени. Приблизительно один из пяти политических тяжеловесов Англии находился, таким образом, под постоянным влиянием королевы, они испытывали на себе вспышки ее раздражения и искушения ею — но они также находились в подходящем месте, чтобы самим оказывать влияние. Елизавета умышленно политизировала свой двор, превращая придворных в политиков (таких как Дадли, Хаттон и Эссекс), а политиков в придворных (таких как Вильям Сесил, Фрэнсис Ноуллз и Джемс Крофт). Таким образом политика превращалась в полномасштабное занятие, и на нее влияли личные взаимоотношения: придворные, которые завоевывали расположение королевы, могли оказывать политическое влияние,

не занимая политической должности.

В 1570 г. Вильям Сесил предупредил придворного Томаса Хениджа, чтобы тот не вмешивался в политику, но безуспешно. Хенидж заявлял, что он никогда «не давал тайком советов Ее Величеству против решений ее Совета и не раскрывал рот перед Ее Величеством по вопросам, касающимся общественного положения или управления, за исключением тех случаев, когда Ее Величество милостиво спрашивала … мнения» Хениджа. Это была ловушка, поскольку королева могла спрашивать кого угодно: Совет претендовал на монополию политических советов королеве, но не мог обеспечить ее соблюдение. Роберт Дадли был влиятельной политической силой с самого начала царствования, и это он, больше чем кто-либо другой, нес ответственность за «Ньюхейвенскую авантюру» — хотя он стал членом Совета только в октябре 1562 г. Советникам очень не нравилось вмешательство лорда Паджета и они возражали Елизавете в феврале 1562 г.: «Их дебаты не имеют смысла, если она следует каким-то другим советам». Граф Суссекс был центром политических баталий в 1565 — 66 гг., так как он яро выступал в поддержку габсбургского брака — но он был назначен членом Совета только в декабре 1570 г., когда его победа над северными повстанцами дала ему на это неоспоримое право. Уолтер Рэли приобрел значительное личное влияние на Елизавету, и говорилось, что он «в некотором роде оракул»[121]: он возглавлял группу молодых придворных, выступавших против Лестера в 1587 г., а в 1590-х гг. давал королеве советы по внешней и колониальной политике — но никогда не был членом Совета. Так же как Елизавета не вводила в Совет Суссекса, чтобы не злить Лестера, она не допустила и Рэли, чтобы успокоить Эссекса. Но она могла консультироваться с любым придворным, который ей приглянулся.

Каждый придворный был потенциальным политиком, так как жизнь при дворе давала бесконечные возможности для личного лоббирования и частных отношений, которые можно было использовать в политических целях. Всюду было признано, что двор являлся важным центром политической активности и источником власти и покровительства. Но те, кто не находился при дворе, не имели политического влияния, так как у них не было прямого доступа к монарху. Когда в начале 1590-х гг. граф Шрузбери вступил в политическую борьбу с семейством Станоп в Ноттингемшире, его положение было невыгодным, потому что его противники были придворными. Лорд Бакхерст его предупреждал:

«Постоянное присутствие двух братьев при дворе, их близкое к королеве положение и, что важнее всего остального, особая

милость, которую Ее Величество им оказывает, всегда создадут такое огромное преимущество против Вас, что ни Вы, ни Ваши друзья не сможете довести это дело до успешного конца, на который Вы, быть может, надеетесь»[122].

В 1593 г. Станопы выиграли, а Шрузбери был унижен, и это показало, что влияние двора было сильнее провинциальной власти.

Следовательно, крупным тактическим достижением было отдаление соперника королевой от двора. Похоже, что за назначением герцога Норфолка командующим войском для Шотландии в 1559 г. стоял Роберт Дадли, который хотел отдалить от двора противника его планов на женитьбу. Сэр Кристофер Хаттон добился назначения Джона Перрота заместителем наместника в Ирландию в 1584 г., чтобы отдалить его от Елизаветы, поскольку тот заявлял, что он ее единокровный брат. Вероятно, в 1599 г. именно Роберт Сесил добился назначения Эссекса лордом-наместником в Ирландию; как это ни глупо, Эссекс сам добивался этого назначения, и Сесил мудро устроил так, что он его получил. При вынужденном отсутствии соперника собственное положение придворного укреплялось. В 1586 г., пока Лестер был в Нидерландах, Берли протащил в Совет своих союзников Бакхерста, Кобема и Уитгифта, в 1596 г. Берли устроил назначение секретарем Роберта Сесила, пока Эссекс отлучился на грабеж Кадиса, а в 1597 г. Сесил получил также канцлерство в герцогстве Ланкастерском, пока Эссекс был в Азорской экспедиции. Эссекс напрасно не прислушался к тому совету, который ему давали: «Не разрешай ничему отдалить тебя от двора; заседай в каждом совете»[123].

Присутствие при дворе было решающим для политического успеха, потому что двор был центром распределения королевского покровительства, а распределение милостей было ключом к политической власти. Люди более мелкого масштаба примыкали к придворным, которые могли бы обеспечить их должностями или дарами, и крупные награды направлялись тем, чью поддержку стоило иметь. Поддержка придворного в его местности зависела от способности обеспечить покровительство, а это зависело от расположения королевы — так распределение политической власти могло определяться привязанностями королевы. Перемены в королевской милости были чрезвычайно важны для претендентов, и доверенные лица и хроникеры светской жизни при дворе распространяли новости об удачах ведущих придворных. В мае 1573 г. Гилберт Толбот сообщал графу Шрузбери, что Лестер в большом фаворе, Суссекс теряет расположение, положение Оксфорда стремительно повышается, а

Хаттон в опасности со стороны Эдуарда Дайера. «На все эти любовные интриги лорд-казначей подмигивает, но никак не вмешивается», — писал Толбот[124]. Но у Берли были с Елизаветой свои особые отношения, и ее доверие давало ему мощное влияние на покровительство.

Лорд Берли получал от 60 до 100 писем в день от различных просителей и лиц, живущих на пособия, и управление королевской милостью было нелегкой задачей. Он разделил свою личную канцелярию на две части: одна занималась иностранными делами, а другая, под руководством Майкла Хикса, распределяла милости. Как лорд-казначей и ответственный за опеку, Берли контролировал самые крупные учреждения, выдававшие вознаграждения, и он старался наблюдать и за другими формами королевских милостей. Он сказал сэру Ральфу Садлеру: «Как рыбы ловятся на приманку, так и должности на старания»[125], и он хотел, чтобы старались через него. В 1581 г. он страшно разозлился на Томаса Уилкиса, секретаря Совета, за то, что тот представил королеве просьбу через Вальсингама, а не через него. Своей энергичной деятельностью Берли в частности хотел помешать Лестеру стать единственным влиятельным лицом, так как, поскольку граф пользовался самой большой благосклонностью королевы, он был потенциально и самым эффективным покровителем.

Лестера, как и Берли, постоянно осаждали просители, жаждущие использовать его положение при королеве. Джордж Гилпин просил о помощи, чтобы быстрее получить дарованную землю: «Видя, какими великими делами Ваша честь постоянно заняты, я не смел побеспокоить Вас своей скромной просьбой, но теперь необходимость вынуждает меня просить нижайше Вашу честь посодействовать в выполнении моей просьбы, о чем я прилагаю коротенькую записку для Ее Величества королевы»[126]. Лестер был чрезвычайно успешным покровителем в некоторых областях, особенно церковной: он покровительствовал по меньшей мере шести первым епископам при Елизавете, четырем позднейшим, шести настоятелям и ряду глав колледжей в Оксфорде и Кембридже. Кроме того, он едва ли не контролировал дипломатическую службу, и большинство назначенных в Нидерланды были его сторонниками. Влияние Лестера было явным и в военных назначениях, особенно для «походов Дадли» в 1562 и 1585 гг. Но его влияние на выборы в парламент кажется удивительно ограниченным: как высокий стюард ряда городов, он продвигал их петиции при дворе, но его предложения о членах парламента часто вызывали сопротивление, и систематических попыток набирать кандидатов он не делал.

Ниже уровня великих более мелкие людишки преследовали свои собственные цели и выгодно использовали свои знакомства. Множество синекур, попечительств, аренд и лицензий получали второразрядные придворные, и на удивление везло банде благородных пенсионеров. Брайан Анзли был джентльменом, получающим пенсию, с 1564 по 1603 г.: его положение при дворе дало ему возможность получить лицензии на импорт стали и экспорт кроликовых шкур и должность смотрителя Флитской тюрьмы, которую он сдавал в аренду за 100 фунтов в год. Ланселот Восток, джентльмен-пенсионер с 1564 по 1588 г., получил право на штрафы по закону о совместительстве и должность коменданта замка Флинт в 1572 г., должность коменданта замка Холт в 1585 г. и земли в Ирландии в 1587 г. Саймон Бауэр был джентльменом-привратником королевского кабинета, несколько больше чем почетный швейцар, с 1569 по 1597 г.: он получил должность капитана замка в Гемпшире, которая давала 100 фунтов в год, и патент на расследование нарушений указа о шерсти (что давало огромные возможности для шантажа и получения взяток). Однако не все придворные должности приносили доход. Роберт Маркем и сэр Вильям Корнуоллис разорились из-за дорогостоящей неудачи: Корнуоллис утверждал, что потратил 20 000 фунтов на попытки утвердиться при дворе, но, после двадцатисемилетних усилий, все, что он получил к 1597 г. — это роль подменного придворного привратника, а его просьба отменить это назначение была отвергнута.

Но все эти люди продолжали стараться, потому что перед глазами у них были примеры настоящего успеха тех, кто весьма эффективно обратил на себя внимание Елизаветы. Кристофер Хаттон появился при дворе в 1564 г., а к началу 1570-х он был признанным фаворитом. Но в 1575 г. у него был долг в 10 000 фунтов и никакой определенной должности. Он надеялся на ежегодную ренту от королевы, но она намекнула, что если он попросит о ней, то не получит. Он говорил Берли: «Я не решаюсь заговаривать о ежегодном доходе, потому что, как я понял со слов Ее Величества, он должен быть мне пожалован до того, как я начну просить»[127]. Но потом Хаттону повезло. В 1575 г. Елизавета даровала ему ежегодное содержание в 400 фунтов и заставила настоятеля и капитул (коллегия каноников собора) собора в Питерборо предоставить ему выгодные аренды, а епископ Или вынужден был передать ему свой лондонский дом. В 1577 г. он стал вице-гофмейстером королевского двора, а в 1578 г. получил должность, которая принесла ему богатство — получатель первых плодов и десятин; как таковой он мог жить на

средства королевы (из Елизаветиной кубышки), и к его смерти в 1591 г. он задолжал своему отделу 42 000 фунтов. Он стал лордом-канцлером в 1587 г. — ревнивый двор называл его «танцующим канцлером», — он спекулировал на обнаружении скрытых земель, принадлежавших короне, на винной торговле, на налогах с иностранных купцов. Влияние Хаттона на королеву сделало его крупным распределителем милостей, и его слуга Самуэль Кокс управлял за него покровительством, как Хикс управлял для Берли.

Но в то время как некоторые получали фантастические доходы, другие жаловались на пренебрежение. Герцог Норфолк сетовал в 1565 г.: «Ее Величество считает, что мне ничего не стоит жаловать, даже никакой малости». В 1570 г. Суссекс раздраженно заметил, что был «всего лишь метлой»: «И когда я сделал свою работу, меня выбросили за дверь»[128]. Может быть, им нужны были не просто деньги, но знаки королевского расположения, что придавало престиж и, следовательно, власть. В 1582 г., когда сэра Генри Сидни попросили вернуться в Ирландию в качестве лорда-наместника, он попросил какую-нибудь награду, «чтобы миру было известно и ясно, что Ее Величество милостиво оценила его службу в прошлом, и чтобы у него появилось желание хорошо служить и дальше». Вероятно, это было всего лишь стыдливым прикрытием, потому что требования Сидни показывают, что ему нужен был не просто знак внимания — он попросил звание английского пэра, звание ирландского пэра и крупные земельные владения. Елизавета отказала, возможно, подумав, как и двадцать лет назад, что «никакие дары монарха не в состоянии удовлетворить ненасытную жадность людей»[129]. Но эта «ненасытная жадность», постоянное стремление придворных к большим наградам, давали королеве надежное политическое оружие — она заставляла ее придворных и политиков пресмыкаться в надежде на милость. Это перемещало личные симпатии королевы в центр политической системы, вынуждало политических деятелей приближаться к ней в качестве восхищенных поклонников и в свою очередь давало ей возможность превращать политические отношения в ряд легкомысленных романтических интерлюдий[130].

Тогда как Елизавета-Глориана подавалась как образ идеального правителя с официальным оттенком, Елизавета-Бельфеба заигрывала с мальчиками. Королева пыталась установить у себя при дворе личные отношения раскованного и интимного характера, чтобы ей уделяли всяческое внимание как женщине, а следовательно, видели в ней и монарха. Неважно, какими бы близкими ни становились отношения, ни один

придворный (кроме Эссекса, может быть) не осмеливался совершенно забыть об этой более высокой роли. Эдуард Дайер советовал Хаттону, который добивался расположения Елизаветы в 1572 г.: «Не забывай, с кем ты будешь иметь дело и что мы такое по сравнению с ней; хотя она и делает очень серьезные уступки, принадлежа к женскому полу, все-таки мы не должны забывать, что по положению и по природе она наш монарх»[131]. Эта двойная роль давала Елизавете возможность использовать личную дружбу и даже притворную любовь как политические нити, чтобы манипулировать своими слугами. Она обращалась с придворными-политиками, как будто они были ее близкими друзьями, и для самых близких придумывала прозвища; Берли был Сэр Дух, Вальсингам — Мавр, Рэли — Вода, Лестер — Глаза, а Хаттон — Веки. Лестер и Хаттон подписывали свои письма к ней значками, изображавшими ласкательные имена, и на серьезность второй попытки Алансона жениться на ней указывает то, что он был ее Лягушонок, а его доверенное лицо Симье — ее Обезьянка.

Жизнь двора представляла собой установленный набор обрядов светского характера для почитания земной богини с вкраплениями из интимных знаков внимания к обожаемой женщине. Как и со знатью, Елизавета обменивалась новогодними подарками со своими советниками, служителями двора, придворными, фрейлинами и камердинерами. Хотя со стороны королевы этот процесс вскоре стал казенным, он был задуман как символ близких отношений. Многие дары Елизавете олицетворяли личную преданность тех, кто искал ее милости. В 1578 г. Хаттон подарил «прекрасное изделие из золота, представляющее собой бриллиантовый крест, полностью состоящий из мелких бриллиантов и красивой жемчужной подвески, с портретом королевы на обратной стороне; кроме того, изделие из золота с изображением собаки, ведущей человека через мост, тело его из мелких бриллиантов и рубинов и трех маленьких жемчужных подвесок, на обратной стороне написаны определенные стихи»[132].

В ответ на эти тщательно выбранные знаки внимания он получил 400 унций изделий из позолоченного серебра, по весу в четыре раза больше, чем какой-нибудь другой придворный.

Елизавета напрашивалась, при этом очень настойчиво, на невероятные похвалы, вынуждая своих придворных произносить очевидную ложь. Она навязывала им роль обожателей ее как святыни и в основу дворцовой риторики положила поклонение якобы присущим ей качествам. Эдуард Дайер говорил Кристоферу Хаттону в октябре 1573 г., что лучше всего он

сохранит расположение королевы, на которое претендовал и граф Оксфорд, при помощи лести: «Никогда не показывай, что ты сильно осуждаешь ее слабые стороны, но вместо этого радостно восхищайся тем, что в ней должно быть, как будто эти качества действительно у нее есть». Хаттон последовал этому совету и стал отъявленным льстецом. В июне 1573 г. он писал Елизавете из Антверпена:

> «Вот уже двенадцатый день я не вижу ярких лучей того солнца, которое дает свет моему разуму и сердцу. Я превращаюсь в непонятное существо. Позвольте же мне, мадам, покинуть эту досаждающую тень, насколько мое воображение таким прекрасным способом сможет привести меня к Вам, и позвольте мне приветствовать Вас так: живи всегда, восхитительнейшее создание, и полюби какого-нибудь мужчину, чтобы показать свою благодарность Богу за то, что он так старался, создавая тебя»[133].

Ожидались самые невероятные заверения в вечном обожании, и граф Эссекс — и его секретари — в совершенстве овладели этим стилем. Письмо от Эссекса к Елизавете в 1591 г. обещало:

«Два окна в кабинете Вашего Величества будут полюсами моего полушария, где, пока Ваше Величество соблаговолит меня терпеть, я останусь недвижным и привязанным. Когда Ваше Величество решит, что я недостоин этого рая, я не упаду, как звезда, но буду поглощен, как пар, тем солнцем, которое возвышает меня на такую вершину. Пока Ваше Величество дает мне разрешение говорить, что я Вас люблю, мое счастье, так же как и моя любовь, ни с чем несравнимо. Если когда-нибудь Вы лишите меня этого права, Вы сможете лишить меня жизни, но не поколебать мое постоянство, поскольку даже если бы вся сладость Вашей натуры вдруг превратилась в жесточайшую горечь, какая только может быть, не в Вашей власти, притом что Вы великая королева, заставить меня любить Вас меньше».

Когда Уолтер Рэли был лишен доступа к королеве за то, что от него забеременела Элизабет Трокмортон, он послал Роберту Сесилу письмо, очевидно предназначенное для показа королеве:

> «Я, который привык созерцать ее, когда она скакала на коне, как Александр, охотилась, как Диана, выступала на прогулке, как Венера, и при этом легкий ветерок овевал ее белокурые волосы вокруг ее нежных щек, как у нимфы, и иногда она сидела в тени, как богиня, иногда пела, как ангел, иногда играла, как Орфей; созерцать!

Печаль в этом мире однажды ошиблась целью и лишила меня всего»[134].

Это было в 1592 г., когда Елизавете было шестьдесят лет, и не было уже ни белокурых волос, ни нежных щек!

Но с возрастом притязания королевы на лесть нисколько не уменьшились. Французский посол сообщал в 1597 г., что она имела обыкновение называть себя старой и глупой или плохо отзывалась о своем разуме для того, чтобы тут же услышать похвалу своим талантам. Пышные зрелища при дворе тоже были сосредоточены на достоинствах королевы, произносились изысканные метафорические заявления о ее славе. В конце 70-х гг. поединки в День восшествия на престол 17 ноября, которые раньше были просто буйным дворцовым спортом, были превращены в официальное публичное зрелище, в котором знатные лорды и придворные в костюмах отважных рыцарей вели турнирные бои в честь возведенной в идеал королевы-девственницы. По праздникам весь двор был вовлечен в ролевые игры, ставшие ритуалом. В 1579 г., когда Алансон добивался ее руки, при дворе была поставлена сложная аллегория ухаживания. Две группы рыцарей, представляющие Желание и Отчаяние, сражались из-за девственности королевы, а в это время живая картина изображала Крепость совершенной красоты, представляющую Елизавету, которую осаждали пушки, стреляющие надушенной водой и конфетами, а нападающие бросали цветы к стенам неприступного замка. Добродетель защищала замок и успешно отражала атаки Желания.

Такие пышные зрелища частично были публичной пропагандой, но они также внушали массе участников определенные идеи. Риторика и ритуал преданности были не просто женской фантазией или галантным стилем; они служили обрамлением для политических отношений и постоянным укреплением позиций преданности. С 1586 г. среди придворных стало модой носить миниатюры или украшенные драгоценными камнями камеи с портретом Елизаветы как значки преданности — только что не клеймо владельца. Фрэнсис Дрейк, Хаттон, Хинедж и Вальсингам заказали свои портреты с такими медальонами, и даже стареющий Берли был изображен с камеей королевы на шляпе. Елизавета была самоуверенна, но дурой она не была: она знала, что ей оказывали внимание мелкими поступками и лживой лестью — но она хотела, чтобы так и было, потому что это возвышало ее над остальными и вынуждало относиться к ней с крайней почтительностью тех, с кем она работала. Придворные и политики втягивались в театральные

заговоры, чтобы обмануть себя и весь мир: они разыгрывали преувеличенные версии представления о действительности, какой она должна бы быть, и, участвуя в этом, они кое-чему начинали верить.

То, что Елизавета выставляла себя как объект желания всех своих придворных и преданную возлюбленную некоторых из них, ставило фрейлин в трудное и уязвимое положение. Они жили в атмосфере, наэлектризованной сексом, но им не разрешалось соревноваться с королевой. Когда до Елизаветы дошли ложные слухи о том, что Летиция Дадли собирается последовать за своим мужем Лестером в Нидерланды и устроить там двор вице-короля, она разбушевалась: «У нее в услужении не будет никакого другого двора, кроме ее собственного!» Частично именно для того, чтобы подавить всяких привлекательных соперниц, Елизавета пыталась установить при дворе строгую сексуальную дисциплину, особенно для незамужних фрейлин — и, разумеется, репутация королевы-девственницы пострадала бы, если бы фрейлины без конца беременели! В 1581 г. Энн Вавасур и граф Оксфорд угодили в Тауэр после того, как Энн родила в комнате фрейлин. В 1591 г. придворный попал в тюрьму за то, что эвфемистически называлось «мистрис Саутуэлл захромала»[135], а одного из Дадли изгнали из двора за то, что он поцеловал фрейлину. В 1592 г. в Тауэр попали Уолтер Рэли и Элизабет Трокмортон, так как она забеременела, хотя они уже поженились раньше, чем это стало известно. В 1598 г. граф Саутгемптон бежал в Париж, когда королева узнала о его связи с Элизабет Вернон, и их обоих заключили в Тауэр, когда он вернулся, чтобы жениться на ней. Граф Пембрук был посажен в 1601 г., когда признался, что Мэри Фиттон родила мертвого ребенка от него, а позже он был отлучен от двора, когда отказался жениться.

Почти так же, как внебрачные связи, Елизавета не выносила браки придворных: она старалась помешать фрейлинам и придворным дамам выходить замуж и злилась, если они это делали без ее одобрения. В 1585 г. Франсес Говард спросила королеву, можно ли ей выйти замуж за графа Хертфорда; та запретила. Когда пара не послушалась и они все равно поженились, Елизавета была вне себя от ярости. Когда Мэри Шелтон захотела выйти замуж, Елизавета ее побила и сломала ей палец. Когда Мэри Арундел попросила разрешения, Елизавета пообещала, что добьется согласия ее отца — но, получив его письмо с одобрением, она стала издеваться над девушкой и сказала ей: «Клянусь, оно никогда не попадет тебе в руки, так что занимайся своим делом!»[136]. В 1594 г. Бриджит Маннере, понимая, что если спросит у королевы разрешения, то получит

отказ, бежала от двора и вышла замуж за Роберта Тирита; парочку вызвали в Лондон, Бриджит посадили под домашний арест, а Тирит вышел из тюрьмы только когда заболел. Елизавета злилась из-за большинства придворных браков — Лестера, сэра Филиппа Сидни, сэра Томаса Перрота, Роберта Кэри и Джона Вингфилда, а также Хартфорда, Саутгемптона, Рэли и Тирита.

Возможно, сексуальная ревность была главной причиной ее противодействия, ибо замечено, что неприятности обычно случались после провала ее собственного брака с Алансоном (и после женитьбы Лестера на Летиции Ноуллз). Может, это была зависть стареющей женщины к прелестям молодых: в конце концов, когда ей было около тридцати пяти, она же посадила голландского алхимика в тайной лаборатории в Сомерсет Хаузе, чтобы он нашел эликсир молодости! Но даже когда ее переполняли чувства, Елизавета, по крайней мере частично, проводила политику. Она хотела, чтобы ее окружали одинокие поклонники-холостяки — хотя из самых близких только Хаттон согласился на ожидаемую жертву. Она надеялась стать в центре внимания — а значит, и власти. Но, самое главное, она хотела помешать тому, чтобы женщины вокруг нее становились орудием мужчин-политиков и искателей должностей. Она хотела, чтобы женщины вокруг нее были преданы прежде всего ей и не вмешивались в политику. Вскоре после восшествия она созвала женщин своего кабинета и приказала им «никогда не разговаривать с ней на деловые темы»[137]. Единственным политиком в юбке должна была оставаться королева.

Историки, как правило, считают, что Елизавете удалось создать аполитичный личный Кабинет, и в поддержку этого мнения существует несколько доказательств. Роуланд Вон, племянник Бланш Парри из кабинета Ее Величества, вспоминал, что «во времена королевы Елизавета миледи Уорик, мистрис Бланш и миледи Скьюдамор в мелких мирских делах пользовались возможностью помочь своим друзьям… потому что никто из этих (родных и близких) дам не осмелился бы вмешиваться в какой-то степени в дела государства». Женщины добивались покровительства, хотя и не в политике. Но Вон, и другие комментаторы после него, например, Роберт Кантон, на основании своего опыта были настроены против двора Якова I, и о дворе Елизаветы они писали то, что хотели бы там увидеть. Мнение современников Елизаветы было иным. В 1578 г. иностранный наблюдатель при дворе докладывал, что королева обсуждала со своими дамами политические секреты, так что нужно было сблизиться с ними и узнать, что происходит. Уолтер Рэли считал, что женщины могут погубить политика; они,

говорил он, «как ведьмы», «способные нанести сильный вред, но не принести никакого добра»[138].

Елизавета конечно же использовала своих дам в качестве источника политических сплетен. В 1569 г. она услышала о замысле выдать замуж Марию Стюарт за Норфолка от «каких-то болтливых баб», как жаловался Лестер[139]. В 1586 г. Елизавета узнала кое-какую правду о поведении Лестера в Нидерландах от придворных дам — хотя, вероятно, из того же источника исходила и ложная история о том, что его жена ехала к нему, чтобы создать свой двор. Понятно также, что можно было использовать женщин, чтобы узнавать важные вещи о замыслах королевы и даже влиять на ее мнение. Две дамы из кабинета были приговорены к домашнему аресту в 1562 г. за помощь шведскому королю, добивавшемуся руки Елизаветы. В 1564 г. информация о кандидатах в английские представители на похоронах императора попала к Сесилу от женщин из Кабинета. Вероятно, именно Сесил организовал в 1569 г. кампанию нашептываний против Норфолка, а в 1572 г, Фрэнсис Керью воспользовался своим влиянием на дам, чтобы уговорить Елизавету назначить его послом в Шотландию. В 1581 г., когда королева заявила, что выходит замуж за Алансона, Хаттон и Лестер подговорили женщин, чтобы они всю ночь с воем и плачем рассказывали об ужасах семейной жизни, дабы запугать Елизавету. К тому времени, когда Роберт Бил написал в 1592 г. свои советы о том, как стать главным секретарем, важность личного кабинета в политической жизни была твердо установлена: секретарь должен был действовать совместно со своими друзьями в Кабинете.

Роль дам Кабинета в распределении милостей была особенно ясна. В 1566 г., когда Лестер попал в мягкую опалу, ему посоветовали передать свою просьбу о земельных наделах через Бланш Парри. В 1566 г. графиня Уорик замолвила королеве словечко за Джона Ди, астролога, и леди Уорик и Хантингдон были активными покровительницами в конце 1590-х гг. Сэр Роберт Сидни действовал через леди Скьюдамор в своей просьбе стать губернатором Пяти портов в 1597 г. — но даже ее поддержка не могла перевесить отрицательного эффекта от сверхэнергичной поддержки графа Эссекса. Кампания по реабилитации Эссекса в 1599 г. зависела от женского влияния: сообщали, что «все, что можно придумать в его пользу, делается дамами, которые имеют доступ к королеве». Влияние придворных дам было общепризнанно: в 1590-х гг. несколько книг было посвящено женщинам из Кабинета Ее Величества в надежде, что они обеспечат награды авторам. В 1601 г. Джоан Тинн довольно

резко заметила своему мужу, что если он не может получить титул при помощи дворцовых политиков, пусть лучше воспользуется своей дружбой с дамами! Поэтому и в политике, и в покровительстве Елизавете приходилось держать своих женщин под контролем.

Она старалась заставить их бояться королевского гнева, и то, что у нее от природы был дурной характер, ей в этом помогало. Особенно легко она поддавалась гневу за столом: одной даме она проткнула руку за то, что та неловко прислуживала, а в 1598 г., когда леди Маргарет Говард немного промедлила в исполнении своих обязанностей, она вскричала: «Уберите этих противных, дерзких девок!»[140].

Королева Елизавета превратила свои эмоции в инструмент политики. Она предпринимала попытки политического устрашения своим гневом и политического обольщения словами любви. Но, используя свои эмоции, чтобы манипулировать другими людьми, она сделала свои чувства средством, при помощи которого другие манипулировали ею. Оправдывалась почти любая жертва, лишь бы сохранить королеве хорошее настроение. Она стала так проигрывать в карты, что придворным приходилось поддаваться: Роджер, лорд Корт, платил ей 40 фунтов в месяц «проигрышей» в 1590-х гг. Настроение королевы стало решающим фактором политической жизни, и именно необходимость знать, в каком она настроении, создала такую влиятельную позицию для леди и джентльменов Кабинета Ее Величества, которую признавал Бил в своих советах. Джон Харингтон сообщал в 1598 г., как один из ее слуг «вышел после встречи с ней с очень нехорошим выражением лица»: «Потянул меня за пояс, чтобы я отошел в сторону, и тайком шепнул: „Если у Вас сегодня какая-нибудь просьба, умоляю вас, отложите ее до другого раза; сегодня солнце не светит!“ — „Это все из-за этих проклятых испанских дел, поэтому я не предстану перед желчностью Ее Величества, а то и сам пожелтею“»[141].

Любовь Елизаветы была крупным политическим выигрышем: тот, кто ею пользовался, становился могущественной фигурой, способной влиять на правительственные решения и распределение наград. Это влекло яростную конкуренцию за ее одобрение и необходимость демонстрировать знаки ее расположения. Такая обстановка могла по очереди превращать Елизавету то в кукольника, то в марионетку. В 1566 г. она, казалось, намеренно кокетничала с сэром Томасом Хиниджем, чтобы ослабить влияние Лестера во время жестокой фракционной борьбы между кликами Дадли и Говардов. В 1573 г. Гилберт Толбот подробно написал своему отцу, графу Шрузбери, о

чувствах королевы к Лестеру, Оксфорду и Хаттону и сообщал о плане (очевидно, Берли и Лестера) подставить Дайера как соперника Хаттону в ее привязанности. Зимой 1588–1589 гг. имело место острое соперничество между Чарльзом Блантом и графом Эссексом, оно привело к дуэли: Елизавета послала Бланту золотую королеву из своего шахматного набора, которую он потом носил на ленте своего рукава, чтобы продемонстрировать ее расположение, что и вызвало колкость Эссекса: «Теперь я вижу, что дуракам действительно везет!»[142]

Такая конкуренция иногда приводила к тому, что придворные вели себя как дети. В 1597 г. Елизавета сделала лордом-адмиралом Говарда из Эффингема графа Ноттингемского, что дало ему преимущество перед Эссексом, а жалованная грамота позволила ему разделить заслуги Эссекса в нападении на Кадис. Эссекс не являлся ни ко двору, ни в парламент, притворился больным и вызвал на дуэль Ноттингема или любого другого Говарда и требовал, чтобы изменили обидные слова в грамоте. Он успокоился только после того, как Елизавета сделала его граф-маршалом, поставив таким образов выше Ноттингема — и тут настала очередь Ноттингема дуться и притворяться больным! Однако при всем этом решался важный политический вопрос, так как претензии Эссекса на влияние в политике были основаны на его так называемом военном успехе. Борьба за милость и должность — это постоянная черта политической жизни, но Елизавета довела эту борьбу до нездоровой остроты. Сделав привязанность и сексуальность заметными чертами политических отношений, она подняла эмоциональную температуру при дворе до опасного уровня. Вынуждая политиков сражаться за ее внимание, она поощряла утрированное и экстравагантное поведение, что вело к сверхэмоциональным поступкам и ребячливой реакции. Казалось, что на нее производит впечатление показуха, она превратила карьеру при дворе в дорогостоящее предприятие, которое окупалось существенной наградой. А сузив свое правительство в 1590-х гг., она разрушила честолюбивые планы и спровоцировала еще более яростное соперничество за те немногие призы, которые остались.

Елизавету хвалили и современники, и историки за то, что она создавала и держала в равновесии фракции, чтобы сохранить политическую стабильность. Роберт Нортон, слуга Эссекса, в 1630-х гг. писал: «Главной особенностью ее царствования было то, что она правила в основном при помощи группировок и партий, которые сама же и создавала, поддерживала или ослабляла, как ей подсказывал ее собственный великий ум»[143]. Но фракционная политика елизаветинской Англии казалась более

привлекательной после того, как они испытали монопольное господство герцога Бэкингемского в 1620 гг. В основном политический стиль Елизаветы хвалили желчные критики эпохи Якова, такие как Фулк Гревил и Вильям Камден, и это надо понимать как замаскированные примечания к правлению Якова. Не стоит рассматривать королеву как холодного расчетливого политика, поддерживающего равновесие строгим взглядом и твердой рукой. На самом деле ее собственное политическое поведение и ее эмоциональные взаимоотношения с некоторыми политиками приводили к острому фракционному соперничеству, которое иногда грозило катастрофой. В 1560-х и 1590-х гг. происходили опасные фракционные конфликты, которые дестабилизировали английскую политику. Борьба между группировками Дадли и Говарда в 1565 — 66 гг. вызвала глубокое расслоение внутри двора, когда две фракции боролись за расположение королевы и старались подорвать доверие к своим соперникам. Лестер пытался осудить Суссекса за должностные преступления в Ирландии, а Норфолк и Суссекс пытались доказать, что Лестер убил свою жену. Очевидное пристрастие Елизаветы к Лестеру, казалось, делало ее королевой группировки, и фракция Говарда настаивала на преимуществах габсбургского брака, чтобы помешать своему сопернику получить королеву. Руководители фракций считали неосторожным появляться без вооруженного сопровождения, и их свиты различались партийными цветами. Сторонники Лестера носили пурпурные ленты, союзники Норфолка появлялись в желтых, при дворе то и дело вспыхивали потасовки и призывы к схваткам. В конца концов, когда дело чуть было не дошло до дуэли между Лестером и Суссексом, сама королева сумела восстановить контроль и разрядить напряженную ситуацию конкуренции — но одно время вероятным результатом казалась гражданская война.

Конфликты при дворе в 1590-х гг. между группировками Эссекса и Сесила были еще более разрушительны. Каждое политическое решение и каждое официальное назначение становилось предметом пристального наблюдения со стороны конкурентов, и поражение считалось серьезным ударом по престижу и могуществу. В 1594 г., когда разыгрывалась должность главного прокурора, Эссекс настаивал на предпочтении Фрэнсису Бэкону, говоря Роберту Сесилу: «Пост прокурора для Фрэнсиса — это то, что я должен получить, и на это я потрачу все мои силы, могущество, власть и годовое содержание, и зубами и когтями защищу и обеспечу то же самое ему, кто бы ни выступал против, и если этот кто-то вырвет эту должность из моих рук для другого, прежде чем он ее получит,

ему придется свернуть с дороги». Во многом такой же была политическая обстановка и в 1597 г.: «При дворе только и разговоров о том, кто получит ту или иную должность», — сказали сэру Роберту Сидни[144]. Не участвовать в конфликте было невозможно, и каждая сторона требовали абсолютной верности. Лорд Грей в 1598 г. жаловался: «Эссекс заставил меня объявить, что я или только его друг, или друг мистера секретаря и тогда его враг, заявляя, что нейтралитет невозможен». Фракционная борьба сказывалась на каждом решении, и двор стал политическим минным полем: «Да поможет мне Бог, здесь сейчас очень опасное время, ибо, поскольку главы обеих фракций находятся здесь, невозможно сказать, как же вести себя по отношению к ним», — так докладывал агент Сидни в 1599 г.[145]

В 1566 г. королеве Елизавете удалось выпустить пар из фракционного конфликта и осуществить по крайней мере формальное примирение между Лестером и Суссексом. В 1569 г. она сумела отдалить Лестера от группировки, выступающей против Сесила, запугать Норфолка и нейтрализовать его и оставить северных графов в изоляции. Но в 1590-х гг. она не смогла уладить жестокие стычки. «Раздоры никогда не были такими злобными, — предупреждали Роберта Сидни в 1596 г., — но — она, кого это больше всего касается, использует свою мудрость на то, чтобы добиться равновесия, а не на то, чтобы заставить всех вести себя одинаково»[146]. Принято сваливать все неприятности на чрезмерные претензии графа Эссекса, и бесспорно верно, что Эссекс сражался в каждой битве до конца и всегда рассчитывал на победу. Претензии Сесилов на монополию также способствовали нестабильности, так как Берли пытался дать своему сыну Роберту недосягаемую власть, чтобы дослужить до конца в царствование Елизаветы и утвердить династию Стюартов. Возможно, правда и то, что снижение реальных доходов аристократии от земельных владений вынуждало их ожесточеннее сражаться за покровительство в то время, когда военные расходы означали сокращение щедрых королевских пожертвований. И на самом деле, в проблемах последнего десятилетия правления Елизаветы виновата была она сама.

По мере того как Елизавета старела, она стала руководить правительством на очень узкой основе, составленным из стариков и сыновей прежних членов Совета, и совмещенные должности и вознаграждения были сосредоточены всего лишь в немногих руках. Когда старые советники умирали, их никто не заменял: к 1597 г. в Тайном совете осталось всего одиннадцать членов, и ни один из них не был крупным территориальным магнатом. Придворные потеряли реальное влияние, провинциальная знать

была отстранена от управления, и следующее поколение честолюбивых политиков видело, что их надежды на карьеру рушатся. Французский посол заметил в 1597 г., что английский двор разделен на группки и группочки и недовольство широко распространялось. Он докладывал, что правительство Елизаветы было «мало приятно для значительных деятелей и знати, и если ей случится умереть, англичане наверняка никогда больше не подчинятся правлению женщины»[147]. Казалось, Елизавета вручила свою судьбу Сесилам и их друзьям, которые захватывали важные должности и сопровождающие их доходы. Правительство стало орудием в руках единственной и беспринципной группировки.

Неудивительно, что честолюбивые и отчаявшиеся связали свои надежды на продвижение с графом Эссексом, харизматическим лидером, который обладал некоторым эмоциональным влиянием на королеву. Ранее Елизавета создала систему эмоциональных обязательств, в которой политическим лидерам приходилось вести себя как любовникам, а любовники становились лидерами. Но после смерти Лестера и Хаттона она отделила власть от любовных игр: она кокетничала с Эссексом и Рэли, но принимала решения с Бакхерстом и Сесилом. Хотя королева продолжала играть в эмоциональную политику со следующим поколением, но они не получали вознаграждений; она обращалась с ними как с близкими людьми, но не слушала их советов. Ее любовь теперь политически ничего не значила. Те, кто толпился вокруг Лестера, увидели, что их ожидания не оправдываются, ибо фрак фаворита не давал его сторонникам никаких должностей. На деле по мере того как остроэмоциональные отношения между Елизаветой и Эссексом стали отдавать горечью, ходатайство графа приобретало для просителя запах смерти. После того как Эссексу не удалось получить должность прокурора для Фрэнсиса Бэкона в 1594 г., в следующем году он пытался сделать его генеральным стряпчим, но настаивал столь решительно, что королева пригрозила отдать должность кому угодно, только не Бэкону.

Партия Эссекса состояла из обедневших лордов и придворных-неудачников. Эссекс, Ратленд, Суссекс, Саутгемптон и их сторонники были по уши в долгах и в тревоге посматривали в сторону королевы в поисках финансовой поддержки. Но их претензии на выгодную должность последовательно отклонялись, кандидатам Эссекса неизменно предпочитались кандидаты Сесила. Эссекс и его союзники не могли понять, почему им не везет — они обвиняли соперников в подтасовке, сами боролись яростнее и не осознавали, что Елизавета просто изменила

правила игры. Собственное положение графа держалось на аренде таможенной пошлины на сладкие вина, которую следовало возобновить осенью 1600 г. В отчаянии он писал королеве: «Через семь суток от сегодняшнего дня истекает аренда, которую я имею благодаря доброте Вашего Величества, а это хозяйство — мое основное средство к существованию и единственная возможность расплатиться с купцами, которым я должен»[148]. Когда Елизавета отказала в новой аренде, она вынудила Эссекса на отчаянный поступок. 8 февраля 1601 г. он и его сторонники пошли на последнюю безрассудную попытку прорваться к политическому успеху: они решили захватить королеву и сделать ее своей заложницей — но им не удалось поднять Лондон, и переворот потерпел фиаско.

Елизавета сама спровоцировала мятеж Эссекса. По мере сокращения королевских милостей усугублялся фракционный конфликт, но Елизавета отказывалась расширять круг доверенных и облагодетельствованных лиц. Честолюбивые мужчины были превращены в политических импотентов, и они отчаянно боролись за награды, на которые не было надежды. Двор из сцены, на которой блистала Глориана, превратился в грязный детский манеж для своекорыстных переростков с дурным характером. Королева и сама заметила перемену, сказав в августе 1601 г.: «Сейчас везде бродит лисья хитрость, так что вряд ли можно найти преданного и достойного человека». Плакат, ходивший по рукам в Лондоне примерно в то же время, показывает, что думали те, кто ко двору не принадлежал:

> *Придворные жаждали всего,*
> *Королева даровала все,*
> *Парламент узаконил все,*
> *Хранитель печати (Эджертон) скрепил печатью все,*
> *Дамы управляли всем,*
> *Мсье Сухая Кость (венерическая болезнь) перепортил всех,*
> *Ловкий доносчик (Сесил) слышал все, Епископы сглаживали все,*
> *Тот, кто был (Эссекс),*
> *выступил против всего, Судьи прощали все —*
> *Поэтому, если только Ваше Величество*
> *быстро не исправит все,*
> *Без великой милости Божьей дьяволу достанется все*[149].

(Перевод С. Горяйнова, Т. Горяйновой).

Все это было очень позорно, и за все это Елизавета могла

бранить только себя.

Глава 6. Королева и парламент

На своем троне Елизавета была королевой-девственницей; по отношению к церкви она была матерью, со знатью она была тетушкой, своим советникам сварливой женой, а для придворных обольстительницей. Но какова же была подходящая женская роль для королевы в парламенте, когда она встречалась со своим правящим классом, разделенным на лордов и общины? В конце парламентской сессии 1566 г. она произнесла раздраженную речь, в которой упрекала всех парламентариев в том, что они вмешиваются в ее дела и не подчиняются ее правилам. В заключение она сказала:

> «Хотелось бы, чтобы это мое назидание заменило более суровые меры, чтобы вы поняли, как опасно испытывать терпение монарха; и пусть мое утешение поднимет ваш упавший дух и поможет вам получить надежду на то, что ваше последующее поведение загладит ваши прошлые поступки и вы вернете себе милость вашей государыни, а забота ее о вас такова, что ей не нужно напоминать, как важно ваше благополучие»[150].

Другими словами: «Я вас пожурила, хотя следовало бы отшлепать, и пусть этого будет достаточно — но не забывайте, что надо слушаться! Не расстраивайтесь, я вас прощу, если впредь вы будете хорошими мальчиками — и не забывайте, что на самом деле нянюшка вас любит». И на самом деле, это был неподдельный голос английской няньки. По отношению к своему парламенту Елизавета приняла тон снисходительного превосходства, уверенная, что, если она будет давать объяснения достаточно часто и достаточно медленно, малыши поймут. Для Елизаветы парламентарии и были малышами — иногда непослушные, обычно несносные и всегда причина пустой траты времени умной женщины.

Королева Елизавета парламенты не любила, и это было видно. Ее отец, брат и сестра созывали парламент двадцать восемь раз за тридцать лет, которые предшествовали воцарению Елизаветы, она же созвала его девять раз в первые тридцать лет и только тринадцать раз за все время сорокапятилетнего правления. Ее нежелание созывать собрания было общепризнанно и не отрицалось. В 1593 г. лорд-канцлер Пакеринг сказал обеим палатам, что королева «очень не хочет созывать свой народ в

парламент» — но это была не критика, а комплимент. Пакеринг заметил, что ее предшественники часто созывали парламент, а «она делала то же самое, но редко и только по самым оправданным, важным и великим случаям» — и «она и в дальнейшем будет воздерживаться, как и раньше, от того, чтобы часто собирать вас всех вместе»[151], если к этому не будут вынуждать обстоятельства. В глазах королевы парламент был досадной необходимостью, за которую ее министрам следовало бы просить прощения.

Поведение парламентариев заставляет предположить, что отсутствие энтузиазма у королевы многими разделялось, и наблюдалось заметное нежелание участвовать в реальной работе обеих палат. Посещаемость в Палате Общин всегда падала по мере продолжения сессии. В парламенте 1559 г. всего лишь 219 членов парламента, 54 процента от общего количества, присутствовали к 24 февраля, когда сессия продолжалась уже месяц. Несмотря на попытку увеличить процент посещающих, сделав перекличку, количество присутствующих снизилось до 33 процентов к 24 апреля и до 28 процентов через неделю. Во время сессии 1563 г. известное количество присутствующих колебалось от 64 процентов от общего числа до 31 процента. К 1571 г. добросовестные парламентарии так разозлились на своих коллег-бездельников, что установили штраф 4 пенса в день в пользу бедных для тех, кто пропускал начальные молитвы в 8.30 утра. Это не помогло: в 1581 г. семь раз делали перекличку, чтобы поймать отсутствующих, и была введена новая система штрафов за отсутствие на всей сессии — 20 фунтов для представителей графств и 10 фунтов для избранных от городов.

То же самое происходило и в верхней палате: в начале каждой сессии посещаемость была приличная, но в дальнейшем она быстро падала, и иногда в зале заседаний присутствовало всего полдюжины пэров. В 1563 г. сессия началась в присутствии почти 50 человек из максимального числа 80, но в конце посещаемость упала до 34. В последующих сессиях первоначальное присутствие упало приблизительно до 45, хотя уровень в конце сессии оставался постоянным — примерно 30–35 пэров и епископов. Конечно, одно дело было присутствие, а другое — реальное участие. Известно, что в каждом парламенте выступало только 10 процентов из числа его членов, хотя, возможно, в 1601 г. это количество удвоилось. Долгая дискуссия о монополиях на сессии 1601 г., похоже, повысила уровень интереса. В десяти зарегистрированных голосованиях принимало участие в среднем 47 процентов парламентариев, хотя посещаемость варьировалась от 66 процентов от общего числа,

когда обсуждался закон о пашне, до 17 процентов по вопросу о законе о банкротстве — из чего можно сделать вывод, что в парламенте было гораздо больше землевладельцев, чем ростовщиков!

Следовательно, трудно представить себе политическое давление со стороны нации как весомую причину для созыва парламента. Неправильно было бы сказать, что всем было все равно, но кажется, что не все равно было только горсточке. Непохоже, чтобы в таком плохо посещаемом парламенте возникла причина для острого конституционного конфликта между Короной и Палатой Общин — что бы ни происходило в парламенте, большинство парламентариев и большинство пэров, похоже, считали, что не стоит там появляться, чтобы поучаствовать в этой забаве. Когда Елизавета встречалась со своим парламентом, она не видела перед собой сомкнутых рядов мятежного дворянства, отчаянно защищающего свои конституционные права, в конце сессии перед ней были только те несчастные, которым больше нечего было делать. Так почему же Елизавета созывала заседания парламента, если ни народ, ни она этого не хотели? Пакеринг объяснил это на открытии заседания в 1593 г. Он извинился за то, что их вызвал, но это было необходимо в связи с угрозой национальной безопасности: возможность вторжения со стороны католической Испании и возможность измены со стороны недовольного меньшинства вынудили королеву попросить о дополнительном налогообложении. Конечно, ей так же не хотелось просить денег, как и не хотелось просить о созыве: «Ее Величество говорит, что никогда еще не было на земле монарха, которому бы больше не хотелось обращаться за чем-либо к своим подданным, чем ей»[152] — но обращаться приходилось.

И она обращалась. У двенадцати сессий парламента из всех тринадцати она просила ассигнований на расходы правительства. Исключение — сессия 1572 г., которая была спешно созвана по поводу политического кризиса, и вторая часть субсидии, разрешенной в 1571 г., еще не была собрана. Так что Елизавете нужны были заседания парламента, когда ей нужны были налоги — но налоги приходилось обосновывать. На каждой сессии, кроме как в 1571 г., представитель королевы (все мужчины) пел одну и ту же песню: протестантская религия в опасности, оборона королевства обходится дорого, и королева, при всем своем крайнем сожалении, вынуждена просить денег. Обязательная речь была довольно легкой в начале правления. Лорд-канцлер Бэкон мог в 1559 г. свалить на Марию опасность вторжения, недостаточность доходов государства и ненадежность обороны —

но Елизавете все еще не хотелось выдвигать требования. Она подучила Бэкона сказать: «Если бы речь не шла о вашей безопасности и о сохранении государства, Ее Величество скорее поставила бы на карту свою жизнь (которую Господь до сих пор хранит), чем осмелилась бы побеспокоить своих подданных каким-либо неприятным делом или чем-то, что для них будет тяжко и нежелательно»[153]. Но выхода не было.

Впоследствии просить деньги стало труднее. Парламентариев следовало убеждать, что у них мудрая и умелая правительница, которая уже предприняла все, что нужно, и не ее вина, что сейчас не хватает денег. В 1563 г. Бэкон свалил вину за отсутствие денег на важные военные походы в Шотландию и Францию, а затем, в 1566 г., Вильям Сесил вынужден был выдвинуть те же причины, чтобы обосновать дальнейшие требования. К 1571 г. довод о законной необходимости несколько поистерся, и Бэкон доказывал, что субсидию нужно выделить частично в благодарность за достижения королевы — за восстановление Священного писания (хотя он, в частности, ратовал за более радикальное решение); мир свыше десяти лет (он пропустил те войны, которыми оправдывались предшествующие налоги); за то, что она была милосердным правителем (он забыл о жестоких казнях после восстания 1569 г.) — и частично из-за неотложных финансовых потребностей в результате северного восстания (в котором Елизавета была целиком виновата), военной поддержки шотландских протестантов (снова мир!), подготовки против вторжения (но кто спровоцировал Испанию?) и падения таможенных сборов вследствие развала торговли (в чем полностью виноваты были Елизавета и Сесил).

Сэр Вальтер Майлдмей, канцлер казначейства, во многом воспользовался тем же подходом в 1576 г. Сначала он преувеличил серьезность унаследованных от сестры (если Мария не перепутана с Елизаветой, то я этого не понимаю!), затем он подчеркнул успехи правления Елизаветы: мир с соседями, стабильность в стране, всеобщее процветание, «и, что самое важное, мы пользуемся свободой совести, освобожденные от ига Рима, которое перед этим нас так подавляло»[154]. В конце ему пришлось перечислить несчастливые и неожиданные случайности, которые, несмотря на мудрую политику Елизаветы, привели к лишним расходам и к просьбе о парламентской субсидии. Чтение этих речей почти утешает, поскольку видишь, что министры всегда вводили в заблуждение парламент, а прихвостни всегда лгали, чтобы сохранить лицо своим хозяйкам и хозяевам. Что касается отношений с парламентом, начало войны с Испанией в 1585 г. было выгодно: необходимость

налогообложения была очевидна, и представителю королевы не нужно было ерзать от неловкости, когда он просил денег у Палаты Общин.

Елизавете нужны были налоги, и быстро: для нее идеальным был парламент, который давал ей деньги и разъезжался. В 1593 г. сэр Джон Пакеринг откровенно выразился и по этому вопросу, и по многим другим. Королева не хотела, чтобы парламент работал над новыми законами — их уже и так было чересчур много — или чтобы он обсуждал важные вопросы: «Не тратьте свое драгоценное время на новые и любопытные изобретения, те, которые, какими бы славными они ни казались при первом появлении, все-таки оказываются утомительными в обсуждении и двусмысленными при завершении»[155]. Лорды и дворянство нужны были не в Вестминстере, но в своих графствах, и идея была ясна — заткнитесь, заплатите и закругляйтесь. Но у некоторых членов парламента были другие идеи и другие интересы. Хотя немногое говорит о том, что бывали требования созвать парламент, а уж если он созывался, его пытались использовать в личных интересах. Были общие законопроекты, проталкиваемые заинтересованными группами, такими как лондонские ремесленные гильдии или провинциальные корпорации, которые хотели принять новый закон в своих интересах, и были сугубо частные законопроекты, которые обычно касались собственности отдельных лиц и представляли попытки разобраться в двусмысленностях и спорах. Такая деятельность пышно расцвела при Елизавете и привела к завалу в законодательстве.

Итак, существовал конфликт интересов: королеве нужны были короткие сессии, которые быстро бы пропускали через парламент правительственные дела, особенно законопроект о субсидиях, но некоторые члены парламента хотели, чтобы учитывались интересы их округов и отдельных лиц. Перед открытием заседания парламента в 1572 г. неизвестный представитель правительства в парламенте (возможно, Томас Нортон) набросал документ с рекомендациями о том, как добиться короткой сессии и не упустить целей правительства: «Если Ее Величество хочет, чтобы сессия была краткой, тогда следует сократить те дела, которые удлиняют сессию», особенно количество местных законопроектов. Но со стороны королевы было бы неразумно издавать прямой приказ, «ибо это может дать повод к возникновению злых намерений, вопросов о свободе Палаты и о том, что им не дают свободно посоветоваться»[156]. Взамен надо использовать ясные намеки и напоминать, как рискованно продлевать сессию до весны, когда в Лондоне может

вспыхнуть чума — угроза, которую открыто использовали в апреле 1571 г., а в июне 1572 г. на нее намекнули.

Но тонкие намеки не действовали, и возникла необходимость более явного вмешательства. Когда в 1573 г. парламент заседал уже месяц и все еще не принимал окончательно закона о Марии Стюарт, Елизавета изматывала и изводила Палату Общин. Она передала послание, что «Ее Королевское Величество хочет, чтобы Палата занималась этим и другими важными делами, отложив все местные законопроекты», и чтобы законопроект о Марии прошел два чтения в последующие дни. В 1581 г. Елизавета тоже хотела ускорить прохождение дел в парламенте: спикер Попем помог ей, попросив парламентариев не выступать во время первого чтения и сэкономить время, отказавшись от «ненужных предложений или излишних споров»[157]. Заседания парламента создавали трудности не потому, что они были против правительственных дел, а потому, что некоторые члены парламента и пэры проталкивали свои собственные дела. Следовательно, вставала проблема управления: не зажимать критику, но провести законопроект через парламент с 550 членами обеих палат, где у каждого свои интересы, свое самомнение и свое собственное убеждение, что только он один разбирается в обсуждаемом вопросе.

Одним из способов управления парламентом было воздействие на его состав. В членство Палаты Лордов не вмешивались, кроме как в 1559 г., когда католическим священникам приказали устраниться и посадили их в тюрьму, и в 1572, когда четыре пэра, настроенные против Сесила, были взяты под стражу, а Норфолк уже казнен. Но осуществлялось постоянное, если и не слишком целенаправленное, влияние на состав Палаты Общин. В 1571 г. очевидной причиной была необходимость сделать так, чтобы парламент представлял избирательные округа, а не частные интересы — но после восстания северных графов и папской буллы о низложении просьба Совета о «рассудительных, мудрых и благожелательных»[158] членах была достаточно ясна. Инструкции о наблюдении за выборами были безусловно посланы местным сановникам в Беркшир, Бакингемшир, Дорсет, Суррей и Уилтшир. Похоже, что магнаты откликнулись на просьбу, назвав парламентариями своих собственных родственников и слуг, и Совет был в достаточной степени доволен, так как просьбу повторили в 1572 г. — когда членам Совета нужен был парламент, который подтолкнет Елизавету к казни герцога Норфолкского и лишению Марии Стюарт права на престолонаследие.

В 1584 г. парламент снова созвали во время кризиса, после убийства Вильгельма Молчаливого и заговора Трокмортона против Елизаветы, когда боялись католического вторжения и восстания. Как раньше пэров попросили, чтобы они набрали рекрутов в «отряд бдительности» для Совета, так теперь их попросили обеспечить выборы надежных членов парламента. Лорд Кобем, губернатор Пяти портов, получил инструкцию проследить, чтобы избранные члены «не только были бы рассудительными и достойными людьми, но и придерживались правильных убеждений в религии и относительно настоящего положения в … правительстве»[159]. Самой королеве не особенно нравилась Палата Общин, избранная в 1584 г.; она поручила лорду-канцлеру Бромли сделать парламентариям выговор за то, что они обсуждали религиозные дела, хотя она открыто это запретила. Но Совет был доволен, и в 1586 г. разослал циркуляр в избирательные округа с просьбой переизбрать членов парламента 1584 г.: обычно около 40 процентов от членов предыдущего парламента избиралось снова, но в 1586 г. их оказалось 52.

Другое широкое вмешательство произошло в 1597 г., когда Совет передал собственную просьбу королевы, чтобы города выбирали местных жителей, а не пришлых. Ее сочли обычным проявлением традиционализма Елизаветы, и толку от нее не было.

Кажется вероятным, что официальное вмешательство в выборы усиливало влияние могущественных покровителей, а отнюдь не влияние королевы. Указ Совета дал Кобему бумажку, чтобы было чем размахивать перед избирателями в Хайде, граф Хантингдон получил такую же для Лестера, а граф Уорик для Уорика, чтобы они могли обеспечить избрание собственных друзей. И так как многие из магнатов, которые следили за выборами, были либо членами Тайного совета, либо их друзьями, официальное вмешательство увеличило влияние отдельных членов Совета — и оно еще больше усиливалось их собственной местной властью и готовностью других уступить им выдвижение кандидатов. Влияние Берли на выборы осуществлялось прежде всего через его политических союзников (таких как Бедфорд) и родственников (таких как Киллигру): он посадил больше десятка своих людей в каждый из первых четырех парламентов при Елизавете и не меньше двадцати шести в 1584 г. (когда граф Бедфорд, по всей видимости, предоставил ему полную свободу в западных регионах).

Самыми целеустремленными собирателями парламентских кандидатур были граф Эссекс и Роберт Сесил, которые соревновались друг с другом в 1597 г. — хотя граф находился в

невыгодном положении, так как он был на Азорах во время предвыборной кампании. Эссекс заручился поддержкой городских управляющих, так что мог выдвинуть одного или двух кандидатов от каждого города, а Сесил захватил контроль в герцогстве Ланкастерском. Эссекс назвал половину членов парламента от валлийских городов в 1593 г., у него были хороши дела в Стаффордшире, но Сесил, вероятно, добился избрания тридцати своих ставленников в 1597 г. и тридцати одного в 1601. К тому времени превосходство Роберта Сесила было очевидным, и те, кто мог повлиять на результаты выборов, старались ему угодить. Виконт Биндон собрал документы для выдвижения кандидатов в городах Дорсета в 1601 г. и предложил Сесилу заполнить их, как он считает нужным. По меньшей мере шесть секретарей и слуг Сесила заседали в Палате Общин в 1601 г. Таким образом, ни официальный нажим, ни влияние магнатов на местах не давали королеве контроля над парламентом — они давали власть отдельным членам Совета. Следовательно, весьма вероятно, что, если бы в Совете существовала солидарность и если бы его члены сотрудничали друг с другом, они могли бы справиться с Палатой Общин.

Может быть, Совет мог контролировать Палату Общин, но могла ли королева контролировать свой Совет? Проблема взаимоотношений Елизаветы с ее парламентом несколько видоизменилась с тех пор, как сэр Джон Нил написал об этом более тридцати лет назад[160]. Тогда казалось, что это вопрос о взаимоотношениях между законодательной и исполнительной властью, попытка осажденного правительства обуздать воинствующую Палату Общин. Но когда, как в 1586–1587 гг. по поводу религии, в Палате Общин появлялась непокорная группировка, ее усмиряли члены Совета, а большинство парламентариев ее не поддерживало. Настоящие трудности возникали, когда члены Тайного совета разрешали или, через своих агентов, организовывали агитацию в Палате, чтобы вынудить королеву проводить политику, которую она не одобряла — как по поводу брака и наследования в 1563 и 1566 гг., о религиозной реформе в 1571, о казни Норфолка в 1572, об антикатолических законах в 1581 и о казни Марии Стюарт в 1586. Таким образом, проблема контроля над парламентом была для Елизаветы проблемой контроля над ее Советом: как члены Совета пытались манипулировать информацией, чтобы вынудить королеву к определенной политике, так же они пытались манипулировать парламентом, чтобы навязать ей политику.

Парламентские сессии находились под влиянием, если не вполне под контролем, членов Тайного совета Елизаветы. Все

они, особенно Берли, называли членов парламента, заранее планировали повестку дня и пытались управлять заседаниями. За исключением 1597 г., всегда бывало не меньше пяти, а часто восемь, советников в Палате Общин, а остальные заседали в Палате Лордов. Кроме того, спикер был ставленником Совета, и в Палате Общин у Совета были свои манипуляторы. Одной из самых интересных разработок в парламентской историографии последнего времени был новый взгляд на роль лидеров пуританской оппозиции во главе с Нилом. Тщательно проанализировав их переписку, их парламентские заметки и особенно их роль в комитетах и прениях, Майкл Грейвз обнаружил[161], что Томас Нортон, Вильям Флитвуд, Томас Даннетт, Томас Диггз, Роберт Белл и другие были не руководителями оппозиции, но агентами Совета! Они и группа честолюбивых юристов заправляли парламентской процедурой, чтобы протащить интересы и дела правительства при первой возможности. Эти «деловые люди» вносили в Палату Общин те вопросы, обсуждения которых хотели члены Совета — и часто это были именно те вопросы, обсуждения которых не хотела Елизавета.

Помимо всего остального, именно Вильям Сесил, лорд Берли, заправлял работой парламента — особенно с весны 1571 г., когда он заседал в Палате Лордов и пытался управлять Палатой Общин через своих тамошних агентов и союзников. Он получал регулярные отчеты о делах в Палате Общин от Фулка Онслоу, секретаря Палаты, и от Роберта Белла, спикера, в 1572 и 1576 гг. и информацию о прохождении конкретных законопроектов от заинтересованных агентов. У него была возможность следить за процессом в Палате Общин при помощи часто составляемых списков о прохождении законопроекта от одной стадии до другой, и он использовал свое влияние на членов Совета и на Палату Лордов, чтобы определять порядок и скорость продвижения. На загруженной сессии 1571 он устроил послание от Палаты Лордов с просьбой прекратить рассмотрение местных законопроектов и сосредоточиться на официальных делах; он организовал в Палате Общин комиссию по сортировке законопроектов в порядке приоритета, отдавая предпочтение правительственным законопроектам; и он устроил так, что местные дела рассматривались после полудня, а утро оставалось свободным для рассмотрения законопроектов общегосударственного значения.

Благодаря запланированной стратегии Берли и тактическим маневрам «людей дела», Совет мог руководить Палатой Общин — особенно потому, что Совет так часто вел их туда, куда многие

члены парламента так или иначе и сами хотели идти. Таким образом, парламент сделался очень удобным средством для того, чтобы оказывать давление на королеву, используя ее часто повторяемое желание править, опираясь на любовь своего народа. В 1563 г. именно члены Совета организовали кампанию, чтобы заставить Елизавету выйти замуж и (или) назначить наследника. Комиссия, составлявшая петицию Палаты Общин к королеве, работала под председательством сэра Эдуарда Роджерса, гофмейстера королевского двора, и в нее вошли все восемь членов Тайного совета, набранные в Палату Общин; Томас Нортон, один из «людей дела», провел проект через Палату в полном составе. Правда, возможно, что инициатива 1563 г. исходила скорее от фракции Дадли, чем от всего Совета, но целью определенно было надавить на королеву. В 1566 г. лорд-канцлер Бэкон в Палате Лордов и секретарь Сесил в Палате Общин организовали совместную делегацию обеих палат к королеве по поводу престолонаследия, и именно Сесил наметил для Палаты Общин защиту ее работы. Кроме того, именно советники и их союзники произносили большинство речей и добивались эффективной работы.

По религиозным вопросам советники-реформаторы часто сотрудничали с епископами. Это определенно похоже на правду относительно 1566 г., когда приказ королевы Палате Лордов прекратить обсуждения законопроекта о том, чтобы придать силу закона «тридцати девяти статьям» (свод догматов англиканской церкви), вызвал официальную просьбу к ней епископов, чтобы она разрешила закончить обсуждение законопроекта. В 1566 г. Елизавета добилась своего, хотя она предупредила испанского посла, что «на нее окажут такое давление, что она не сможет отказать в согласии».[162] Парламент в 1571 г. видел, как советники, епископы и манипуляторы в Палате Общин сговорились, чтобы протолкнуть ряд законопроектов о религии, особенно законопроект о том, чтобы наказывать тех, кто отказывался от святого причастия в англиканской церкви. Радикальные предложения были отброшены, когда стало известно о недовольстве королевы, но по законопроекту о святом причастии она столкнулась с объединенным требованием правящего класса протестантов во главе с ее собственным Советом о более строгих действиях против католиков. Она наложила на проект вето, при том, что за все время своего правления вынуждена была накладывать вето на важный проект общегосударственного значения меньше десяти раз. Парламент 1572 г. был созван, вероятно, из-за давления Совета на королеву. Субсидия не запрашивалась, и это был единственный парламент

за все царствование, который был созван в такой поздний срок, что пришлось заседать весь июль. У королевы не было причины созывать парламент; скорее, ее хотели заставить казнить Норфолка и хотя бы лишить права на престолонаследие Марию Стюарт. Норфолк был приговорен к смерти за измену 6 января 1572 г., но Елизавета не санкционировала казни; дважды указ о казни отменялся к разочарованию толпы. Елизавету уговорили согласиться на созыв парламента (может, она рассчитывала, что страх парламентской атаки сделает Марию более сговорчивой), и он открылся 8 мая. Негодование против Норфолка было подстегнуто вступительными речами спикера и лорда-канцлера, и герцога казнили 2 июня, не дожидаясь петиции о его смерти, которая как раз готовилась. Но вопрос о Марии оставался открытым, и тут снова вмешался Совет. Объединенная комиссия обеих палат, руководимая членами Совета и — «людьми дела», составила два законопроекта; один — петиция о лишении Марии гражданских и имущественных прав, а второй — законопроект о лишении ее права престолонаследия.

За сто лет до Карла II у Елизаветы был ее собственный «кризис исключения», и она столкнулась с более сплоченными рядами. Сэр Фрэнсис Ноуллз, сэр Джемс Крофт из Тайного совета и несколько их агентов во главе с Томасом Нортоном обработали Палату Общин, тогда как лорд-канцлер Бэкон и другие члены Совета захватили первенство в Палате Лордов, а Берли действовал как координатор. Епископы представили длинный перечень богословских причин, чтобы оправдать казнь Марии, а комиссия юристов выдвинула юридические аргументы. С точки зрения Совета все шло хорошо — если бы только сдалась королева. 21 мая Берли замечал: «Невозможно достичь большего здравомыслия, чем в Палате Общин, и в верхней палате всего хватает; но самая высокая персона проявляет такую медлительность и такую задержку в решениях, что кажется, будто Богу не угодно, чтобы уверенность победила»[163]. Богу — и Елизавете Тюдор — по-прежнему было неугодно, королева объявила, что она не согласится на лишение гражданских и имущественных прав, и она направила усилия на законопроект «об исключении».

Несмотря на это, члены Тайного совета продолжали решительно добиваться лишения прав, может, они не надеялись, что Елизавета казнит сестру-монархиню. Но вопрос о лишении прав, вероятно, заставил Елизавету подумать об «исключении». Совет и его заправилы сражались, чтобы протащить усложненный законопроект об «исключении» через все его стадии до того, как начнется чумное время и королева закроет сессию. Они шли

напролом, загружая комиссию в Палате Общин и добиваясь посещаемости, и законопроект еле-еле успел пройти. Но все было напрасно. Берли в отчаянии писал Вальсингаму:

> «Теперь насчет нашего парламента и я не могу писать спокойно: все, за что мы боролись и при полном согласии привели в нужную форму — я имею в виду закон, который объявил бы шотландскую королеву неспособной и недостойной надеть корону — не был Ее Величеством ни отвергнут, ни утвержден, но отложен до праздника Всех Святых. Но что об этом могут подумать все другие мудрые и достойные люди, Вы можете догадаться»[164].

Это был классический пример лавирования Елизаветы. Ее вынудили согласиться на созыв парламента, но она не обязана была соглашаться с его законодательными актами. Ее советники под руководством Берли организовали нажим относительно казни Марии. Чтобы разрядить эту кампанию и чтобы избежать открытой стычки между Советом и парламентом с одной стороны и самой собой, почти в полном одиночестве, она, казалось, согласилась на исключение из престолонаследия. Но в конце концов (потому что дискредитированная Мария была ей выгоднее с правом наследования, а не без него) она (только не называя этого поступка своим именем) наложила вето на законопроект и назначила перерыв в работе парламента.

Несмотря на поражение, члены Тайного совета продолжали оказывать на королеву давление со стороны парламента, особенно во время сессии 1586–1587 гг. Сессия 1586 г. была повторением сессии 1572 г. в более мягкой форме. Советники хотели, чтобы сессия помогла Елизавете примириться с казнью Марии. Определенно была борьба относительно того, нужно ли созывать парламент. В сентябре 1586 г. Берли докладывал: «Мы заодно с парламентом, что Ее Величеству не нравится, но мы настаиваем, чтобы эту тяжесть легче было вынести, а за границей это будет лучше воспринято»: очевидно, они надеялись, что Елизавета скорее согласилась бы на казнь, если бы могла свалить вину на парламент. Когда сессия открылась, Хаттон, Майлдмей, Крофт и Ноуллз повели Палату Общин, а лорд-канцлер Бромли и Берли — Палату Лордов в атаку на Марию, и королеве представили совместную петицию о ее казни. 24 ноября 1586 г. Елизавета сообщила свой ответ делегации от обеих палат, как она сама сформулировала: «Мой ответ — нет ответа»[165]. Королева не принимала решения, и парламентских просьб было недостаточно. Поэтому Вальсангам, по всей вероятности, инсценировал

Стаффордский заговор, чтобы Елизавета испугалась и начала действовать. На этот раз Совет добился своего, и Мария взошла на плаху в Фотерингее 8 февраля 1587 г. — хотя Елизавете понадобился козел отпущения, и карьера секретаря Дейвисона на этом закончилась.

Через неделю после казни парламент возобновил работу, и эта вторая сессия тоже использовалась, чтобы оказать давление на королеву — на этот раз чтобы вынудить ее принять Нидерланды под свою власть в интересах более эффективной совместной борьбы с Испанией. Еще раз члены Тайного совета в Палате Общин взяли на себя руководство: Хаттон, Майлдмей и Ноуллз бросали прозрачные намеки в том плане, что надо попросить королеву принять Нидерланды, а «люди дела» и придворные, такие как Томас Сесил, сын Берли, поддерживали эту идею. Комиссия под влиянием советников и спикера Пакеринга решила подкупить королеву, воспользовавшись ее финансовыми затруднениями. Елизавете предложили ежегодную дотацию до конца войны, если она примет власть. Совет и Палата Общин хотели связать королеву обязательством бороться за освобождение Нидерландов от Испании, но Елизавета все еще надеялась вынудить Филиппа II договориться со своими голландскими подданными. Она отказалась от дотации: Елизавета пожертвовала Марией, но жертвовать внешней политикой она не соглашалась.

По мнению сэра Джона Нила, Елизавета постоянно сражалась с парламентом, который слишком много о себе думал, так как в нем верховодили воинственные пуритане. Как показал сэр Джеффри Элтон[166], это неправда. Большую часть своего времени на большей части заседаний парламент делал свое дело, голосуя за субсидии, которые просила королева, обсуждая и принимая законопроекты государственного значения, рассматривая частные законопроекты, необходимые, чтобы развязать узлы земельного права и столкновения конкретных интересов. Чаще всего не требовалось ничего, кроме самого мягкого нажима, чтобы добиться завершения нужного дела. Но иногда случались неприятности, и с точки зрения Елизаветы они были гораздо серьезнее, чем думал Нил. Ибо разногласия обычно случались не между правительством Елизаветы и ее парламентом, а между самой Елизаветой и ее правительством и парламентом в союзе. Такие трудности возникали, когда обычные Елизаветины приемы политического управления оказывались неадекватными — когда ей не удавалось расколоть оппозицию в Совете, запугивая и разделяя, и когда она не могла обезвредить оппозицию подкупом, политическим соблазном и эмоциональным шантажом у себя при

дворе. Когда ее попытки заткнуть рот своим министрам в Совете и при дворе проваливались, необходимо было нанести им поражение в парламенте: в качестве оружия она использовала свою собственную личность и собственное понимание своих конституционных прав.

Самыми важными инструментами Елизаветы были ее речи в парламенте, и она уделяла большое внимание их написанию, произнесению и публикации. Хотя ее лорды-канцлеры и хранители выступали от имени королевы, она также готовила и речи для себя. Она сама писала свои речи и стала квалифицированным составителем: заметно, что ее речи становились гораздо более ясными и понятными по мере того, как она набиралась опыта и обретала уверенность. За исключением подобия «годового отчета» в 1576 г., ее обращения неизменно были откликом на какую-то парламентскую петицию или проблему, часто под давлением членов Совета. Так что обычно она выступала в момент политического кризиса, когда ее справедливое негодование должно было смягчаться тактом и соблазном. Сохранившиеся черновики показывают, что ранние варианты речей были клокочущими от гнева, но затем она сбавляла тон. В первом наброске своего ответа парламентской делегации по вопросу о престолонаследии в 1566 г. она обвиняла парламентариев в измене, но это оскорбление было вычеркнуто, и, работая над текстом, Елизавета изо всех сил старалась быть великодушной к своему народу. Она особенно рассыпалась в комплиментах и заигрывала перед Палатой Общин: она пылала гневом к пэрам и епископам, которые, как она думала, должны знать, что ей лучше не перечить, но Палата Общин представляла ее любящих подданных. Хотя она обычно угрожала советникам и сурово критиковала непокорные меньшинства, ее обращения к парламентариям были обильно сдобрены лестью и обещанием заботиться об их интересах.

Елизавета часто пыталась разделить направленную на нее парламентскую фалангу, ругая епископов, или членов Совета, или воинствующих пуритан за то, что они вводят в заблуждение здравомыслящих, преданных граждан, сидящих сзади. Она обещала умеренные реформы, если бы только горячие головы замолчали. В 1585 г. она сказала советникам и представителям духовенства после религиозных диспутов в Палате Общин: «Мы не будем обвинять в этих беспорядках всю Палату, ибо, хотя в ней найдется кучка несдержанных и безрассудных голов, там есть много мудрых и благоразумных людей». Затем она признала, что кое-какие реформы в церкви необходимы, и покритиковала инерцию епископов. Королева часто давала обещания о

реформах, для выполнения которых она мало что делала. Она проронила нечто туманное о монополиях в 1597 г., но в 1601 г. оказалась в ситуации, когда в Палате Общин ей об этом тактично напомнили. В 1601 г. в округах наблюдалось значительное недовольство монополиями, и в конце концов Елизавета поняла, что требовалась настоящая уступка. Она позвала спикера Крука и объявила о приостановке деятельности агрессивных монополий: «Да наполнит нас Господь благодарностью и да пошлет ей много лет правления над нами», — произнес спикер[167].

Но ключевой тактикой королевы было держаться с большим достоинством, напоминая парламентариям и пэрам, что они ее подданные, а она их богоизбранная королева. Нечего ее запугивать, сказала она им в 1566 г.: «Я ваша королева, помазанница Божья, и насилие никогда не заставит меня что-либо сделать». Елизавета угрожала тем, кто жаловался, и тем, кто их подстрекал, как в 1585 г.: «Они вмешиваются в дела выше их разумения, которые их не касаются, и за это мы призовем к ответу некоторых из них. Как мы понимаем, их поддерживает кое-кто из нашего Совета, мы их переубедим или же выведем некоторых из Совета»[168]. Она обращалась, выходя за рамки своего Совета и обсуждаемого вопроса, прямо к членам парламента вообще и к их лояльным избирателям. Иногда, как в 1576 и в 1593 гг., ее выдающиеся парламентские речи не были слышны тем, для кого они на деле предназначалась — задним рядам толпы — поэтому они бывали переписаны и распространены. Она послала копию своей речи на закрытии парламента в 1576 г., которой, по-видимому, гордилась, своему крестному сыну Джону Харингтону, и многочисленные другие копии были распространены при дворе. Тщательно подготовленная риторика не должна была пройти даром. С 1585 г. ее речи намеренно и систематически копировались и широко распространялись, они также печатались в хрониках того времени в отдельных изданиях.

Елизавета старалась снизить давление парламента и путем ограничения обсуждаемых тем. Она пыталась помешать советникам использовать парламент против нее, доказывая, что некоторые вопросы — за пределами его компетенции и могут быть решены только королевой при консультации ее Совета. В 1571 г. в своем ответе на традиционную просьбу спикера о свободе слова в Палате Общин лорд-хранитель Бэкон сообщил: королева «сказала, что было бы лучше, если бы они не вмешивались в дела государства, если только эти дела не выдвигалась на их обсуждение, а занимались бы другими делами, касающимися всего сообщества». Елизавета сформулировала

новое различие между «делами государства», высокой политикой, которые парламент должен обсуждать, только если она их попросит, и «делами сообщества», теми общественными и экономическими вопросами, которыми парламент обычно и занимался. Парламент попросили не затрагивать вопросов, решение которых было прерогативой монархини. Лорд-канцлер Бромли попросил Палату Общин в 1581 г. «не заниматься делами ее государства, которые касаются ее прерогатив, а также религией»[169]. Практически, Елизавета в ряде случаев пыталась воспрепятствовать обсуждению в парламенте законопроектов — о престолонаследии в 1566 г.; о религии в 1572, 1576, 1581, 1584, 1585, 1589 и 1597 гг.; о королевских финансах в 1589, 1597 и 1601 гг. Существовало еще одно различие, на котором Елизавета настаивала. В 1599 г. Бэкон сказал парламенту: королева даровала им свободу слова при условии, что они «ни по неразумию, ни по беспечности не забудут о своем долге, почтении и послушании своему монарху». Как объяснил сэр Уолтер Майлдмей в 1576 г.: «Нам нельзя забывать о различии между свободой слова и распущенностью в словах, ибо благодаря первой люди могут выражать свое мнение свободно, но с условием, что все говорится к месту, скромно, осторожно и с почтением. Вторая, наоборот, ведет к тому, что все произносится не к месту, необдуманно, высокомерно и непочтительно, не принимая во внимание лицо, время или место». Свобода слова была разрешена, но только если ею пользовались разумно — как лаконично выразился Пакеринг в 1593 г.: «Ее Величество дарует вам свободную, но не распущенную речь; следовательно, это свобода, но с должным ограничением»[170]. Это ограничение на стиль ведения споров вызвало гораздо меньше дебатов, чем ограничение на область дискуссий, и те, кто, как Питер Уэнтуэрт, заходили слишком далеко, подвергались наказанию в Палате. Но, тем не менее, это было важное ограничение, потому что фактически оно лишило парламентариев возможности возражать против прямых королевских указов.

Не во всех случаях, и даже не слишком часто королеве удавалось ограничить парламентские дебаты «безопасными» вопросами. Члены Совета и их агенты заводили членов парламента в области, которые Елизаветой были отмечены как запрещенные, они пытались оказать на нее общественное давление — особенно по поводу престолонаследия, религиозной реформы, Марии Стюарт и внешней политики. Но у нее была возможность заставить быть осторожными всех, кроме самых решительных; она сделала свой гнев орудием любого политического расчета и заставила парламент считаться со

своими прерогативами. Как написано в одном дневнике в 1572 г.: «Послание, которое запретило внесение законопроектов насчет религии в Палату, как многим кажется, нарушает свободу Палаты, но по этому поводу никто ничего не сказал»[171]. В 1601 г., когда члены парламента настроились получить какую-то реформу против монополий, шли долгие дебаты о том, как действовать по делу, так близко затрагивающему монаршую область Елизаветы. Не следует воображать, что парламент нарочно старался бросать вызов полномочиям монархини: скорее, расширяя свои прерогативы вековыми способами, Елизавета расширяла возможность ограничивать дискуссию и избегать конфронтации. Тактическими маневрами, ораторским искусством и редкими уступками Елизавета обычно мешала своему парламенту, руководимому ее Советом, представлять ей законопроекты, против которых она возражала.

И если ее приемы предотвращению не помогали, если нежелательный законопроект представлялся, она всегда могла наложить на него вето. Но парламентский успех Елизаветы измеряется как раз тем, что она редко использовала вето по важным вопросам: ей этого не приходилось делать. За тринадцать сессий на королевское утверждение Елизавете было представлено примерно 506 законопроектов: она пропустила 436 и наложила вето приблизительно на 70 — всего 14 процентов, в среднем 5 за каждую сессию. И какие же законопроекты не прошли? В 1597 г. было отклонено необычно высокое количество законопроектов, 12 из 55. Это были: законопроект о регистрации штрафов в суде по гражданским делам; о запрещении пивоварням использовать больше двух котлов; об изменении порядка наследования земельных участков; о разрешении семье Спенсеров отчуждать земли; о предотвращении двойной оплаты по цеховым книгам; законопроект о борьбе с тайными правонарушениями; о регулировании производства сукна в Эссексе и Суффолке; о разрешении Эдмунду Молиньюксу продать земли, чтобы заплатить долги; об изменении ссуд под залог; о разрешении арендаторам пользоваться землей в случае неуплаты; относительно Гарре де Малина и Джона Хангера, иностранных купцов; о подтверждении купеческого устава в Ньюкасле-на-Тайне. Только один из законопроектов, об арендаторах, затрагивал интересы короны, так почему же пострадали Спенсеры, или пивовары, или эссекские суконщики, или Гарре де Малин?

Почти все законопроекты, отклоненные в царствование Елизаветы, касались интересов частных лиц и групп. Похоже, что те, кто был против законопроекта, но не смог остановить его в

парламенте, возможно, попросили королеву отклонить его. В 1585 г. судебные власти и граждане Конвея в Северном Уэльсе подали Берли просьбу уговорить Елизавету отклонить законопроект о проведении квартальных сессий Карнарвоншира только в Карнарвоне, а не в Карнарвоне и Конвее. Законопроект проталкивался парламентариями от Карнарвона. Конвей не имел своих представителей, и город вынужден был прибегнуть к просьбе о вето. Берли, по всей вероятности, помог, и Елизавета отклонила законопроект. За все время своего правления она отклонила меньше десяти законопроектов из-за того, что они вторгались в область ее компетенции или противоречили ее политике; 10 политических вето на 506 законопроектов. Только в 10 случаях (а может быть, даже 5) ей не помогло ее политическое искусство. Только тогда, когда ей не удавалось справиться со своими советниками, подкупить своих придворных, запугать своих епископов и пэров и очаровать задние ряды своего парламента — только тогда ей приходилось использовать свою конституционную власть.

Когда министры Елизаветы терпели поражение в Совете и при дворе, они обращались к парламенту — но там они тоже не могли одолеть ее. Елизавета не сдалась по вопросу о престолонаследии в 1563 и в 1566 гг., насчет религии в 1566, 1571 и 1584; по антикатолическим законам в 1571 (хотя в 1581 она пошла на компромисс). Она не уступила по поводу Марии Стюарт в 1572 г., и если уступила в 1587, то только в силу доказательства того, что Мария действительно замышляла ее убить, но еще и потому, что, просидев на троне почти тридцать лет, она поняла: чтобы удержать верность англичан, ей больше не нужно запугивать их возможным воцарением Марии. Елизавета добивалась своего, потому что она овладела искусством управления англичанами: она их нянчила. Она использовала силу своей личности и фанатичную личную преданность, которую способна была пробуждать, чтобы разрушать политические союзы, которые иногда пытались сломить ее. Те, кто кричал о решительных действиях, начинали чувствовать себя виноватыми и смущенными: они что, в самом деле сомневались в ее приверженности протестантской вере или в ее любви к своим подданным? Учитывая эффективность мифотворческого механизма, ни один мужчина не мог признаться в сомнении — а у женщин не спрашивали.

Глава 7. Королева и армия

Елизавета I прилагала постоянные усилия, чтобы заставить людей делать то, что она хотела. Она допекала своих советников, очаровывала своих придворных, нянчила своих парламентариев, и она почти всегда добивалась всего — или почти всего. Ей пришлось пожертвовать герцогом Норфолкским в 1572 г. и шотландской королевой в 1587, но она выиграла остальные политические битвы и сохранила власть над своим окружением. Но с военными и морскими командующими было иначе: здесь ее успехи были гораздо меньше. В какой-то степени это удивительно, поскольку они подвергались такому же искусу и соблазну, которые укрощали других мужчин. Ее генералы и адмиралы не составляли отдельных профессиональных групп: это были ее пэры, ее советники, ее придворные и члены ее парламента, и в другом качестве она добивалась контроля над ними. Но когда они получали командование армией, когда их посылали за моря как уполномоченных королевы, они переставали слушаться — они забывали даже о полученных приказах — и шагали по полю битвы или по палубе корабля как независимые лидеры.

Крайним случаем был граф Эссекс, который смотрел на войну как на восхитительную игру и как на возможность покрасоваться во всем блеске — пока, в 1599 г., ирландцы его не проучили. Когда в качестве английского командующего в Нормандии в 1591 г. он встречался с королем Франции, перед ним шли четыре пажа в оранжевом бархате с золотой вышивкой; на нем и на его лошади был оранжевый бархат, украшенный драгоценными камнями; перед ним играли шесть трубачей, за ним следовали двенадцать оруженосцев и шестьдесят пышно разодетых дворян в качестве эскорта. Между тем его солдаты дезертировали, потому что им не платили и не кормили их, а военные цели похода не были достигнуты. Так вел себя не только Эссекс. Командующие королевы, с начала ее правления и до конца, забывали о своих обязанностях и думали о своей собственной славе и выгоде. Отношения Елизаветы с ее военными руководителями показывают границы ее власти. Как будто бы нянино влияние простиралось только до дверей детской комнаты: а стоило мальчикам вырваться наружу, как они начинали играть в свои собственные глупые игры.

Весной 1559 г. договором в Като-Камбрези агентам Елизаветы удалось вырваться из дорогостоящей войны с Францией, унаследованной от Марии. Но французская угроза оставалась, и

господствующей проблемой во внешней политике было присутствие французской армии в Шотландии — где она поддерживала католический режим против протестантских повстанцев. Испанский посол в Лондоне, который считал англичан слабыми трусами, высокомерно докладывал: «Невозможно себе представить, как эти люди боятся французов на шотландской границе»[172]. Тайный совет подозревал, что если бы французам удалось победить протестантских повстанцев в Шотландии, они бы затем вторглись в Англию и посадили Марию Стюарт на английский престол: в конце концов, Мария носила английский герб. Поэтому цель внешней политики Елизаветы была ясна: выдворить французов из Шотландии. Каким образом — это вызывало много споров. Вильям Сесил, при поддержке военных в Совете, выступал за военную интервенцию; Елизавета боялась расходов и непредсказуемости исхода и не хотела помогать шотландским повстанцам, она хотела добиться отхода французов путем переговоров. Сесил добился своего, пригрозив отставкой, если его политика не будет принята.

Решение вторгнуться в Шотландию было принято в канун Рождества 1559 г., и формирование войск началось вскоре после этого — но приказ перейти границу не отдавался до 29 марта. Это были типично Елизаветины действия, начавшиеся колебаниями и задержками и доведенные до бесславного конца, потому что политика не была достаточно ясной, а военачальники не поддавались контролю из Лондона. Невероятно долгая осада французского гарнизона в Лите была центром кампании, а неудавшийся штурм 7 мая 1560 г. был главной катастрофой. Далеко идущие причины военного поражения в Шотландии указывали на будущие проблемы. Явное предпочтение Елизаветы переговоров подтолкнуло к сверхпоспешным действиям ее командующих, которые хотели одержать славную победу до того, как королева скажет им, что война окончена. Цепь передачи приказов была усложнена тем, что герцог Норфолкский был назначен лордом-наместником севера, посредником между Советом в Лондоне и лордом Греем, командующим армией в Шотландии. Для поста Норфолка не было военного оправдания, по-видимому, этому способствовал Роберт Дадли, чтобы убрать от двора противника его предполагаемой женитьбы на Елизавете. Следовательно, на севере герцог нажимал на своих подчиненных, чтобы они побыстрей завершали кампанию и он мог бы вернуться в Лондон.

В Шотландии план Грея насчет штурма Лита требовал больше людей, чем у него было, и нехватка привела к провалу. Недели пребывания на границе с последующей осадой привели к

высокому уровню дезертирства, но капитаны скрывали пробелы в своих ротах, чтобы получать жалованье, положенное бежавшим. Предполагалось, что у Грея было 9500 пехотинцев; он составил план атаки, для которого требовалось 9000, но по всей вероятности у него и 5000 не было. Наконец, от солдат потребовали невозможного. Сэра Джемса Крофта послали осмотреть пробоину в стенах Лита, которую, как думали, разрушила артиллерийская подготовка; он доложил, что французы заделали дыру и штурм обречен на неудачу. Но Грей, командующий, все равно решил штурмовать, вероятно, думая, что его репутация зависит от быстрой победы. Крофт ничего не мог сделать: так как он явно устилал свое гнездышко за счет отчислений для своей части в Берике, он не решился пожаловаться Норфолку или королеве, опасаясь, что за это Грей раскроет его злоупотребления. Так что штурм состоялся. Как и всегда на войне, передовые отряды расплатились за корыстные интересы своих командиров: штурм Лита окончился полным провалом. Французы сопротивлялись достаточно слабо, но англичанам много неприятностей доставили шотландские проститутки, которые, желая защитить своих французских клиентов, швыряли на осаждавших камни, поленья и горящие уголья. Около пятисот английских солдат было убито в атаке, и дезертирство продолжалось, так что у Грея осталось слишком малое войско, чтобы продолжать штурм. Королева была в ярости от цены всего этого, и особенно из-за необходимости посылать дорогостоящие подкрепления. Она устроила Сесилу тяжелую жизнь; он сообщал: «У меня здесь такие мучения с Королевским Величеством, она мне въелась в печенку». Но к счастью, французам тоже надоело держать армию в Шотландии, и начались переговоры о выводе обоих войск. В этом смысле стратегическая цель вторжения была достигнута, несмотря на тактическую ошибку. Но это дорогое и показательное мероприятие должно было научить Елизавету, сколь опасны военные действия.

И все же двумя годами позже королева разрешила уговорить себя на похожий, хотя гораздо более губительный поход — вторжение во Францию в поддержку восставших гугенотов. Ее увлек энтузиазм Роберта Дадли, который очень хотел добиться серьезного политического успеха после слухов о том, что он убил свою жену. А главное, Дадли старался восстановить свое доброе имя протестанта после того, как некстати стало известно, что он пытался добиться женитьбы на Елизавете с испанской и католической помощью. Итак, он бросился на международную защиту протестантов: он вел частные переговоры с лидерами

французских гугенотов, он посылал во Францию своих собственных представителей, он уговаривал Елизавету поддержать вторжение. Во время дебатов Тайного совета в 1562 г., единственный раз за все свое правление, Елизавета отстаивала военные действия, угрожая принять самостоятельное решение, если Совет побоялся разделить ответственность. Но в основном командовал парадом Дадли.

Именно Роберт Дадли взял на себя инициативу в установлении связи с французскими протестантами. Его брат Амброс, граф Уорик, был назначен командующим оккупационной армией несмотря на то, что его военный опыт был весьма ограничен; французские протестанты волновались, они надеялись, что у Уорика будут опытные консультанты. Военный совет Уорика кишел протестантами-фанатиками и союзниками Дадли, и все мероприятие было задумано и выполнялось теми, кто хотел, чтобы международная Протестантская лига защищала веру от папства. Но Елизавета не полностью потеряла голову на идеологической почве. Похоже, что ее собственной целью был возврат Кале, а не защита правды. В данном случае, однако, не была достигнута ни одна цель, и во Франции дела шли плохо с октября 1562 г. до июля 1563. Французские протестанты выдали под защиту Уорика Дьепп и Гавр, но Елизавета побоялась разделить свое войско, и гарнизон в Дьеппе был слишком мал. Дьепп скоро сдался католикам, а английская армия обнаружила, что она заперта в Гавре.

Французские протестанты все больше и больше — и справедливо — начали догадываться о намерениях Елизаветы. У них не было никакого желания сдерживать французскую армию, пока англичане захватят Кале, или смотреть, как англичане поменяют Гавр на Кале. Враждующие французские фракции заключили мир, и маленькое английское войско осталось одно против французов. Казалось, Елизавета потеряла всякую надежду на успех: когда Уорик попросил подкреплений, чтобы вырваться из Гавра, она отказала; когда он попросил денег, чтобы укрепить оборону, она и в этом отказала. В гарнизоне началась чума. Вскоре уровень смертности достиг 100 человек в день, а заболевали вдвое больше, и не хватало людей для защиты укреплений. Уорик вынужден был сдать Гавр французам и увезти остатки своего войска обратно в Англию — то, что не унесла страшная эпидемия чумы. Уорик увез во Францию 3500 человек, а вернулось едва ли больше тысячи. Гаврский поход обошелся Елизавете в 250 000 фунтов, тогда как обычный доход был примерно 200 000: она вынуждена была занимать, а ее кредит на Антверпенском денежном рынке развалился. Ей пришлось

обращаться в парламент за субсидией, дважды снижали уровень облагаемого, чтобы захватить и бедных в налоговую сеть. Все это было отрезвляющим уроком для Елизаветы, и катастрофа «Ньюхейвенской авантюры» привела ее к решимости избегать военных столкновений за границей. Когда Елизавета в следующий раз послала войска на континент, в 1585 г., это во многих отношениях было интригующим повторением 1563 г. Она снова послала армию на помощь протестантским повстанцам против их католического правителя — голландцы восстали против Филиппа II. Снова это мероприятие было запланировано, упаковано и продано королеве группировкой Дадли под видом защиты протестантской религии. Снова походом командовал человек из рода Дадли — сам Лестер, — и опять поход оказался дорогостоящим провалом, в котором опять больше всего пострадали солдаты — они дрожали от холода и голодали. Но в одном чрезвычайно важном отношении 1585 г. отличался от 1562: королева Елизавета с самого начала не верила в этот проект, и ее сомнения во многом способствовали его исходу. За исключением недофинансированных походов в Ирландию для подавления беспорядков, Елизавета избегала прямых военных действий двадцать два года после Ньюхейвена. Лестер и его союзники обрабатывали ее с 1576 г., чтобы она санкционировала военное вмешательство в Нидерландах, но она сопротивлялась и прибегла к ряду менее дорогостоящих действий. В конце концов она согласилась, когда ее к этому вынудила серия дипломатических неудач.

В июне 1584 г. смерть рябого герцога Алансонского, когда-то ею любимого, лишила ее орудия, которое она использовала для соблюдения интересов Франции в защите Нидерландов от Испании. В июле убийство Вильгельма, герцога Оранского, устранило то, что казалось единственной связующей силой в разъединенных провинциях: военное продвижение Пармы ускорилось, и ряд голландских городов сдались испанскому оружию. В декабре 1584 г. французская Католическая лига подписала договор с Филиппом II в Жуанвиле, так что Елизавета столкнулась с возможностью испанского господства и во Франции, и в Нидерландах, что ставило Англию перед опасностью вторжения. Поэтому в августе 1585 г. Англия и Генеральные штаты Объединенных Провинций подписали договор в Нонзухе, по которому Елизавета брала голландцев под свою защиту и обещала выделить им 6400 пехоты, 1000 кавалерии и 126 000 фунтов ежегодно на их содержание. Но — недоброе предзнаменование — королева немедленно нарушила договор, послав тайного эмиссара к герцогу Парме, чтобы

рассказать ему о союзе и предложить ему пойти на уступку голландцам.

24 сентября 1585 г. Елизавета наконец согласилась назначить Лестера генерал-капитаном армии в Нидерландах. Лестер тут же послал 200 писем своим друзьям и союзникам с приказом об отплытии — но 25 сентября королева приказала ему прекратить подготовку. Хотя задержка оказалась короткой, были еще проволочки в конце октября из-за сомнений королевы относительно стоимости и риска эскалации. Официально Лестер был назначен в середине ноября и получил право вести войну в Нидерландах по своему усмотрению, но инструкции, которые он получил в декабре, содержали ограничения: «Мы требуем от Вас такого ведения дел, чтобы война была скорее оборонительной, чем наступательной, и чтобы всеми возможными силами вы избегали опасности сражений»[173].

Лестер считал свой поход первым шагом к созданию Лиги протестантов для сокрушения власти католиков; Елизавета видела в нем средство уговорить Филиппа соблюдать местные свободы его бургундских подданных.

Елизавете не нравилась экспедиция Лестера, и она не верила в ее успех. Она откладывала отъезд своего генерала до декабря 1585 г., хотя первые отряды переправились в Нидерланды в августе, Оказалось, что она не хочет выкладывать деньги на подготовку к операции, и Лестеру пришлось просить заем у Сити в 25 000 фунтов под залог своих собственных поместий. Она открыто заявила при дворе, что ей не нравится этот поход, обеспокоив таким образом своих голландских союзников и обнадежив Парму, испанского командующего. Елизавета продолжала вести переговоры с Пармой, из-за чего Лестер нервничал, полагая, что его используют в каких-то целях и оставят в дураках. Он обеспокоено писал из Нидерландов, прося подкреплений и сведений о намерениях королевы, и его агенты при дворе подтверждали его опасения. Томас Вавасур докладывал в марте 1586 г.:

> «Я понимаю со слов Ее Величества, что от неопределенного мира отказа не будет, и для этого Вы используетесь всего лишь как орудие; ибо, разговаривая с Ее Величеством о необходимости вывести солдат в поле, я понял, что она совершенно заткнула уши, особенно относительно расходов. „А что, — говорит она, — если тем временем наступит мир?“»[174]

Предприятие Лестера в Нидерландах почти полностью повторило кампанию 1560 г. Королева рассматривала свою

армию как противовес в торговле, она хотела, чтобы ее военачальник сохранил войска и тратил как можно меньше; военачальник же считал, что бездействующая армия ничего не достигнет, и пытался воевать, но для этого у него было слишком мало людей и не хватало денег. Дело усложнялось еще одним обстоятельством. Граф знал, что, пока он отсутствует, у него при дворе слабая позиция, и подозревал, что Берли, Кобем и Крофт интриговали против него. Неудивительно, что он хотел поднять свои позиции в Нидерландах и поглубже втянуть Елизавету в голландские дела. Когда Генеральные Штаты предложили ему должность генерал-губернатора, он ее принял, несмотря на настояния королевы, что он не должен делать ничего, что может быть истолковано как утверждение ее власти и ответственности. Голландцы хотели безвозвратно привязать Англию к своей борьбе, и Лестер думал, что он не может нанести поражение Парме, если не будет объединенного командования. Он принял эту должность, хотя и знал, что Елизавета придет в ярость, и позволил, чтобы его титул объявили по всем Нидерландам.

Но ярость королевы превзошла его ожидания: она подумала, что голландцы одурачили Лестера, а он дурачит ее. Елизавета ему написала: «Наше ярко выраженное желание и приказ таков, чтобы, бросив все задержки и оправдания, Вы немедленно, как повелевает долг Вашей верности, подчинились и выполнили все, что Вам скажет податель сего от нашего имени: и не вздумайте ослушаться, так как за невыполнение Вам придется ответить по самой страшной строгости!» Податель, сэр Томас Хенедж, сказал Лестеру, что он должен публично отречься от должности генерал-губернатора. Это было унизительно. Когда Хенедж доложил королеве, что было бы неразумным подорвать авторитет Лестера и обидеть голландцев таким заявлением, она ответила: «Делайте, как вам приказывают, а свои рассуждения оставьте для своих собственных дел!». Через месяц Елизавета все еще не успокоилась; брат Лестера писал ему: «Крайний гнев нашей госпожи скорее увеличивается, чем утихает, и приводит к исторжению страшных угроз в твой адрес. Поэтому прими те меры предосторожности относительно себя, какие только можешь, и не верь ее словам, потому что злоба ее велика и неутолима, так думают здесь самые мудрые»[175].

В конце концов, после значительного давления на королеву со стороны членов Тайного совета, дело потихонечку замялось. Лестер не должен был публично отрекаться от звания, но он и все остальные должны были забыть, что он его когда-либо получал. Был достигнут компромисс, но только спустя месяцы после мучительного политического конфликта, который помешал ему

принести в Нидерландах хоть какую-нибудь пользу, Лестеру удались мелкие военные успехи в ходе летней кампании 1586 г.; но ему мешало то, что он не умел воевать, что у него были плохие отношения с более опытными заместителями и недоверчивыми голландцами; что система призыва и снабжения в Англии была плоха, а Елизавета не хотела тратить людей и деньги. Королеве была нужна война подешевле, и она не желала признавать, что такой не бывает. У Лестера всегда не хватало людей. Роты всегда были малочисленны из-за недостаточного набора, смертности и дезертирства, и капитаны были заинтересованы в том, чтобы все так и оставалось — они требовали плату за всех солдат в списке и присваивали то, что полагалось мертвецам и дезертирам. К тому времени, когда сам Лестер добрался до Нидерландов, армия его вдвое сократилась против бумажной: понадобилось три месяца жалоб, пока королева прислала 2000 подкрепления, но денег на них не выделила.

Лестеру выдавали деньги, недостаточные для оплаты, снабжения и оборудования, поэтому дезертирство продолжалось и решительные военные действия были невозможны. В своей решимости потратить не больше, чем было совершенно необходимо, Елизавета посылала недостаточно, и посылала нерегулярно — хотя правда и то, что финансовый контроль ее военачальника никуда не годился, а отчеты его были просто смешными. Итак, солдатам не платили, они вынуждены были кормиться за счет своих голландских «союзников», что плохо сказывалось на отношениях. В гарнизоне Девентера дела пошли настолько плохо, что сэр Вильям Стенли и Роланд Йорк сдали город Парме и увели свои ирландские войска сражаться на стороне испанцев — что еще больше ослабило позиции Лестера в Генеральных Штатах. Когда он не смог удерживать осаду Слейса и город сдался, Елизавета решила искать соглашения с Пармой, и это окончательно добило репутацию Лестера в Нидерландах. Он отказался от командования в декабре 1587 г. и вернулся в Англию униженный, если не опозоренный.

Английское войско оставалось в Нидерландах до конца правления: в 1603 г. подсчитали, что это обошлось в 1419596 фунтов, вероятно, шесть лет обычных поступлений в казну, и трудно сказать, было ли достигнуто что-нибудь существенное. Может, единственным реальным достижением было отрицательное: армия в Нидерландах спустила Англии на голову испанскую Армаду. Ибо что бы ни измышляла английская националистическая историография, Армада посылалась не затем, чтобы покорить маленькую храбрую Англию; она была послана, чтобы вытеснить маленькую назойливую Англию из

Нидерландов. Инструкции Филиппа II своим военачальникам были следующими: как только они разгромят оборонительную армию Елизаветы, они должны потребовать терпимости для английских католиков (папский заем говорит о том, что он должен был об этом попросить) и ухода Англии из Нидерландов. Похоже, Филипп был гораздо больше поражен английским вкладом в защиту Соединенных Провинций, чем большинство историков. Но стоимость борьбы с Армадой, как полагают, 161 000 фунтов, должна быть добавлена к стоимости Нидерландской кампании, хотя и косвенно, и в целом получается 1 580 781 фунт. Милый друг Роберт Дадли, граф Лестер, обошелся крайне дорого. Поражение испанской Армады в 1588 г. ничего не решило. В Нидерландах все еще находилась успешно действующая испанская армия, испанцы по-прежнему поддерживали французских католиков против гугенотов, и оставался риск испанского вторжения: в 1596 и в 1599 гг. тоже были армады. В 1591 г. сэр Роджер Вильямс, опытный армейский командир и самозванный стратег, говорил на Тайном совете, что было три способа заставить Испанию смириться: победить испанскую армию в Нидерландах; операции и на море, и на суше, чтобы досаждать побережью Испании и Португалии; военно-морские вылазки в Атлантический океан, чтобы перекрыть поток испанского серебра из Мексики и Перу. Вряд ли этот анализ сильно обнадеживал: наземные операции были бы чрезвычайно дорогими; смешанные было бы трудно координировать; а военно-морской вариант был чересчур неопределенным — флот с серебром мог себе тихо ползти сквозь Атлантические штормы, а английский флот невозможно было без конца держать в море, чтобы создать эффективную блокаду. Каждый из этих вариантов имел в Совете и при дворе своих сторонников, а дебаты способствовали фракционным конфликтам 1590-х гг.

Существовала партия, руководимая графом Эссексом, лордом Уиллоби и сэром Робертом Сидни, поддерживающая старую программу Лестера о высадке на континент и решительных военных действиях в защиту голландских и французских протестантов. Военно-морское лобби во главе с лордом-адмиралом Говардом и сэром Уолером Рэли при поддержке Сесилов защищало войну на море, доказывая, что она дешевле, безопаснее и имеет большие шансы на успех. Елизавету привлек более дешевый вариант, особенно учитывая, что трофеи из испанских портов и кораблей могли привлечь частные вложения в экспедиции. Политически группа Эссекса была слабее, а то, что Сесил держал железной хваткой раздачу милостей, мешало графу проталкивать своих союзников. Итак, королева обычно

поддерживала морское лобби, хотя временами ее вынуждали к сухопутным кампаниям во Франции, где она не хотела торжества Испании. Но существование соперничающих стратегий и резкий раскол двора означали, что и сухопутное, и морское планирование часто было непонятным и ошибочным, и политическая линия редко доходила до решающего заключения. И самое главное, Елизавета снова и снова убеждалась, что, как только армия или флот покидали берега Англии, она не могла контролировать командующих.

Невозможность контроля на море была продемонстрирована в 1589, 1596 и 1597 гг., когда королева послала морские экспедиции с четкими инструкциями ослабить Испанию. Лишь только корабли выходили из Ла-Манша, командующие поступали так, как хотели, и силы Елизаветы тратились на защиту личных интересов и амбиций. В феврале 1589 г. Елизавета отправила недвусмысленные приказы сэру Фрэнсису Дрейку и сэру Джону Норрису: они должны были уничтожить корабли, которые остались от Армады в испанских портах Бискайского залива, чтобы предотвратить еще одно нападение, и как только это будет выполнено (и только тогда) они должны были захватить Азорские острова как базу для дальнейших действий против кораблей с серебром. Первоначальный план, в сентябре 1588 г., предусматривал и нападение на Лиссабон, но от этого отказались, когда поняли, что уцелевшие корабли Армады поплыли в Сантандер и Сан-Себастьян, а не в Лиссабон и в Севилью. Однако все мероприятие планировалось как коммерческое предприятие: королева давала 20 000 фунтов, командующие и их сторонники по 40 000 — и вложившие деньги ожидали прибыли. Но окончательные приказы Елизаветы оставляли слишком малый зазор для добычи, и от потопления испанских кораблей денег ожидать не стоило.

Похоже, что командующие заранее решили, что они идут на Лиссабон, что бы там королева ни говорила. Частично это было из-за участия графа Эссекса и «сухопутного лобби» в этом мероприятии: хотя официально он ничем не командовал, Эссекс много вложил в этот проект, участвовали многие его союзники, и он поспешил присоединиться к экспедиции, несмотря на запрет королевы — он поплыл прямо в Лиссабон. Основной флот, под командой Норриса и Дрейка, поплыл в Корунью, где они нашли только один корабль из Армады; вместо того, чтобы плыть дальше, они высадили войска и начали грабеж. Солдаты поглотили огромное количество испанского вина, напились мертвецки, и несколько дней от них не было толку. Армия потратила в Корунье две недели, восстанавливаясь после

коллективного похмелья, а затем флот поплыл дальше на Лиссабон — оставив корабли Армады в безопасности в Бискайских портах. В Лиссабоне на самом деле мало что было достигнуто: у командиров не было осадного оружия (не предполагалось, что они пойдут на город!), и после нескольких прогулок туда-сюда вокруг ворот армии пришлось удалиться.

Силы к этому времени значительно ослабели: корабли требовали ремонта, а болезни и дезертирство в Испании и Португалии оставили мало пригодных к действию матросов и солдат. В то время как Норрис повел основной флот обратно в Англию, Дрейк и меньшая группа отправились на Азорские острова, несмотря на приказ королевы, что они не должны делать этого до того, как уничтожат военные корабли в испанских портах. Но флот Дрейка попал в сильный шторм; многие корабли были повреждены, и они тоже вынуждены были отправиться домой. Флот вернулся в Англию, потратив, вероятно, 100 000 фунтов и потеряв 11 000 человек из 19 000 — и все зря. Елизавета в ярости писала Норрису и Дрейку, напоминая им, что «перед вашим отъездом отсюда вы в разное время и задолго наперед обещали нам, клятвенно уверяя нас и кое-кого из нашего Совета, что вашим первым и главным действием будет захватить и обезвредить военный флот и корабли короля Испании в тех портах, где они находились; и если вы этого не сделаете, уверяли вы, вы согласны будете считаться предателями»[176].

Но каковы бы ни были приказы или клятвы, это все не имело значения, как только корабли покидали Плимут.

Мало чем от этого отличалась экспедиция в Кадис в 1596 г. Опять это было частное предприятие, во многом финансируемое объединенными командующими, Эссексом и Говардом, и всегда был риск, что прежде всего они захотят вернуть вложенное, а стратегические соображения отойдут на второй план. Более того, предприятие было испорчено враждой и соперничеством между руководителями. Большой флот отправился в Кадис, уничтожил ряд испанских военных кораблей и торговых судов, и войска под командованием Эссекса высадились и захватили город. Но командиры никак не могли договориться, что делать дальше; Эссекс и его союзники, сторонники наземной войны против Испании, хотели устроить в Кадисе постоянную базу, но сторонники морской войны, оказавшись в большинстве, хотели добраться домой со своей добычей. Кадис был сожжен, и флот отплыл домой. Основной испанский флот на Тахо не подвергся нападению и не делалось попыток перехватить торговый флот из Америки. Награбленное в Кадисе, обещанное королеве, Эссекс и Говард отдали своим людям, так что стратегический провал для

короны обернулся и финансовыми потерями.

В походе на Кадис по крайней мере Эссекс проявил стратегический интерес, заходивший дальше обыкновенного грабежа: он предлагал сделать Кадис базой с гарнизоном, откуда можно было бы справляться с испанскими перевозками. Но в 1597 г., во время «путешествия на острова» он также пожертвовал здравой стратегией ради надежды на легкую наживу и триумфальную славу. Как и в предыдущий год, поход 1597 г. стал результатом раскола: некоторые придворные наблюдатели думали, что весь проект был придуман Сесилом и Рэли, чтобы убрать Эссекса подальше от двора. У Эссекса, однако, не было выбора: ему приходилось отправляться, так как он катастрофически нуждался в деньгах и еще больше в сногсшибательной победе, чтобы утвердить свою политическую позицию. Плавание 1597 г. задумывалось как успешное повторение экспедиции 1589 г.: Эссекс должен был уничтожить испанский флот в порте Феррол, а затем двинуться на Азоры, чтобы перехватывать флот с сокровищами из Америки. Но снова ничего не получилось. К тому времени, когда английский флот доплыл до иберийских берегов, подумали, что в нем не хватает порядка для того, чтобы справиться с испанским флотом, частично из-за антагонизма между Эссексом и вторым после него командующим Рэли. Первая, и более важная, часть плана была отброшена.

Вместо этого флот поплыл к Азорским островам. Рэли попал туда первым и, опередив своего командира, взял город: Эссекс пригрозил, что отрубит ему голову за неповиновение. Дезорганизованный этой склокой, английский флот не сумел перехватить испанский флот с сокровищами, тот благополучно проплыл мимо, а Эссекс отправил свои корабли обратно в Англию, и нечем ему было похвастаться в результате этого дорогостоящего мероприятия. Эссексу опять не удалось добиться победы, которая ему была нужна для укрепления своего пошатнувшегося положения при дворе. В 1589, 1596 и 1597 гг. Елизавета высылала корабли с двумя основополагающими задачами; уничтожение испанского военного флота и захват флота с ценностями. В 1596 г. были хотя бы попытки ослабить испанский военный флот, в 1597 г. неудавшаяся попытка захватить сокровища. Но в основном приказы забывались, а командующие искали гарантированного грабежа и легкой славы. Елизавета сколько угодно могла строить планы кампаний, но обеспечить их осуществление она не могла: в открытом море Дрейк, Норрис, Говард, Эссекс и Рэли напрочь забывали о ее инструкциях.

И на суше генералы тоже делали, что хотели — хотя, поскольку в XVI в. армии были не такие поворотливые, как флот, неповиновение было не таким наглым и генералы, по крайней мере, сражались с более или менее тем же противником и в более или менее нужном месте. Но в действии видны те же самые проблемы политического контроля над военными маневрами. В 1589 г. Елизавета решила, что ей следует поддержать нового протестантского короля Франции Генриха IV, чтобы предотвратить поглощение Франции Испанией — или, по крайней мере, помешать Филиппу захватить французские порты в Ла-Манше. Она согласилась послать 4000 человек в Нормандию под командованием лорда Уилоуби на месяц. Но как раз когда войско подготовилось сесть на корабли в Дувре, Генрих передал через французского посла, что поддержка ему больше не нужна, и Уиллоуби приказали ждать. Однако Уиллоуби жаждал личного успеха и разделял взгляды Эссекса на протестантскую военную лигу: он пренебрег известием и отплыл не посоветовавшись ни с королевой, ни с Советом. Вальсингам предупредил его, что он может надеяться лишь на минимальную финансовую поддержку: «Боюсь, что войска, служащие под командованием Вашей светлости, окажутся в крайне тяжелом положении из-за отсутствия оплаты»[177]. Но это не остановило Уиллоуби.

Он провел десятинедельную зимнюю кампанию, которая ничего не решила, в которой его солдаты участвовали в пяти стычках и промаршировали 400 миль по дождю и грязи, от Дьеппа до Луары и обратно на побережье около Кана — пока Генрих IV кидался туда-сюда без определенного плана действий. Английские войска страдали, как и предсказал Вальсингам, от нехватки еды и одежды, голода, болезней, истощения и враждебности французов — от французских врагов-католиков, от французских союзников-протестантов и от французских крестьян, перерезавших горло отставшим англичанам и тем, кто искал пищу. В конце декабря 1589 г. потрепанные остатки армии были в беспорядке удалены; только половина первоначального войска вернулась в Англию, и многие из них умерли в портах на южном побережье. Хотя историки спорят относительно того, насколько Уиллоуби помог Генриху IV, похоже, что не много. Кажется, что солдаты мучились ради такой решающей цели, как честолюбие их командующего.

Но к 1591 г. Генриху IV действительно нужна была английская помощь, поскольку одна армия испанской и французской лиги находилась в Бретани, а другая к концу года в Нормандии. Опять возникла опасность, что Испания захватит французские порты в проливе, что, как считали самовлюбленные

англичане, немедленно приведет к вторжению. В мае 1591 г. Елизавета послала небольшой отряд в 3000 человек в Бретань под командой сэра Джона Норриса, но кампания оказалась катастрофой с самого начала. Королева не хотела набирать (и оплачивать) совершенно новое войско, поэтому 1500 человек перевели из Нидерландов, в результате чего были ослаблены войска там. Некоторые солдаты Норриса были отделены и брошены на помощь защитникам Дьеппа от войск Католической лиги, и пару месяцев им не было замены. Как всегда был высок уровень дезертирства и болезней, а снабжение никуда не годилось. Английское войско бесцельно бродило по Бретани, теряя людей по дороге, пока осталась едва ли тысяча человек: в феврале 1592 г. Норрис оставил своих солдат в зимнем лагере и отправился в Англию клянчить подкрепления. Тем временем его оборванная армия была почти полностью уничтожена войсками Лиги в битве при Краоне в мае.

В июле 1591 года еще одна английская армия была послана во Францию — 4000 человек под командой графа Эссекса, чтобы помочь Генриху IV в осаде Руана. Но в Нормандии случилось то же, что и в Бретани, с прибавкой на импульсивность Эссекса. Генрих IV занимался своими делами и опасался вторжения Пармы из Нидерландов, а Эссексу оставалось только красоваться в своей славе и тратить силы своей армии и деньги своей королевы: «Где он, что он делает и что собирается делать, нам неизвестно», — писала Елизавета в бессильном гневе[178] — это признание почти целиком подытоживает отношения Елизаветы с ее военачальниками! К тому времени, когда осада Руана наконец началась 31 октября, у Эссекса оставалось, вероятно, тысяча человек и граф просил подкреплений. Осада продвигалась медленно, посылаемые подкрепления таяли, ожидаемое вторжение Пармы произошло, и в январе 1592 г. Эссекс все бросил и вернулся домой. В апреле Парма вынудил Генриха снять осаду Руана, и Елизавете нечем было отчитаться за 300 000 фунтов, потраченные во Франции.

А потом была еще Ирландия, где у англичан почти всегда ничего не получается. Походы против восстания Тирона дают два классических примера того, что королева теряла контроль над своими военными, как только они выходили в поле. В апреле 1599 г. Эссекс был послан в Ирландию во главе войска в 16 000 пехотинцев и 1300 всадников с твердыми инструкциями атаковать Тирона в Ольстере. Но как только Эссекс оказался в Ирландии, он начал делать все наоборот. Елизавета кипела от ярости, пока он маршировал взад-вперед по Ленстеру и Манстеру, швыряясь ее деньгами: она сказала при дворе, что летнее

продвижение Эссекса обходится ей в 1000 фунтов в день. Королева насмешливо упрекала Эссекса в письме от середины сентября за то, что он так и не дошел до Ольстера:

«Если причиной тому болезни в армии, почему не предпринималось никаких действий, когда армия была в лучшем состоянии? Если виной приближение зимы, почему потеряны июль и август — летние месяцы? Если весна наступила слишком быстро, а следующее лето не было использовано, если жатва, которая последовала, была так безобразно проведена, что ничего не сделано, тогда воистину нам приходится заключить, что Вам не подходит ни одно из четырех времен года!»[179]

Эссекс поставил себя в безвыходное положение. Он добивался командования в Ирландии в отчаянной попытке добиться политического влияния при помощи военного успеха и, прибыв в Ирландию, обещал: «Клянусь Богом, я добьюсь победы над Тироном на поле битвы!»[180] Но и в Ирландии легких побед не было. Он разбросал свои войска на гарнизоны незначительных фортов и городков в Ленстере и Манстере, оставив себе слишком маленькую полевую армию для эффективной кампании против Тирона. Его капитаны считали, что у него нет шансов победить Тирона или захватить плацдарм в Ольстере, и посоветовали ему выждать. Но неудачи уже разрушили то, что оставалось от его политической репутации при дворе и окончательно настроили королеву против него. Он пошел на отчаянный и предательский шаг: согласился на примирение с Тироном, увел свою армию в Дублин и, несмотря на четкие приказы оставаться в Ирландии, кинулся обратно ко двору, пытаясь восстановить свое политическое положение. Он выбросил на ветер 300 000 за пять месяцев.

В качестве лорда-наместника Ирландии Эссекса сменил лорд Маунтджой, гораздо более надежный военачальник — хотя он тоже подумывал об измене и прикидывал, не повести ли ему войска в Англию, восстановить власть Эссекса и провозгласить шотландского короля Якова VI наследником престола. Но высадка испанцев в Кинсале заставила Маунтджоя заняться неотложными делами: в конце 1601 г. он разгромил основную армию Тирона, а затем заставил испанцев сдаться. Но все еще оставалась проблема самого Тирона: Маунтджой надеялся склонить его подчиниться, но Елизавета решила, что его надо поймать и повесить. В конце концов она согласилась сохранить ему жизнь, но выставила невозможные по своей строгости условия. Роберт Сесил понимал, что Маунтджою придется нарушить приказ, и в феврале 1603 г. он просто попросил лорда-наместника сидеть тихо: «Итак, я надеюсь, что в своем

следующем донесении Вы напишете мне кое-что подходящее, чтобы показать Ее Величеству, и что-то, что должен знать я… таким образом должны находить выход все честные люди, когда они служат монархам»[181]. Маунтджой заключил с Тироном тайную сделку, а Елизавета умерла, не узнав правды.

Итак, Елизавета не справлялась со своими военачальниками, начиная от Грея в Шотландии в 1560 г. и кончая Маунтджоем в Ирландии в 1603, и поэтому своих целей достигала очень редко. Рэли позже утверждал, что неудачи в борьбе с Испанией были результатом того, что Елизавета не давала военным свободы действий:

> «Если бы покойная королева верила своим военным, как она верила своим писакам, мы бы еще при ней на кусочки разбили ту великую империю и превратили бы ее королей в апельсиновых и фиговых, как в старые времена. Но Ее Величество всегда останавливалась на полпути и мелкими наскоками научила испанца защищаться и видеть свои собственные слабости»[182].

Это был обычный крик военных: «Если бы только штатские нас вооружили, мы бы сделали свое дело». Конечно, что-то в этих словах есть. Елизавета действительно держала своих военачальников на коротком бюджетном поводке и относительно людей, и относительно денег, и ее солдаты часто были плохо накормлены и плохо одеты и вооружены. Но страдания простых солдат усугублялись еще и тем, что их командиры держали их на полях гораздо дольше, чем бывало намечено, а не только из-за того, что первоначальные ассигнования были недостаточны. Нет причин предполагать, что, если бы королева давала своим командующим больше людей и денег, они бы использовали их эффективнее. Проблема была в военных руководителях, а не в правительстве.

Правда, командирам поручали трудные дела, и их неудачи частично происходили из-за обстоятельств от них не зависящих. В Нидерландах и во Франции Лестер, Уиллоуби, Норрис и Эссекс руководили второстепенными силами, успех которых зависел от координации с иностранными союзниками, и не только Эссекс терпел неудачи в Ирландии. На море Дрейк, Говард, Эссекс и Рэли испытывали затруднения из-за плохой связи и разведки и из-за боязни подвергнуть опасности корабли королевы вдали от порта. Но эти офицеры не посылались против своей воли воевать, чтобы осуществить политические махинации: они сами предлагали эти предприятия, и они умоляли поставить их во главе. А как только оказывались во главе, просто делали то, что

хотели, вопиющим образом пренебрегая инструкциями: они были главными, так что могли делать что угодно. Несмотря на явное несогласие королевы, Эссекс продолжал использовать прерогативу командующего и жаловать дворянское звание на поле битвы — 21 в Руане в 1591 г., 68 в Кадисе в 1596 и 81 в Ирландии в 1599, тогда как сама Елизавета делала дворянами 10 человек в год. Вероятно, слава ударяла командующим в голову: когда нянюшка выпускала мальчиков из детской, они пользовались свободой на всю катушку.

Контроль Елизаветы над ее военачальниками ограничивался попытками снизить расходы. Привлекая финансовых партнеров к своим начинаниям, она вынуждена была делиться властью и оставлять своим союзникам свободу действий. Английские военные действия в Нидерландах были совместным предприятием с голландцами; во Франции они (теоретически) частично оплачивались Генрихом IV. От этого возникали проблемы конфликта интересов и разногласия союзников, а также задержки в оплате. На море королева вступала в партнерство со своими собственными подданными: в 1589, 1596 и 1597 у командующих была своя финансовая доля в операциях, и неудивительно, что их основной заботой становился грабеж испанских городов, а не уничтожение испанских кораблей. Уж если королева приватизировала ведение войны, ей не следовало удивляться, что возобладал мотив выгоды. В последние годы правления советники и придворные вкладывали огромные деньги в разбойничьи вылазки в Вест-Индию, на испанское побережье и в Средиземное море. Они видели военно-морские операции в том же свете, что и возможности частного обогащения, о национальной безопасности никто не думал. Следовательно, командующие преследовали свои собственные цели, а не выполняли приказы королевы.

Проблемы возникали также из-за того, что не было общего согласия относительно последующей стратегии, и два главных подхода, кампании на суше и удары с моря, принимались различными группами при дворе. Следовательно, политически невозможно было решительно выбрать одну стратегию, и была вероятность, что королева одобряла ту или иную экспедицию для того, чтобы уравновесить фракции. Уже во время нидерландской интервенции в 1585 г. назначались подчиненные, которые не разделяли мнение Лестера о цели, и он считал сэра Джона Норриса и сэра Томаса Сесила чуть ли не шпионами. Конечно, позже стало намного хуже: военачальники следовали тактике, для которой у них не было снаряжения, как в 1589 г.; или они не могли договориться о том, что делать, как в 1596; или их споры

разбивали надежды на какие бы то ни было действия, как в 1597. Силы, которые посылались для уничтожения кораблей, во всех случаях концентрировались на осаде городов, так как генералы брали верх над адмиралами — а возможности основать иностранные базы не осуществлялись, потому что адмиралы хотели плыть домой. Невозможность выполнить приказы королевы частично объяснялась последствиями диспутов среди стратегов и соперничеством среди командиров.

Но все эти причины не вполне объясняют неоднократные и наглые нарушения королевских инструкций. Представляется ясным: командиры делали вывод, что эти инструкции не имели значения на самом деле; королева была женщиной, а война — занятие мужское. В Совете, при дворе и в парламенте у Елизаветы была возможность показывать свою компетентность; она могла переиграть мужчин в их игре — если надо, используя женские приемы. Но на войне она оказывалась в руках своих генералов, которые думали, что они знают лучше — и ей так и не удавалось убедить их, что это не так. Ни в какой другой области деятельности или политики не было такого явного неповиновения ясно выраженным приказам, такого презрения к ее власти, такого унижения монаршего достоинства. Женщина могла брать верх над политиками и соблазнять придворных, но она не могла командовать военными. Как бы Елизавета ни старалась, она не могла совершенно забыть о своей половой принадлежности: как выразился сэр Джон Огландер поколением позже, «в ней было все, что нужно для монарха, но она была женщиной»[183].

Глава 8. Королева и народ

Елизавета была женщиной в опасности: с начала ее правления и до самого конца ее окружали заговоры (и слухи о заговорах), иногда представлявшие собой реальную угрозу ее трону и ее жизни. В 1569 г. руководители восстания северных графов планировали устранить Елизавету и сделать королевой Марию Стюарт. В 1571 г. флорентийский банкир Роберто Ридольфи выстроил сложную схему, включающую испанское вторжение из Нидерландов, английское восстание под руководством герцога Норфолка и низложение Елизаветы: папа, Филипп II и Норфолк охотно помогали, и Елизавету спасло только нежелание испанского главнокомандующего в Нидерландах и длинный язык Ридольфи: он всем хвастался, какой замечательный заговор организует. В 1583 г. Фрэнсис Трокмортон был связным в заговоре по синхронизации французского католического вторжения и восстания английских католиков, чтобы освободить Марию Стюарт и сделать ее королевой Англии. В 1586 г. несколько молодых фанатичных католиков поклялись убить Елизавету и снова планировали сделать Марию королевой с иностранной помощью. В 1599 г. кружок Эссекса разрабатывал различные планы захвата Елизаветы, чтобы сделать ее заложницей своей фракции и заставить назвать наследником Якова VI[184].

Это были неподдельные интриги, даже если правительственные агенты маячили где-то на краю. Кроме того, были планы помельче, в которых какие-то несчастливцы были, вероятно, представлены заговорщиками, чтобы запугать Елизавету: в 1584 г. говорили, что Вильям Парри собирался заколоть Елизавету кинжалом; в 1587 г. Стаффорд и Муди, может быть, и собирались подложить порох Елизавете под кровать и взорвать ее; в 1594 г. португальский врач Родеригу Лопиш, как говорили, собирался королеву отравить; а в 1598 г. Сквайр должен был убить ее, подложив яд на луку седла. И были еще недостоверные истории и заговоры безумцев. В октябре 1559 г. разнеслись слухи, что Елизавету и Роберта Дадли отравят на банкете, даваемом графом Арунделом. В 1562 г. два родственника покойного кардинала Пола консультировались у астрологов насчет будущего королевы и планировали вторжение через Уэльс. В 1583 г. йоркширский католик Джон Сомервилл сказал своим соседям, что он собирается застрелить Елизавету, и отправился в Лондон — но он объявлял о своем намерении всем встречным по пути и был арестован. Находились и сумасшедшие

протестанты: в 1591 г. Джон Хакет возомнил себя новым мессией и объявил, что Елизавета низложена. Он запустил двух своих апостолов на лондонские улицы: «И расскажите, что пришел Иисус Христос судить землю и отделять зерна от плевел. И если кто-нибудь спросит, где он, скажите, что он в доме Уокера, около поломанной верфи»[185].

У Елизаветы и ее советников были серьезные основания бояться за ее жизнь. В конце концов, в 1570 г. папа объявил об отлучении королевы и освободил ее подданных от подчинения ей. В 1584.г., после Сомервилла и Трокмортона и успешного убийства Вильгельма Оранского в Нидерландах Совет организовал протестантскую группу бдительности «Неразрывная ассоциация», которая дала клятву защищать жизнь королевы, а если не удастся, выследить и умертвить ее убийц. Тайный совет составил «Инструкцию для „Ассоциации“ по сохранению королевской особы Ее Величества», и секретарь Вальсингам наблюдал за распространением экземпляров лордам-наместникам и надежным магнатам по всей стране. Затем эти местные лидеры принимали клятву членства от ведущего дворянства и собирали подписи за «Ассоциацию». Это была паническая мера в паническое время, но страх катастрофы не утихал. В последние годы Елизавета спала со старым ржавым мечом около кровати и в общем выглядела довольно глупо, она ходила по своему кабинету с этим оружием и прокалывала портьеры на случай, если за ними прятались убийцы. Но опасность была не только в заговоре с целью убийства: оставалась возможность восстания. В 1597 г. Елизавета говорила французскому послу, что «ей приходится иметь дело со знатными людьми разного характера и с народом, который, хотя всячески демонстрировал свою любовь к ней, тем не менее, легкомыслен и непостоянен, так что ей приходится всего бояться». Некоторые из ее советников были с этим согласны. Одним из аргументов против дорогостоящих наземных войн в 1590-х гг. было соображение, что увеличение налогов на войну и военные наборы могут привести к распространению народного недовольства; Берли возражал против войны из-за «природы английского простонародья, склонного к бунту, если его обложить чрезмерными налогами»[186]. Поэтому Елизавета проводила пропагандистскую политику, направленную на максимальный подъем народной любви к ней — не просто потому, что ей нравилось, когда ее приветствовали (хотя это, безусловно, было так), но и потому, что это была здравая политика. Если бы она могла вызвать горячую любовь простых людей, то они могли бы служить защитой от покушений на убийство — они бы следили за критиками режима и могли бы

выдать любого, кто представлял собой угрозу. Была гораздо меньшая вероятность, что преданный народ восстанет в тяжелые времена, и, возможно, он охотнее платил бы налоги или служил в королевской армии и флоте. Так что Елизавете приходилось не только представлять утонченные до предела образы женского правления своим образованным придворным; ей нужно было проще и основательнее обращаться к простым людям. Каким-то образом нужно было добиться любви английских горожан и крестьян. Какая-то работа Елизаветы делалась и без нее. Духовенство в своих церквах читало молитвы о безопасности королевы и произносило проповеди о Божьей милости к ней; судьи на выездных сессиях предупреждали, что необходима бдительность против врагов государства; шерифы читали статуты и прокламации, которые подчеркивали необходимость порядка и послушания. Но эта тактика приводила к преданности пассивной и официальной: а нужно было более горячее и активное обожание королевской особы, если она хотела настоящей безопасности. Елизавете необходимо было показываться своему народу и добиться его восхищения. В Лондоне это было достаточно легко: с начала своего правления и до конца Елизавета во всем блеске красовалась на улицах и плавала по Темзе, где народ мог ее видеть. В день Св. Георгия в 1599 г. на Темзе поставили грандиозный спектакль, в котором королевская баржа проплывала вверх и вниз по реке в сопровождении флотилии лодок, а за этим наблюдали огромные толпы на берегах; играла музыка, звучали артиллерийские салюты, вечером был фейерверк.

Елизавета во многом была публичной королевой. Она всегда появлялась на публике во время празднования ее восшествия на престол, с которым обычно связывалась тщательно разработанная процессия по Лондону, а затем великолепные турниры на арене для состязаний. Даже 17 ноября 1602 г., когда ей было 69 лет и было подозрение, что ее попытаются убить, она просто изменила маршрут, чтобы избежать опасности, и появилась как было намечено. Нет сомнений, что королева всегда производила колоссальное впечатление на своих подданных. Епископ Гудмен через много лет после этого события вспоминал, как мальчиком 5 лет в 1588 г. он однажды вечером увидел Елизавету на Уайтхолле. Узнав, что едет королева, он и его друзья побежали по улицам, чтобы присоединиться к толпе, кричавшей: «Боже, храни Ваше Величество!», пока она проезжала при свете факелов. «Да благословит Бог вас всех, мой добрый народ», — ответила она[187], и каким-то образом толпа почувствовала, что на ней действительно благословение и что они на самом деле ее добрый

народ.

Конечно, за пределами Лондона королеве было гораздо труднее установить согласие с простыми людьми, но ее регулярные летние поездки давали кое-какую возможность. Елизавета и ее двор обычно уезжали летом на десять недель: она уезжала каждый год с 1559 до 1579, за исключением 1562 перед войной с Францией и 1570 после восстания графов на севере. Она возобновила поездки в 1591 г., возможно, понимая возрастающее напряжение из-за военного налога, повторила то же самое в 1592 и ежегодно выезжала в 1599–1602 гг. на последнем взрыве энергии, как бы утверждая, что дома остаются только те, кто слишком стар, чтобы ездить. Историки обычно рассматривают эти поездки с точки зрения отношений Елизаветы со знатью и дворянством, но королева пользовалась случаем, чтобы показать себя и простым людям, пока она ездила по сельской местности спокойным шагом. Более длинные поездки в ее царствование обычно включали церемониальный визит в один из крупных корпоративных городов: Винчестер в 1560 г., Кембридж в 1563, Ковентри в 1565, Оксфорд в 1566, Уорик в 1572, Бристоль в 1574, Вустер в 1575, Норидж в 1578.

Большинство из поездок были крупными мероприятиями в области отношений с общественностью, производились тщательные приготовления, чтобы эффект был максимальным. Маршрут намечался вице-гофмейстером в консультации с королевой, проводились подробные письменные переговоры с городами и домами, которые Елизавета намеревалась посетить. Королева специально готовилась к отъезду и перед намеченным визитом в Кент в 1577 г. Берли изучил «Инспекцию Кента» Ламбарда, чтобы рассказать Елизавете о местных особенностях, так что она могла создать впечатление, будто хорошо знает эту область. Поездки, однако, были географически ограничены: состояние дорог и скорость, с которой мог передвигаться двор, не допускали очень долгих путешествий. Елизавета никогда не бывала к западу от Бристоля или к северу от Стаффорда, и планируемые визиты в Йорк в 1562 и 1575 гг. были отменены. За исключением длинных путешествий в центральные графства в 1565, 1572 и 1575 и поездки на запад в 1574 гг. Елизавета неизменно ездила в графства, окружающие Лондон, и в Восточную Англию. О важных поездках широко сообщалось при помощи печатных отчетов о церемониях, с личными деталями о собственных словах и поступках королевы.

За пределами юго-востока, если Елизавету вообще видели, то только на портретах, тщательно контролируемых и широко распространяемых. В 1563 г. была написана прокламация,

запрещающая распространять портреты королевы до тех пор, пока не будет написан портрет-образец, чтобы копировать его. Прокламацию не публиковали, но существовали утвержденные версии ее портрета, который широко копировался. Все сохранившиеся портреты Елизаветы соответствуют одному или другому из полудюжины образцов лица и образцу «портрета Дарили» приблизительно 1575 г., который продолжал использоваться до середины 1590-х гг. В прошении на монополию Компания художников и красителей подала прошение об ограничении на королевские портреты в 1575 и 1578 гг., и в 1581 г. была издана «Книга указов». Хотя официальный контроль был не строгим, он был достаточно эффективным, и наблюдались общие модели в разработке портрета Елизаветы. Начиная с 1579 г., может, в связи с протестантским движением против брака с Алансоном, производство портретов приняло аллегорический стиль с символическими изображениями качеств и царственных устремлений королевы. Королевский портрет перестал быть изображением и стал средством пропаганды.

Вероятно, к 1580-м годам изображения королевы пользовались огромным спросом: и помимо оптового копирования портретов, теперь удовлетворялся спрос и низших слоев патриотического рынка. Так же как придворные Елизаветы начали носить камеи с изображением королевы, украшенные драгоценными камнями, так и ее подданные победнее могли приобретать медальончики из цветных металлов и носить их в знак преданности. В 1580-х стали также чаще появляться в книгах гравюры с изображением Елизаветы, а в следующем десятилетии гравированные портреты стали продаваться отдельно. Но чем шире распространялись изображения королевы, тем необходимее становился контроль. Похоже, что примерно в 1594 г. было принято официальное решение, что Елизавету следует изображать вечно юной, вероятно, чтобы предотвратить тревогу о будущем. Хотя лицо со знаменитого «портрета Дичли» стало образцом до конца царствования, в копиях оно было омоложено смягчением черт. В 1596 г. Тайный совет приказал обнаружить и уничтожить все неподходящие портреты, о которых говорили, что они оскорбительны для королевы: похоже, что целью этого мероприятия было уничтожение изображения Елизаветы как старой женщины, и гравюры, которые показывали ее возраст, очевидно, были уничтожены.

Те из подданных Елизаветы, кто не мог купить ее изображение, могли, по меньшей мере, выучить простенькие баллады, выражающие преданность. Баллады были как неофициальным пропагандистским оружием, так и возможностью

для отдельных лиц публично выразить пением свою преданность королеве. Существовали и любовные песни к Елизавете, как следующая 1559 г.:

Сокруши преграды, Бесси,
Сокруши преграды, Бесси,
Я тебя нетерпеливо жду.
Станешь милой госпожою
Ты над телом и душою,
Лучшей в целом мире не найду.

(Перевод Л. Григорьяна).

По мере того как царствование продолжалось, появились баллады в форме гимнов с благодарностью Богу за правление Елизаветы и ее достижения: «Молитва, а также благодарность Господу за то, что он дал нам и хранит нашу благородную королеву Елизавету, чтобы она нами правила… пропеть в 17 день ноября 1577 г., день восшествия на престол». В более поздние годы тоже появлялись баллады, посвященные этому дню; 17 ноября 1600 появилась «Прелестная баллада о самом благословенном процветающем царствовании Ее Величества на протяжении сорока двух лет, и теперь начинается сорок третий, к великой радости и утешению всех верных подданных Ее Величества» —

Пускайте, старцы и мальцы,
В ход барабаны-бубенцы,
Пусть каждый небо славит
За то, что стих Господен гнев
И лучшая из королев
Сегодня нами правит[188].

(Перевод Л. Григорьяна).

Несмотря на невысокое качество стихов, эту балладу, похоже, раскупали хорошо: ее перепечатали, чтобы отпраздновать 17 ноября в 1601 и 1602 гг., изменив только даты. Похоже, что авторы и издатели баллад знали свой рынок и понимали, когда покупать будут больше. Напряженное положение всегда порождало массу баллад. В 1570 г., после восстания северных графов и папской буллы об отлучении, появилась «богоугодная песенка или молитва, которую надо возносить к Богу за сохранение его церкви, нашей королевы и королевства, против всех предателей, мятежников и папистских приспешников». В

1578 г., когда Елизавету чуть не убило случайный выстрелом, «Новая баллада, рассказывающая, как опасно выстрелило ружье при дворе», сделала достоянием гласности леденящую душу историю. В 1586 г., когда раскрылся заговор Бабингтона, появилась «угодная Богу песенка, которую следует петь для сохранения самого великолепного правления нашей королевы»:

Пусть каждый верный Богу бритт
Престол любовью озарит,
На нем царит сегодня
Любимица Господня [189].

(Перевод Л. Григорьяна).

Англичанам внушали, что они счастливы, во-первых, тем, что у них есть Елизавета, а во-вторых, тем, что Бог хранит их дражайшую. И конечно, каждый умело освещенный кризис показывал, так Господь помогал сохранить их королеву, что подтверждало Его особое к ней благоволение. Однако к 1590-м гг. приемчики изменились. До того баллады обычно основывались на реальных событиях и выражали благодарность за воцарение королевы или за сохранение ее безопасности. Но в последнее десятилетие, когда война продолжалась, налоги становились все тяжелее, цены на продукты взлетели вверх, уровень жизни упал, авторы баллад стали прибегали к «большой лжи». Посреди войны и роста бедности они прославляли мир и процветание ее царствования: «Радостная новая баллада о том, как наша королева отправляется в парламент, показывающая ее самое счастливое и процветающее правление и великую ответственность, с которой она управляет своим народом, сочиненная в этом 1593 г.», «Новая торжествующая баллада в честь Королевского Величества и ее наисчастливейшего правления, которая царствует в великом процветании тридцать семь лет» и «Торжество Англии», содержащая разные из тех многочисленных благословений, которыми было отмечено наше королевство в правление нашей великодушнейшей королевы в 1595 г.[190] Во многих балладах, особенно опубликованных в конце правления, подчеркивалась забота Елизаветы о ее народе, материнская обеспокоенность благосостоянием ее подданных и особенно бедных. Наблюдалась умышленная попытка выставить Елизавету как королеву бедняков, защитницу тех, кто несет основную ношу в обществе. Конечно, это было управление при помощи иллюзий.

На протяжении всего своего царствования Елизавета культивировала связь с простонародьем, намеренно выставляя

желание и способность заботиться о своих подданных и общаться с ними. Во время коронационной процессии в 1559 г. она пыталась установить близкие отношения с простыми людьми, и опубликованный официальный отчет об этом подчеркивал, как именно она проявляла свою заботу:

> «С какой надеждой бедные и нуждающиеся могут ждать ее щедрой помощи, она, как и на протяжении всей процессии, так и выслушивая бедных детей в Христовой больнице с глазами, обращенными к небесам, без обиняков объявила, что богатые не должны забывать о нуждах бедняков, а о бедности можно думать должным образом только в том случае, когда о ней не забывают, как учил нас Господь из своих собственных уст».

В ходе процессии она останавливала карету всякий раз, когда бедняк пытался подарить ей цветы или какую-нибудь мелочь, и она выслушивала просьбы бедных по мере продвижения. Когда секретарь Лондонского суда подарил ей кошелек с 1000 золотых марок, она пообещала, что будет заботиться о своем народе:

> «И пока вы просите меня, чтобы я оставалась вашей доброй госпожой и королевой, вы можете быть уверены, что я буду так стараться для вас, как никакая королева не старалась. У меня хватит воли и, я думаю, хватит власти. И верьте мне, что для безопасности и спокойствия вас всех я не пожалею, если надо, пролить свою кровь. Да отблагодарит Господь вас всех!»[191]

Это все опьяняло — и народ этому верил. Может быть, верила и Елизавета.

Точно так же вела себя королева и в поездках, когда она намеренно хотела возбудить любовь своих подданных при помощи публичных и широко рекламируемых действий. Испанский посол, который сопровождал ее в путешествии по Беркширу в 1568 г., докладывал, что королева направляла свою карету в самую гущу толпы, вставала и махала рукой и благодарила за теплый прием: «Ее принимали с великими выражениями и признаками радости, как принято в этой стране; это ее чрезвычайно радовало, и она сказала мне об этом, давая понять, насколько ее подданные ее любят». Елизавета сообщила послу, что «она объясняет все это чудесной Божьей милостью»[192], но на самом деле этот энтузиазм был результатом ее собственной неустанной работы и работы ее пропагандистов. В 1572 г. в поездке по Оксфордширу Елизавета спряталась от дождя в

амбаре; там старуха ей сказала, что арендные права на маленькую семейную ферму скоро заканчиваются, и королева добилась, что ее Совет обратился к землевладельцу с просьбой продлить аренду. История вскоре распространилась — с помощью Совета. Королева старалась, чтобы все люди, с которыми она встречались, почувствовали свою значительность, как будто именно им присущие качества заставили ее обратить на них внимание. Хозяева в усадьбах, куда она заезжала по дороге, и мэры и секретари городов, которые она посещала, получали какой-нибудь маленький знак внимания, и от этого они светились от гордости — некоторая компенсация, несомненно, за расходы, необходимые, чтобы должным образом принять коронованную гостью. Кроме того, она так себя вела, как будто каждый город, в который она заезжала, был ее самый любимый во всей Англии, и когда она выезжала из городских ворот, люди плакали — так было в Вустере в 1575 г., а в Норидже в 1578 г. она сказала мэру: «Я уношу в своем сердце такую доброжелательность, что никогда не забуду Норидж». «До свидания, Норидж», — в слезах воскликнула она, выезжая из города[193], — она умела проливать слезы как никто в ее профсоюзе, и она была не из тех, кто позволяет своему таланту погибать.

Елизавета старалась продемонстрировать, как она заботится о бедных, при помощи тщательно срежиссированной благотворительности. Ее служба по раздаче милостыни каждый день давала по 5 пенсов тринадцати беднякам у дворцовых ворот; приблизительно 130 фунтов раздавалось беднякам на Пасху, а также обязательные подарки на Страстной неделе. Кроме того, она раздавала в среднем 240 фунтов в год случайным беднякам, особенно в поездках — может быть, потому и собирались преданные толпы вокруг ее кареты, что часто пахло деньгами. Елизавета также шла на контакт с народом и буквально, прикасаясь к больным золотухой, «королевской болезнью», в надежде излечения. Вероятно, она начала это делать в 1570-х гг., может, чтобы показать, что несмотря на папское отлучение, она все же на самом деле оставалась королевой. Она выбросила из церемонии несколько типично католических молитв, перевела ее на английский, но в основном сохранила старый обряд. Возможно, она прикасалась к больным на Уайтхолле на Пасху и в поездках; известно, что она касалась больных золотухой: в Кенильворте в 1575 г. девять, в 1596 десять, а на Страстную Пятницу в 1597 тридцать восемь раз. Однако этот обычай не всем нравился, и в 1597 и в 1602 гг. были опубликованы книги, в которых ее хвалили и защищали этот обычай как знак Божественного одобрения ее правления.

Это были практические приемы, при помощи которых Елизавета старалась продемонстрировать любовь к своим подданным, и взаимная любовь между королевой и ее народом была обычной темой в ее собственных речах и в работе ее имиджмейкеров. Похоже, она действовала на основе предположения, что если она будет достаточно часто хвастаться своей преданностью народу, то по этому поводу можно будет ничего не делать — и если она будет говорить своему народу достаточно часто о том, как он любит ее, он и в самом деле ее полюбит. Тема любящей заботы была запущена лордам-хранителем Бэконом в первой парламентской речи после воцарения: королева будет править не эгоистично, но так, чтобы удовлетворить нужды своего народа — она была монархиней, «которой ничто — что значит ничто? — ни одна, ни одна вещь или дело под солнцем не являлось таким дорогим, как сердечная любовь и расположение ее знати и ее подданных». В 1563 г. сама Елизавета пообещала быть «настоящей матерью» для своего королевства; в 1589 г. она рассказывала парламентской делегации о своей «великой и неизмеримой, заботливой любви к своим любящим подданным: да, она их любит больше, чем себя, больше о них заботится, чем любой из них заботится о себе»[194]. В 1588 г. она говорила лондонской толпе: «У вас может быть более великий монарх, но никогда — более любящий», и в 1593 г. она называла себя самым любящим монархом, какого англичане когда-либо имели — с благоговейным исключением ее собственного отца. Говорили, что в 1601 г. она сказала, что «может, у них будет более мудрый монарх, но никогда не будет более заботливого и любящего, ибо для нее безопасность и счастье ее добрых подданных дороже и ценнее всего остального на земле»[195].

Поскольку ими правил такой образец монарших добродетелей, неудивительно, что англичане отвечали Елизавете такой же любовью — или, по крайней мере, им регулярно сообщали, что они ее любят. На закрытии парламента в 1576 г. королева была в восторге: «Я все еще вижу тот уверенный энтузиазм среди моих преданных подданных, о котором они, к великой моей радости, заявляли в первую очередь». Через десять лет она публично возблагодарила Господа за великое чудо: «Оно даже в том, что как я взошла на трон благодаря сердечному согласию моих подданных, так и сейчас, двадцать восемь лет спустя, я наблюдаю не меньшую доброжелательность, без которой я если и смогу дышать, то не смогу назвать это жизнью»[196]. И вне парламентских стен подданным Елизаветы напоминали о взаимной любви королевы и народа. Ее речь, обращенная к

войскам в Тилбери в 1588 г., по праву считается знаменитой:

> «Я всегда поступала так, что, по воле Господа, считала своей главной силой и защитой верные сердца и расположение моих подданных; и вот я пришла к вам и нахожусь среди вас, как вы видите, в это время, не для отдыха и забавы, но в решимости, в гуще жаркой битвы, жить и умереть среди вас, и повергнуть ради моего Бога, и моего королевства, и моего народа, свою честь и кровь даже во прах».

Выступая перед оксфордскими студентами в 1592 г., она восхищалась мерой народной преданности, заставляя свою аудиторию прийти к выводу, что они принимают участие в каком-то чуде, ниспосланном свыше:

> «Ваша любовь ко мне такого рода, о каком не было известно или слышно доныне в памяти людской. Любви такого рода не испытывают родители, ее не знают друзья или даже влюбленные, чье счастье не всегда включает верность, как учит опыт. Это такая любовь, какую не могут разрушить ни уговоры, ни угрозы, ни проклятия. Время над ней не властно. Время, которое разъедает железо и разрушает скалы, не может уменьшить эту вашу любовь. Именно в этом состоит ваше служение, и оно такого рода, что я думаю, оно было бы вечным, если бы мне дано было быть вечной»[197].

Здесь в избытке неуместное высокомерие, но весьма много и политической хитрости: она сказала своим подданным, что их преданность безгранична, и этим хотя бы наполовину приблизила ее к правде.

Молитвы, баллады и речи регулярно сообщали английскому народу, как он счастлив и как успешно Елизавета им управляет. Приветствия, произносимые секретарями важных провинциальных городов, которые она посещала, вбивали эти мысли в голову. В Ковентри в 1565 г., в Уорике в 1572, в Вустере в 1575 чувства были столь похожи, слова временами те же самые, что есть основания подозревать, что существовал образец речи, высылаемый Советом или передаваемый друг другу секретарской мафией: королева правит в мире и милосердии, к несчастью, в городе наблюдается экономический спад, но теперь появление Елизаветы поднимает жителям настроение — ее визит «и показывает, и предвещает нам перемены от нашей неудачной судьбы к более счастливому и процветающему состоянию». Но

главной темой всегда были достоинства и достижения Елизаветы: «Если бы мне пришлось перечислять многочисленные и исключительные дары природы и благодати, полученные Вашей королевской особой с самых нежных лет, которые редко в таком же количестве можно найти в мужчине, и гораздо менее в женщине, мне было бы гораздо труднее закончить, нежели начать»[198]. Эти слова были адресованы королеве, но настоящими слушателями были граждане Ковентри в 1565 г.: Елизавета и так знала, что она чудо — это ее народ надо было в этом убедить.

Елизавета обладала сильным, почти мистическим чувством личной идентичности со своим народом, она хвасталась иностранным послам, как ее подданные ее любят, и в личной молитве приблизительно в 1579 г. она возносила благодарность за это: «Любовь моего народа оказалась крепкой, и происки моих врагов оказываются тщетными». Но Елизавета I была реалист в политике, она редко полагалась на случай. Она знала, что эту поддержку нельзя принимать как должное, надо было работать, чтобы ее сохранить. В 1599 г она спросила у жены Джона Харингтона, как ей удается удержать любовь своего мужа; леди ответила, что она достигает этого своей собственной любовью и покорностью, это убеждает его в ее любви, и тогда он отвечает ей тем же. Елизавета призналась: «Примерно таким образом я сохраняю расположение всех моих мужей, моего доброго народа, ибо, если бы они не могли убедиться в какой-то особой к ним любви, они не относились бы ко мне с такой долей послушания»[199]. Елизавета добровольно выбрала роль любящей королевы, и она играла ее на протяжении всего своего царствования — но это была всего лишь роль, Королева Елизавета подавала себя как любящую девственную мать, преданную интересам ее детей, и эта любовь встречала теплую взаимность. Это был образ, который, после некоторых трудностей вначале, как будто был широко признан: англичане поверили тому, что им говорили. Труднее всего было преподнести девственную компоненту: частично из-за общих представлений о естественных отношениях между мужчиной и женщиной, а частично из-за собственного поведения королевы; в течение нескольких лет она в общем-то считалась любовницей Дадли. В 1560 и в 1561 г. широко, от Эссекса до Девона, распространились слухи, что королева беременна от Дадли, а когда жену Дадли нашли мертвой в Лондоне, вокруг города и в центральных графствах Англии не прекращались рассказы, что он отравил ее при попустительстве Елизаветы. Испанский посол сообщал о всеобщем возмущении поведением королевы, которое считалось недостойным: «Все говорят, что им больше не нужны женщины-

правительницы и что в любой день она может оказаться в тюрьме вместе со своим фаворитом»[200]. Произошла утечка информации о договоренности с Филиппом II в 1561 г., это сочли свидетельством того, что Елизавета и Дадли согласны пожертвовать истинной верой ради своих собственных плотских утех. В основном виновником считали Дадли, по крайней мере в районе Лондона, но эти слухи плохо отразились на репутации королевы, поскольку из них следовало, что она всего лишь игрушка в руках своего возлюбленного.

После 1561 г. истории о недостойном сексуальном поведении утихли, но слухи время от времени всплывали. В 1563 г. были неприятности у одного человека из Суффолка из-за того, что он сказал, будто Елизавета — «несносная женщина» на содержании у Дадли, и когда она приехала в Ипсвич, говорили, что она выглядела «так, будто недавно родила»[201]. Поток подобных рассказов разнесся и в 1570–1572 гг.: в Восточной Англии и Кенте утверждали, что Лестер и Хаттон были любовниками королевы, что у Елизаветы двое детей от Лестера и что королева — нимфоманка, которая иногда набрасывалась на придворных, которые этого вовсе не хотели, и отрубала головы тем, кто, как Норфолк, отказывался. Но эта клевета впоследствии стала редкой, и это были отдельные намеки, а не всеобщие слухи. Наемный рабочий в Молдене, в Эссексе, утверждал в 1580 г., что у королевы двое детей, хотя в 1581 г. другой человек думал, что детей пятеро, и предполагал, что королева летом отправлялась путешествовать, чтобы рожать вдали от Лондона. Но это были только единичные рассказы, в отличие от широко распространенных слухов 1559–1561 и 1570–1571 гг После 1572 г. сплетен стало меньше и образ королевы-девственницы, похоже, стал несколько импонировать. В 1568 г. Елизавете была посвящена книга о браке, но в 1581 г. Томас Бентли посвятил ей хвалу девственности — он называл ее «вечной девственницей», ее роль — «настоящей матери и благородной няни» церкви, а ее положение — «супруги во Христе»[202]. Сдается, что официальный образ Елизаветы как девственной матери своего народа также возымел действие — даже если некоторые воспринимали его слишком буквально. В 1587 г. безумец по имени Майлс Фрай, называвший себя Эммануэлем Плантагенетом, утверждал, что он сын Бога и королевы, взятый у своей царственной матери архангелом Гавриилом и отданный на попечение миссис Фрай из Эксминстера, Девон. Действительно, к 1590-м гг. тема матери-девственницы была доведена до ее логического завершения, и некоторые писатели недвусмысленно связывали Елизавету с Девой Марией. Но даже тогда не все хотели считать Елизавету

девственной матерью: для некоторых она была секс-символом эпохи. Астролог Саймон Форман записал в 1597 г. сон, что он и Елизавета гуляли вместе в сельской местности; они сидели под деревом и кокетничали, и он предложил ей «сделать этот животик немножко больше», — но, к сожалению, тут он проснулся![203]

Похоже, что образы Елизаветы, которые предлагались на уровне простого народа породили настоящую преданность ей — хотя нелегко различить, что было спонтанно, а что срежиссировано. Всеобщий энтузиазм подтверждался празднованием 17 ноября Дня вступления на престол: помимо официальных действ при дворе время от времени проводились празднества в городах и весях по всей стране. День вступления на престол отмечался колокольным звоном в приходской церкви Ламбета с 1567 г., вероятно, при поощрении архиепископа Паркера. Затем, по-видимому, празднество стихийно распространилось на 17 ноября 1570 г. как выражение верности после папской буллы об отлучении и облегчения от того, что предсказания, будто Елизавета не протянет двенадцати лет, не подтвердились. Колокола звонили в нескольких церквях, особенно в Западной Англии; в Оксфорде было проведено ученое торжественное собрание, организованное вице-канцлером Купером — очевидно, эти усилия совсем не повредили его карьере, и он получил епархию в Линкольне через два месяца.

Городской совет Оксфорда не захотел отставать от университета и отметил 17 ноября 1571 г. проповедью; в 1572 г. состоялись проповедь и литургия, а в 1573 г. проповедь, литургия и фейерверк. Кембридж тоже присоединился, с колокольным звоном в большой церкви Св. Марии, с 1571 г., а в дальнейшем все новые и новые приходы принимали участие в праздновании — начинали приходы на южном побережье и на западе, а юго-восток отставал. Однако не прошло и пяти-шести лет, как празднование распространилось географически и не ограничивалось колокольным звоном: мэр Ливерпуля распорядился насчет костров 17 ноября 1576 г., а многие приходы организовали танцы и пиво, чтобы отметить это событие. После поражения Армады в 1588 г. осталось мало районов, где не устраивали какого-нибудь праздника в День королевы, а многие города устраивали пиры, проповеди и светские церемонии.

Но потом государство взяло дело в свои руки. В 1576 г. 17 ноября было добавлено к перечню официальных праздников англиканской церкви и изданы специальные требники. Народный праздник превратился теперь в пропагандистское мероприятие. В 1576 г. молитвы благодарили Бога, но в то же время напоминали

прихожанам о достижениях царствования:

> «О Святый Боже, милосерднейший Отче, кто до сего дня, послав Твою служительницу и нашу государыню и милостивую королеву Елизавету в королевство, избавил преданный Тебе английский народ от опасностей войны и порабощения, тела освободил от тирании, а дух от суеверия, возвратил мир и истинную религию при свободе и тела и духа, и не оставил нас своею милостью, хотя мы этого и не заслужили, теперь на протяжении этих восемнадцати лет…»

В 1585 г. Эдмунд Банни опубликовал «Некоторые молитвы и другие угодные Богу обряды для 17 ноября» — ежегодные урожаи баллад и напечатанных проповедей, посвященных дню восшествия на престол, в которых утверждалось, что Елизавета вывела народ из тьмы. Возможно, попытка превратить народный праздник в общегосударственный день молитв не удалась: примечательно, что и официальные молитвы, и частная инициатива Банни раскупалась плохо, а 17 ноября стало просто поводом для выпивки. Но день вступления на престол, а в некоторых приходах и годовщина коронации, становились поводом для настоящего праздника. В январе 1595 г. церковные старосты «Уигстон Магна» в Лестершире зафиксировали: «Уплачено 2 пенса за свечу в день коронации нашей милостивой королевы. Да сохранит Господь ее здоровье и мир, что бы она царствовала над нами. Да будет так, аминь!»[204]

Существует масса свидетельств преданности королевы и со стороны отдельных людей, и со стороны общин. Разоблачение реальных или подозреваемых заговоров обычно вело к эмоциональным всплескам преданности. В 1583 г., после раскрытия заговора Трокмортона, лондонцы становились на колени на улицах, когда проезжала королева, воздавая хвалу за то, что она не пострадала. В 1586 г., когда потерпел неудачу заговор Бабингтона, звонили церковные колокола, на улицах жгли костры, играла музыка и танцевали в знак радости. Государство использовало такие обстоятельства, возносило официальные молитвы в благодарность за избавление королевы от опасности — но к тому времени безопасность королевы отождествлялась с безопасностью нации и чувство облегчения было настоящим. Создатели баллад также праздновали избавление королевы и наказание ее врагов. Казнь участников заговора Бабингтона была отмечена «Подходящей новой балладой, коротко повествующей о смерти и казни четырнадцати самых подлых предателей, которых предали смерти в поле

Линкольнз Инн около Лондона 20 и 21 сентября 1586 г»:

Восславьте Небеса, порядочные люди,
Поскольку сам Господь не разрешил Иуде
Предательство свершить свое и окаянство
И погрузить страну в кровавое тиранство.

(Перевод Л. Григорьяна).

Спустя шесть месяцев новые публикации включали «Отличную песенку, сочиненную ко всеобщей радости по поводу казни шотландской королевы»[205]. Эта мрачная продукция, по-видимому, хорошо продавалась в Лондоне, где новость о казни Марии была принята положительно; горожане устроили костер под дверью французского посла, смеясь над его неспособностью предотвратить казнь.

Горячая преданность, которую отдельные люди испытывали к королеве, могла быть очень эмоциональной. В 1585 г. один юрист из Суссекса написал на форзаце семейной Библии:

> «Я горячо молю всемогущего Бога, чтобы он послал долгую, процветающую и счастливую жизнь и царство нашей доброй королеве Елизавете и чтобы Он послал нам всем милость, чтобы мы могли жить в страхе перед Ним как добрые и преданные подданные нашей вышеназванной милостивой государыни, правительницы и королевы, и чтобы мы все не дожили до тех печальных для Англии дней, которые наступят, если Господь заберет ее от нас до конца света. И при этом, если за наши грехи Он сократит ее дни, как Он сократил дни доброго короля Эдуарда, и все же дарует мне милость умереть у ее ног раньше нее, и чтобы с концом всех вещей, который недалек, мы могли снова воскреснуть к новой вечной жизни в нескончаемой радости и счастье. Аминь! Аминь!»

В 1589 г. соскучившийся школьник из Вестминстера исписал свой текст из Юлия Цезаря: имя Елизавета везде, а на полях стихи:

Полю подходят цветы,
Листья зеленые древу,
Боже, люби и храни
Славную королеву[206].

(Перевод Л. Григорьяна).

Стало всеобщим смешение патриотических и религиозных чувств и, как в случае с юристом из Суссекса, преданность Богу, преданность Англии и преданность королеве обязательно сочетались. Это являлось результатом очень распространенного образа королевы как протестантской героини, спасительницы английской религии и защитницы истинной веры. Этот образ не был официально создан для королевы, но он был навязан ей ее подданными-протестантами. С самого начала правления протестанты представили Елизавету как свою королеву в надежде, что она срастется с этой ролью. Во время ее восшествия на престол баллады и живые картины рисовали ее как «Дебору, судью и восстановительницу дома Израилева»[207], и в 1563 г. в «Деяниях и памятниках» Джона Фокса рассказывалось, как Господь защитил ее во времена кровавого правления ее сестры, чтобы она могла восстановить истинную религию. Особенно в опасные 1580-е гг. на Елизавету смотрели как на оплот протестантизма против католических заговоров в Англии и католических армий в Европе; более двадцати протестантских книг были посвящены королеве в это десятилетие, многие из них — тома антикатолической полемики.

Но проблема с образом «протестантской героини» заключалась в том, что Елизавета не всегда ему соответствовала. В 1561 г. протестанты были в ужасе, когда узнали о плане получить испанскую поддержку для брака с Дадли путем религиозных уступок, и Елизавете понадобилось почти десять лет, чтобы восстановить доверие протестантов. К счастью для нее, северное восстание 1569 г. и папская булла об отлучении снова сделали ее любимицей протестантов. Другой кризис в общественных отношениях произошел в 1579 г., когда маска протестантской героини снова съехала: раздался всеобщий громкий протест, когда похоже было, что Елизавета выйдет замуж за Алансона, и будущее протестантской религии снова показалось сомнительным. Вероятно, правда, что народной агитацией управлял Лестер и его политические союзники, но поддержка была массовой. «Открытие зияющей пропасти» Джона Стаббса было столь опасно именно потому, что оно показывало, что Елизавета не соответствует своему протестантскому образу, и давало понять, что она лишится преданности своих протестантских подданных, если все так и останется. Частично это было только отговоркой, когда Елизавета сваливала на свой народ отказ выйти замуж за Алансона: в решающие моменты она вынуждена была играть протестантскую роль, хотя не она ее выбрала. Она не решалась разрушить образ, созданный для нее.

У Елизаветы начинались неприятности, когда она не соответствовала своему неофициальному образу протестантской героини — и бывали также неприятности, когда она не соответствовала своему официальному образу — любящей матери своих детей. Это определенно относится к 1590-м гг., когда война, тяжелые налоги, плохой урожай и нарушение торговли соединились и привели к экономическому кризису. Заявление, что Елизавета правила в интересах всех своих подданных и была защитницей бедных, начало отдавать пустотой, и ее правительство ругали. В 1591 г. наемный работник из Эссекса говорил, что людям нужно молить Бога о короле, поскольку «королева всего лишь женщина, и ею управляет знать, а и знать, и дворянство все заодно, и дворяне и фермеры будут держаться вместе, так что бедняки ничего не получат» — «мы никогда не будем жить весело, пока жива королева». В следующем году другой работник из Эссекса говорил, что «это нехорошее правительство, то, какое у нас сейчас, а Англия была веселой, когда правительство было лучше, и если королева умрет, то наступят перемены»[208].

И в Эссексе, и в Кенте обсуждали, не будет ли Филипп II более заботливым правителем, чем Елизавета, и что испанское вторжение не так уж плохо. Даже среди некатоликов стали вспоминать о правлении Марии как о золотом веке. И в Мидлсексе тоже критиковали Елизавету: в 1591 г. йомен «хотел и желал, чтобы она умерла», а в 1592 г. два матроса громко ругали ее правление. В 1602 г., когда констебль предупредил йомена, чтобы он подчинялся королевским законам, он услышал: «Чего это ради ты мне говоришь о королеве? Дерьмо королева!»[209].

В Стаффордшире служащим графства трудно было собирать налоги военного времени, и высказывалось презрение королеве и ее законам. Примечательно, что скандальные истории о любовных связях всплыли снова. В 1591 г. супружеская пара в Эссексе говорила, что у королевы было несколько детей, но что Лестер затолкал их всех в дворцовую печную трубу и сжег заживо. В Дорсете в 1598 г. Эдуард Фрэнсис утверждал, что у Елизаветы трое детей от разных аристократов, и для Англии было бы гораздо лучше, если бы ее убили двадцать лет назад и страной бы правил король.

В последние годы Елизавета растеряла преданность своих подданных. В Лучшем случае наблюдалась снисходительная терпимость к действиям старой женщины, проявлений искренней любви было мало. Стали критиковать празднование ее воцарения, так как все труднее было рассматривать 17 ноября 1558 г. как приход нового века мира и благоденствия. Уже в 1583 г.

архиепископу Уитгифту пришлось защищать праздник в проповеди, а в 1601 г. Томас Холленд опубликовал защиту праздника от обвинений в идолопоклонстве. Самые первые биографы Елизаветы, Камден и Клапхэм, указывают на стремительно растущий хор критических замечаний в адрес ее правления как со стороны знати, так и со стороны простого народа, и французский посланник считал, что «англичане никогда больше снова не подчинятся правлению женщины»[210]. Количество людей при дворе уменьшилось, и Елизавета очень злилась на пренебрежение со стороны своей аристократии. Королева больше не пользовалась неразделенной преданностью своих подданных, которые нашли новых героев, при этом мужчин. Колокола звонили и молитвы произносились о подвигах графа Эссекса, и в 1600 г. Совет вынужден был запретить гравирование портретов Эссекса и других магнатов.

Самое главное, люди смотрели в сторону Шотландии. «Туда идет много писем, — докладывал Джон Чемберлен, — и многие бегут туда по своему собственному желанию, как будто самое главное — чем скорее, тем лучше, или продвижение в положении надо заслужить прислуживанием». Сэр Джон Харингтон, крестный сын Елизаветы, жаловался: «Я вижу, что некоторые не думают о том, что они скоро потеряют, но о том, какие возможности у них откроются потом», но он тоже присоединился к этому потоку. На Новый 1603 год он послал Якову VI фонарь, украшенный сценой распятия со словами доброго разбойника на кресте: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое»[211]. Несмотря на то, что смерти старой королевы ждали с нетерпением, когда об этом объявили 25 марта 1603 г., в Лондоне наступило потрясенное молчание: она была королевой сорок четыре года, а неизвестного будущего боялись. Но день тянулся, и люди привыкали к мысли о мире без Елизаветы, и им это довольно-таки нравилось. Вечером зажглись костры и кучки людей праздновали восшествие на престол Якова: «У нас король!» — кричали люди[212].

Заключение

Елизавета умерла нелюбимой и почти неоплакиваемой, и частично она сама в этом виновата. Она стремилась достигнуть популярности и политической надежности, подавая себя как вечно юную и вечно прекрасную девственную мать своего народа, несущую ему мир и процветание; она закончила свои дни как несносная старуха, посреди войны и провалов за границей и бедности и раскола в стране. С 1558 до 1588 гг. Елизавета успешно обрабатывала своих политиков и очаровывала свой народ. Она сделала себя центром пылкого обожания и серьезной верности, широко разрекламированным источником и гарантией международной безопасности и стабильности в государстве. Но правление представляло собой тридцать лет иллюзии, за которыми последовали пятнадцать лет крушения иллюзий. Мир с соседями Англии уступил место войне в Нидерландах, во Франции, в Ирландии, на побережье Испании и на море — и без каких-либо признаков успешного завершения. Внутренний мир и временами нелегкое сотрудничество крупных политиков в период от смерти Норфолка до смерти Лестера сменилось яростной фракционной борьбой при дворе и связанными с ней конфликтами во многих странах. Экономическое процветание, которое регулярными хорошими урожаями показывало Божью милость к Лизиной Англии, уступило место такому же ужасающему сочетанию высоких цен на продовольствие, роста смертности, торгового застоя и общественной нестабильности, какое дискредитировало Марию Тюдор в ее последние годы.

По мере того как ширилась пропасть между образом и реальностью, распространялось недовольство, ибо англичане никогда не любили реальную Елизавету — они любили образ, который она создала, и обещания, которые она давала. Когда военные и экономические обстоятельства в годы после Армады оказались такими трудными, старый образ потускнел и старые обещания оказались пустыми. Но не было новой модели королевы, нового взгляда на ее вклад в благосостояние нации. В новом жестоком мире 1590-х Елизавета оказалась политическим банкротом. Единственный ответ, который могли предложить она и близкие к ней, оставался «тем же самым». Для ее политического стиля это означало, что она все больше использовала дурное настроение как способ управления, чаще не хотела тратить деньги на необходимые политические действия, все чаще полагалась на немногих политиков, которым доверяла и которых награждала. Для ее политического образа это значило все более

расточительные похвалы несуществующим качествам, все более натянутые изображения идеализированной красавицы, все более частые повторения старых лозунгов. Мир, в котором Елизавета так старательно построила свою модель женской монархии, изменился — но Елизавета жила в соответствии со своим лозунгом «Semper idem» — «Всегда то же самое». Она была правителем, отставшим от событий — «дама, которую время озадачило», как заметил Рэли[213].

Только в двух отношениях изменился стиль ее правления в последние годы. Во-первых, она позволила сделать себя заложницей фракции. На протяжении большей части своего правления она пыталась сохранять равновесие среди советников и оставляла открытым выбор политической линии — она даже одновременно следовала противоположным тактическим схемам. Но в 1590-х гг. она связала свою судьбу со сторонниками Сесила — или была ими захвачена: она продвигала их союзников и в общем принимала их политику. Эссекс и его последователи имели реальные причины для недовольства, а также Рэли и Кобем, после того, как они порвали с лагерем Сесила. К 1597 г. у Елизаветы остался Тайный совет всего из одиннадцати членов, и пятеро из них были сыновьями предшествующих советников (и еще один — пасынком). Самим своим консерватизмом, своей преданностью семьям старых служителей и своим нежеланием сделать новые назначения королева сузила основу своей политической поддержки. Таким образом она довела группировку Эссекса до восстания в 1601 г., как довела северных графов в 1569 г. тем, что исключила их. Провал мятежа во главе с Эссексом еще больше усилил контроль над ней Роберта Сесила: он управлял ее дворцовыми развлечениями, как и ее политикой — он даже пытался указывать ей, когда ложиться спать.

Во-вторых, Елизавета стала реже появляться на публике; в 1602 г. Харингтон описал ее как «даму, которая заперлась в своих покоях от своих подданных и большинства своих слуг и которую редко видно, разве что по святым праздникам»[214]. Правда, она снова выезжала в летние поездки в 1599–1602 гг., но только на короткие расстояния, не заезжала в города и не делала настоящих попыток повстречаться со своим народом. Своими последними поездками Елизавета доказывала самой себе, что она еще на это способна даже больше, чем доказывала своим подданным, что она все еще королева. Снова перепечатывались старые баллады ко дню воцарения, а картины и гравюры воспроизводили старый образ (молодой королевы), но сама Елизавета мало занималась своими собственными отношениями с общественностью. Она произнесла свою «золотую речь» представителям Палаты Общин в

1601 г. — но это была вынужденная попытка восстановить себя в качестве заботливого правителя после поражения в вопросе по поводу монополий, и эти темы, как и сама королева, были опустошены. С точки зрения пропаганды, Елизавета не смогла предложить ничего нового — она определенно не собиралась выступать в качестве бабушки нации. Громадная популярность Эссекса и симпатии к Камберленду и Маунтджою отражают на просто поиски нового героя, но и невысокое мнение о старой героине.

При дворе и в графствах снова пробудилось политическое женоненавистничество первых лет правления. Беды времени были приписаны правлению женщины. Генри Уоттон утверждал: «Королева сдает — далее по отношению к себе самой она становится все более обидчивой и подозрительной», а Эссекс жаловался на «затяжки и непостоянство» правительства, «что является результатом пола королевы»[215]. Это объяснение половой принадлежностью было привлекательно, так как содержало в себе посылку, что все будет хорошо, как только старая дама умрет. Привлекательность шотландского короля Якова была во многом в том, что он был мужчиной, хотя, в данном случае, не настолько мужчиной, как можно было надеяться. При дворе во всю издевались над королевой лично: ее фрейлины злобно над ней хихикали, иностранные послы докладывали о ее своеобразном поведении, и Джон Харингтон, ее крестный сын, писал пером ее портреты в образе глупой старухи. Она была женщиной; она определенно была стара, но если она казалась глупой, то только по контрасту между идеей и реальностью. Елизавете не удалось разработать новую роль: постаревшая актриса действительно выглядела глупо, продолжая играть роль, которая когда-то сделала ее знаменитой.

В последние годы Елизавета раздражала и приводила в недоумение своих ведущих подчиненных: они «в общем устали от управления старухи» и хотели короля. Джон Харингтон смеялся над своей крестной матерью и с нетерпением ждал Якова — но разгульные празднества в честь визита датского короля Кристиана IV в 1606 г. убедили его, что, в конце концов, старушка была не так уж плоха. Празднования с 17 ноября были перенесены на 24 марта, день вступления на престол Якова. Но, писал епископ Гудмен, «после нескольких лет, когда мы испытали, что такое шотландское правление, тогда — при пренебрежении к шотландцам и при ненависти и отвращении к ним — казалось, королева ожила. И тогда память о ней возросла: такой колокольный звон, такая всеобщая радость и проповеди в поминание о ней, и картина ее гробницы нарисована во многих

церквах; и на самом деле все более торжественно и радостно в день ее коронации, чем в день прихода короля Якова»[216].

В действительности это было нечто большее, чем враждебность к шотландцам. Елизавета Тюдор быстро превратилась в палку, которой били шотландцев, сначала Якова, а потом Карла.

Фулк Гревилл, бывший друг Филиппа Сидни и сторонник Эссекса, вскоре представил анализ успеха Елизаветы, который был зашифрованным комментарием к недостаткам первых лет правления Якова[217]. Приблизительно к 1610 г. Гревилл хвалил те качества Елизаветы, которые при жизни казались недостатками — ее бережливость, ее нежелание создавать новых пэров. Ее одели в одежды, которые она сама вряд ли узнала бы, чтобы она служила образцом для своего преемника: идеалистка, желающая поставить религию на первое место, образец активного деятеля, протестантская внешняя политика. В непосредственном сравнении с Яковом ее хвалили за то, чего она не делала — она не искала прецедентов, чтобы расширить свои привилегии: она не провоцировала парламент на защиту своих свобод; она не изобретала гнетущих финансовых уловок; она не предоставляла фаворитам независимости; она не устрашала сенаторов твердыми заявлениями о своей собственной позиции. Кое-что в этой картине было верно, кое-что было грубым искажением — но большей частью это было зеркальное отражение Якова, а не портрет Елизаветы. Создавался новый образ Елизаветы как инструмент политики Стюартов первых лет.

Краткий очерк Фулка Гревилла о королеве дополнил деталями и содержанием Вильям Камден, чья история ее царствования была написана между 1608 и 1617 гг. Темы во многом оставались те же самые: Елизавета — образец соответствия конституции, финансовой честности и протестантской энергии. Первые три части «Анналов» Камдена были опубликованы на латыни в 1615 г. и на английском в 1625: в них показано, что Елизавета решительно стремилась к чистоте религии, национальной безопасности и экономическому процветанию — она тратила деньги на оборону и союзников, а не на фаворитов. Четвертая книга этого труда, опубликованная на латыни в 1625 г. и на английском в 1629 г., рассматривала период от 1588 до 1601 г.: сделав ударение на сухопутных и морских военных успехах против Испании, она показала контраст беззубой и неэффективной внешней политики Стюартов. Чтобы сравнение было ясно всем, английское издание 1625 г. вышло с иллюстрированным титульным листом, показывающим морскую славу Елизаветы: нападение Дрейка на Кадис в 1587 г., победу

над Армадой 1588 г. и сожжение Кемберлендом Сан-Хуана в Пуэрто-Рико в 1591 г., а также экспедицию в Кадис в 1596. Елизавета, крайне не расположенная к боевым действиям, теперь стала протестантской героиней, использующей морское владычество Англии, чтобы поставить на место католическую Испанию — как раз этого хотели от Стюартов.

Камден, как и Гревилл, показывал Елизавету умелым тактиком во внутренней политике, старающимся сдержать фракционную борьбу при дворе. К 1630-м гг. другой бывший приспешник Эссекса, Роберт Нонтон, увидел в манипулировании фракциями ключ к ее политическому успеху. Он отрицал, что Елизавета предоставила Лестеру свободу действий, и утверждал, что, создавая фракции и удерживая их в равновесии, она держала открытыми коммуникационные каналы и руководила правительством на широкой основе. Опять версия правления Елизаветы была построена как антитезис к политике Стюартов: Елизавета не разрешала каким-нибудь Бакингемам монополизировать покровительство и политику, и она не оказывалась в изоляции от противоположных мнений. У Нонтона королева тоже заботилась о своих подданных, облагала их легкими налогами и посвятила себя учреждению и защите протестантской религии. Для Нонтона и для сэра Джона Элиота Елизавета была всем, чем не был Карл I — популярным монархом, другом парламента и защитником международного протестантизма.

В 1603 г. Елизавета казалась глупой старухой, а мужчины с нетерпением ожидали короля из рода Стюартов. К 1630 г., когда короли Стюарты оказались довольно крупным разочарованием, она стала образцом всех монарших добродетелей — принципиальной, в отличие от Якова, и мудрой, в отличие от Карла. Но перспектива в 1630 г. была не более безрадостной, чем перспектива в 1603: Елизавета настолько же была протестантской героиней, насколько и раздражительной старушенцией. Елизавета была протестанткой, но не хотела чересчур стараться по этому поводу. Она смягчила свои намерения в 1559 г., когда столкнулась с аристократической оппозицией в Палате Лордов и народной оппозицией в приходах. Она сопротивлялась всем дальнейшим попыткам удалить папистские недостатки из англиканской церкви и многим усилиям подвергать католиков наказанию. Самое главное, она отказывалась проводить внешнюю политику на основе протестантской идеологии — и отказ привел к далеко идущим конфликтам с ее ближайшими советниками. Если Елизавета вступала в союз с протестантскими мятежниками — шотландскими кальвинистами в 1560, французскими

гугенотами в 1562, 1589 и 1591, голландскими кальвинистами с 1585 г. — это делалось не в целях идеологической борьбы с силами Антихриста. Она поступала так потому, что разумно было поддерживать врагов ее врагов.

Протестанты-энтузиасты в начале XVII в. создали портрет Елизаветы I, который оказался и привлекательным, и значительным. Как утвержденные портреты-образцы во время ее правления, этот протестантский портрет был много раз скопирован в разном одеянии на разном фоне. Империалистические историки в конце XIX в. и романтические английские националисты в середине XX видели в ней сочувствующего устроителя всех неотложных чаяний энергичной протестантской Англии — повивальную бабку будущего. Но Елизавета проявляла мало энтузиазма по поводу роста народного протестантизма, парламентского надзора, союзов на континенте и морских нападений на Испанию. Она не возглавляла нападение на фронтах, она старалась удержать их с тыла: ее правление было постоянной борьбой за то, чтобы избежать политических линий и обуздать силы, которые ей не нравились. Елизавета не была мудрым и могучим государственным деятелем, проводящим конструктивную политику, нужную, как она знала, своей стране: она была неуравновешенным политиком, стремящимся выжить.

Хотя ей было выгодно преувеличивать те проблемы, с какими она столкнулась, став королевой, но проблемы действительно были, а некоторые вскоре стали еще серьезнее. Англия вела войну на два фронта, и народ был против войны из-за поражений и экономических неурядиц. Договор в Като-Камбрези в 1559 г. и интервенция в Шотландию в 1560 снизили риск вторжения французских войск — но потом гражданские войны во Франции ослабили противовес испанской силе. После того как восстание его голландских подданных заставило Филиппа II послать испанскую армию в Нидерланды, Англии грозило вторжение через пролив в случае поражения голландцев. Тогда Елизавета оказалась под неустанным давлением своих ближайших советников. Они хотели, чтобы она создала лигу протестантских государств и протестантских повстанцев и вела войну с католиками в Европе. Но королева не хотела узаконить религиозное восстание, поддерживая мятежников против других монархов, и боялась, что протестантские союзы усилят враждебность Испании, которую она хотела сдержать. Впоследствии она оказывала лишь минимальную помощь зарубежным протестантам, лишь бы оградить их от поражения, в то же время ища соглашения с другими монархами — эта политика дома казалась нерешительной, а за рубежом —

двуличной.

Политические проблемы, стоящие перед Елизаветой, были столь же серьезны и в области религии. Сама она была протестанткой, ее доверенные сподвижники были протестантами, и в начале ее правления были веские политические причины в пользу протестантской религии. Многие католики смотрели на Елизавету как на незаконное отродье тирана и еретика, и у Марии Стюарт были веские католические притязания на английский трон (при некоторой поддержке из Рима). Если Елизавета становилась протестантской королевой, она наносила удар по враждебным интересам, привязывала английских протестантов к своему престолу и отделяла себя от позорных событий правления ее сестры. Но в 1559 г. оказалось невозможным достигнуть настоящего протестантского соглашения, и настроения в парламенте и в народе показывали враждебность к переменам. Тогда как ее советники и протестантские епископы настаивали на дальнейшем внедрении протестантизма, сама Елизавета видела опасность в отстранении католиков. Поэтому она старалась сохранить те особенности англиканской церкви, против которых протестанты особенно возражали, чтобы сохранить консерваторов в лоне национальной церкви.

Во внешней политике Елизавета отказалась сделать выбор между поддержкой восставших протестантов и уступками католической Испании: она пыталась проводить обе стратегии сразу. В религии она отказывалась выбирать между безоговорочным протестантизмом и неуступчивым католицизмом: она пыталась создать церковь, которая соблазняла бы призывом к единству всех, кроме самых твердолобых с обеих сторон. Существовали веские политические причины для того, чтобы в начале ее правления избегать необратимых обязательств — но правда и то, что присущая характеру Елизаветы нерешительность способствовала ее изначальной привередливости и в дальнейшем ее поддерживала. Действительно, далеко не ясно, преследовала ли королева сознательно умеренную политику в религии и в международных отношениях. Может, она колебалась между политическими вариантами или следовала им всем без достаточной решительности или просто по счастливой случайности как-то проползала к какому-нибудь концу теми способами, которые кажутся сознательно умеренными только благодаря особой проницательности или тому, что мы смотрим в прошлое. Мы приблизительно знаем, что Елизавета делала, но она нам не рассказала, почему она поступала именно так.

Политические обстоятельства первой декады ее правления загоняли ее в положения, которые требовали постоянной борьбы. Появлялись новые проблемы — особенно насчет замужества, престолонаследия, Марии Стюарт, — все они влекли за собой основополагающие трудности в иностранных и религиозных делах. В начале 1561 г., казалось, она обдумывала решительное действие, чтобы разрешить все свои дилеммы — некоторое время она думала о том, чтобы выйти замуж за Роберта Дадли, для чего искала поддержки Испании и делала дальнейшие уступки английским католикам. Таким образом она могла бы освободить себя от связывающей ее опоры на протестантов и привлечь достаточную поддержку католиков. Но враждебность, с которой были встречены при дворе и в Лондоне слухи об этих планах, должно быть, убедила ее, что «испанская стратегия» приведет к гражданской войне. Практически не было альтернативы умеренному курсу (или проползанию) — и не было альтернативы сосуществованию с ее протестантскими сторонниками. Следовательно, королева все время подвергалась огню советов и информации со стороны своих протестантских советников, ведущих к тому, чтобы она более решительно принимала политику протестантов.

Таким образом, во время правления Елизаветы постоянно проверялось политическое искусство и политическая сила монарха династии Тюдоров. Положение у нее было такое, труднее которого не бывает. Ей приходилось сопротивляться махинациям советников, когда они пытались втянуть ее в свои интриги. Ее информационные источники были почти совершенно ненадежны, а ее собственные советники и послы, так же как и иностранные дипломаты, давали ей ту информацию, какую им было нужно. Конкретные политические (или тактические) линии, которые она проводила, мало кем поддерживались, а те служащие, которые их, как предполагалось, выполняли, часто не верили в то, чем они занимались. Она не могла доверять своим агентам — администраторам ли, послам, местным губернаторам или генералам — они не выполняли ее приказов, если за ними постоянно не следили. Ей нужно было покупать сотрудничество нерадивых слуг, предлагая заманчивые награды — но распределение милостей могло привести либо к монополии распределителя благ, либо к фракционной борьбе между конкурирующими группами. И ей приходилось достигать этого, несмотря на страшное политическое препятствие: она была женщиной в мире мужчин.

Принадлежность Елизаветы к женскому полу создавало три большие трудности в патриархальном обществе, где для женской

власти не было идеологических оснований. Во-первых, усложнилась проблема наследования, поскольку трудно было найти отца для ее ребенка, не найдя господина для себя. Сэр Филипп Сидни предупреждал королеву, чтобы она не выходила замуж за Алансона, поскольку когда герцог начнет требовать, чтобы она переменила религию, она будет разрываться между покорностью Богу и покорностью своему мужу. Во-вторых, это осложняло ее отношения с политическими деятелями: ей нужно было сделать так, чтобы они охотно ей подчинялись, и убеждать их, что она знает лучше. В-третьих, это усложняло ее отношения с подданными: ей надо было найти то лицо монархии, которое подходило бы женщине и все же предполагало повиновение. Из этих трудностей и пришел образ королевы-девственницы, матери ее народа. Девственность не очень-то помогала с проблемой наследника — но она давала возможность вполне оправдаться в том, что она не будет решаться в браке. Королева-девственница получала возможность очаровывать своих советников и придворных и обеспечить влюбленное сотрудничество некоторых из ее магнатов. И девственная мать могла разыгрывать роль заботливой защитницы интересов своих детей.

Елизавета привнесла настоящий драматический талант в роль королевы-девственницы и матери и освободила себя от некоторых ограничений своего пола. Но постановка, в которой она была звездой, не сходила со сцены сорок пять лет, дублерши у нее не было, и ей приходилось играть в каждом спектакле: это было постоянное напряжение. Не всегда ее исполнение бывало безупречным: ей не нравилась ее роль в первые годы, когда она надеялась выйти замуж за Дадли; она ей надоела в 1579 г., когда она подумывала о браке с Алансоном; и она не вполне с ней справлялась в последнее десятилетие. В некоторых важных случаях она произнесла не те слова — в ее действиях относительно герцога Норфолка и северных графов в 1569 г. и с Эссексом и его союзниками в 1596. Она часто вызывала недовольство своих протестантских поклонников, когда не надевала их костюм в 1561, 1565, 1575, 1579 и 1584 гг. Она потеряла уверенность в интерпретации роли в 1585 г. и позволила своему партнеру уговорить ее на более агрессивную версию для зарубежной аудитории. Ее отношения с актрисами на второстепенных ролях хорошими не были никогда, ей нелегко было работать с молодыми новичками, а как старую опытную актрису ее переиграл своим огненным талантом Эссекс. Но ее исполнение приносило награды, и если чего-то не хватало в драматической концепции, это с лихвой перекрывалось чистым профессионализмом.

Сравнение с драмой очень подходит для правления Елизаветы, ибо ее сила была иллюзией, а иллюзия — ее силой. Как Генрих IV во Франции, она создала из себя такой образ, который принес ее стране престиж и стабильность. Благодаря постоянному вниманию ко всем деталям всего ее исполнения она заставляла всех остальных исполнителей ходить на цыпочках и сохраняла для себя роль королевы. Елизавета сделала себя необходимой для своих политиков, популярной в своем народе и вызывала вынужденное восхищение у собратьев-монархов. Хотя они могли пылать гневом к «новой Иезавели», правители Европы вынуждены были признать ее искусство, Особо поражен был папа Сикст V. «Только посмотрите, как она правит! — заявил он в 1588 г — Она всего лишь женщина и владеет всего лишь половиной острова, и все же она вызывает страх у Испании, у Франции, у Империи — у всех!» Елизавета выгодно отличалась от своих современниц: Екатерина Медичи не смогла предотвратить гражданскую войну во Франции, а Марию Стюарт выгнали из ее королевства после семи лет личного правления. Фрэнсис Бэкон сделал вывод; «Женское правление было редкостью во все времена; удачное правление еще большей редкостью, удачное и в то же время долгое правление — это уникальное явление»[218]. Для правителя-женщины просто долговечность уже была громадным достижением.

Но не только королева считала мудрым стремление выжить. Испанский король Филипп, как и Елизавета, правил больше сорока лет, и для него колебания тоже были политическим инструментом: когда его убеждали, что надо действовать быстро, он устало отвечала: «Я и время уладим наши дела, как сумеем»[219]. Если учесть, что каждое новое правительство вначале обладает малой принудительной силой, только скромные цели были осуществимы, и многое можно сказать в защиту умелого бездействия. Грандиозные проекты, как убедился Филипп со своими тремя катастрофическими армадами против Англии, очень часто приносят горе. После 1559 г. Елизавета не предпринимала решительных политических начинаний: она сопротивлялась попыткам ее министров вовлечь ее в действие, и судьбы английских военных походов показали, что ее опасения были справедливы. Похвала Фрэнсиса Бэкона в адрес Елизаветы удивительно негативна: одобрения заслуживает то, чего она не делала, а не деяния ее. Королева была тактиком, а не стратегом — прирожденная актриса, но не драматург и не режиссер.

Королева Елизавета не пыталась решить проблемы, она их просто избегала, а некоторые пережила, они просто исчезли. Остальные вернулись и преследовали ее наследника, Якова I —

но это были его проблемы, а она никогда особенно не думала о том, что произойдет после ее смерти. Ее отказ заниматься проблемой преемственности, продажа королевских земель для финансирования войны, ее отказ использовать и наградить поколение Эссекса показывают, насколько ограничен был ее взгляд в будущее. Этот прагматический подход к политике стал возможен, потому что она придерживалась ограниченной концепции своей роли как королевы. Хотя Елизавета много говорила о ее долге перед Богом и заботе о своем народе, это было политическое пустословие, чтобы оправдать правление. После церковного соглашения 1559 г. она не чувствовала общественного долга сделать что-нибудь еще — не реформировала администрацию, не навела порядок в церкви, не улучшила положение бедных, не колонизировала Северную Америку, поскольку не видела причин, чтобы все это делать. Целью Елизаветы в качестве королевы было быть королевой; ее использование королевской власти не было средством к достижению высших целей, это само по себе было целью. Она не согласилась бы с утверждением Филиппа II, что «монарх создастся для общества», еще менее с тем, что монархия — это «форма рабства, увенчанная короной»[220]. Может быть, королева Елизавета и служила Богу, но уж никак не своему народу.

Библиографический очерк

Почти невозможно написать взвешенное исследование о Елизавете I. Историографическая традиция так ее превозносит, что трудно избежать двух позиций: или плыть по течению всеобщих восхвалений, или энергично повернуть против него и тем самым создать неприличные брызги. Рекламирование Елизаветы началось во времена ее собственного правления усилиями протестантов, официальных пропагандистов и корыстных сочинителей баллад. Эти восторженные похвалы были превращены в стройное историческое повествование Уильямом Камденом (Camden), который написал свои «Анналы» (Annales) в 1610-х гг. Камден сформулировал историографический образец царствования, и историки обычно следовали этой схеме: Елизавета унаследовала хаос внутри страны и угрозы из-за рубежа, но благодаря своему собственному искусству и дальновидности она нашла объединительные решения для национальных проблем. Таким образом, правление Елизаветы стало золотым веком прогресса, при этом заботливая королева вдохновляла свой народ на великие свершения и пресекала все воинствующие сепаратистские тенденции, «Версия Камдена» лежала в основе анализа правления Елизаветы на протяжении прошлого века: этому образцу следовало большинство из почти восьмидесяти биографий, опубликованных с 1890 г. Лучшими образцами современной романтической националистической интерпретации являются: Neale J. E. 1934 *Quenn Elizabeth,* Cape; Rowse A. L. 1950 *The England of Elizabeth,* Macmillan; Hurstfield J 1960 *Elizabeth I and the Unity of England,* Teach Yourself History Series; and Johnson P 1974 *Elizabeth I: a study in power and intellect,* Weidenfeld &; Nicolson.

Критиков Елизаветы было мало, и причины для их критических замечаний иногда кажутся весьма странными. Froude J A in his 1856 — 70 *History of England from the Fall of Cardinal Wolsey to the Defeat of The Spanish Armada* (12 vol), Macmillan ставили Елизавете в вину недостаток здорового протестантизма и энергичного национализма. C. H. Wilson's 1970 *Queen Elizabeth and the Revolt of the Netherlands,* Macmillan оплакивал ее отказ способствовать рождению независимых великих Нидерландов, оказав им решительную поддержку против Испании. За исключением католиков, которые осуждали ее преследования, Елизавету обычно порицали за то, чего она не делала (или что она делала недостаточно решительно), а не за то, что она делала, как будто она могла поступать, как хочет. Но

Carolly Erickson's 1983 *The First Elizabeth,* Macmillan рисует королеву как лишенную воображения, нерешительную, раздражительную и глубоко эгоистичную. Хотя изложение Эриксон находится под сильным влиянием сплетен иностранных послов и Бесс из Хардвика, ее изложение и оценка в некоторых отношениях более реалистичны. По крайней мере, ее Елизавета имеет черты обычного человека в трудном положении, а не «богини из машины», которой под силу решить все проблемы, если только она захочет.

Сейчас политическое положение Елизаветы кажется гораздо более сложным, чем оно казалось во времена расцвета романтической националистической традиции. Исследования правления ее отца — особенно Starkey D R 1985 *The Region of Henry VIII: personalities and politics,* George Philip, and Ives E W 1986 *Anne Boleyn,* Blacwell показывают, как даже исключительно волевым и внушающим страх королем могут манипулировать придворные группировки. Loades D. M. in 1979 *The Reign of Mary Tudor,* Benn предполагает, что правление сестры Елизаветы началось благополучно, но налетело на рифы войн с иностранными державами, религиозных разногласий, инфляции и административной слабости — проблемы, с которыми столкнулась и сама Елизавета. Механизм правления Тюдоров теперь кажется обветшавшим и в некоторых отношениях неэффективным. Smith A G R in 1967 *The Government of Elizabethan England,* Arnold, Williams P H in 1979 *The Tudor Regime,* Oxford, and Elton G R in three essays on Tudor government: the points of contact (reprinted in his 1983 *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government,* Cambridge, vol 3) показали, насколько правление зависело от сотрудничества местных магнатов, купленного милостями или соблазненного пропагандой. Монархическая власть осуществлялась не отдачей безапелляционных приказов мгновенно повинующимся служащим: скорее, это была постоянная борьба за то, чтобы создать впечатление, что правительство все-таки действует.

Исследования правления Елизаветы обычно рассматривали проводимую ею политическую линию и оценивали ее как хорошую или плохую, имеющую успех или провалившуюся. Этот процесс оценки предполагает, что королева могла поступать, как хотела: она могла находить ответы на признанные национальные проблемы и осуществлять их через правительственный механизм. Но информация и учреждения, которые были в распоряжении королевы, не оправдывали такого подхода. Вместо этого, данная книга рассматривает Елизавету с точки зрения ее возможностей, а не с точки зрения проводимой политики: она рассматривает ее

отношения с другими политиками и с учреждениями и группами политической жизни — книга задает вопрос, как она удержалась на престоле, а не как она решала проблемы. Ибо быть монархом в Англии было нелегко — особенно трудно было быть правящей королевой. Во-первых, Елизавете надо было утвердиться как достойному и независимому правителю, несмотря на ее сомнительное происхождение и ее пол. Точка зрения Heish A 1980 Queen Elizabeth and the persistence of patriarchy, *Feminist Review* 4, ведет к тому, что она задает важные вопросы, и можно найти полезные материалы по вопросу о браке в наследовании в Levine M. 1966 *The Early Elizabethan Succession Question, 1558–1568,* Stanfort; MacCaffrey WT 1969 *The Shaping of the Elizabethan Regime,* Cape; and 1981 *Queen Elizabeth and the Making of Policy,* Princeton. Роль имиджа Елизаветы в ее взаимоотношениях с политиками обсуждается в работах, перечисленных ниже в абзаце о дворе.

Об отношениях Елизаветы с церковью лучше всего судить по Haugaard WP 1968 *Elizabeth and the English Reformation,* Cambridge, хотя его рассуждения о создании законодательства 1559 г. следует пересмотреть в свете Jones N L 1982 *Faith by Statute: Parlament and the seettlement of religion, 1559,* Royal Historical Society. Столкновение влияний, которым подвергалась королева, показано у Collinson P. 1967 *The Elizabethan Puritan Movement,* Cape (где подчеркнуты фанатические требования о большем протестантизме) и Haigh C. A. 1981 The continuity of Catholicism in the English Reformation, *Past and Present* 93 (где показана степень консервативного сопротивления переменам). Обзоры религиозных течений в этот период предлагаются в McGrath P. 1967 *Papists and Puritans under Elizabeth I,* Batsford, and by Collinson and Haigh in Haigh C. A. (ed.) 1984 *The Reign of Elizabeth I,* Macmillan. Набожность самой Елизаветы рассматривается у Haugaard W. P. 1981 Elizabeth Tudor's *Book of Devotions*: a neglected clue to the queen’s life and character, *Sixteenth Century Journal* 12; сколь мало она влияла на ее политические расчеты, показано у Cross C 1970 *The Royal Supremacy in the Elizabethan Church,* Allen &; Unwin, and Heal F M 1980 *Of Prelates and Princes: a study of the economic and social position of tudor episcopate,* Cambridge.

Монументальный труд Lawrence Stone 1965 *The Crisis of tke Aristocracy, 1558–1641,* Oxford — точка отсчета всех дискуссий об отношениях между короной и знатью. Может быть, Стоун принимает изменения в фундаменте богатства и власти аристократии за упадок, а вынужденное уничтожение Тюдорами конкретных предателей — за антиаристократическую политику вообще. Продолжающееся политическое значение пэров хорошо показано у Williams P. H. 1979 *The Tudor Regime,* Oxford, and Hasler

P. W. 1981 *The House of Commons, 1558–1603,* Histiry of Parlament Trust (3 vols) vol. 1. Нет надежного опубликованного разбора заговоров и мятежей 1568–1571 гг.: MacCaffrey W. T. 1969 *The Shaping of the Elizabethan Regime,* Cape, Read C. 1955 *Mr Secretary Cecil and Queen Elizabeth,* Cape, and Williams N 1964 *Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk,* Barrie &; Rockliff дают краткие обзоры, и на мое толкование восстания повлияло Taylor S. E. 1981 The revolt of the northern earls, University of Manchester Ph.D. thesis. Имеются намеки на официальное отношение к знати в MacCaffrey W. T. 1961 Place and patronage in Elizabethan politics, in Bindoff S T, Hurstfield J, Williams C H (eds) *Elizabethan Government and Society,* Athlone, and Hurstfield J 1958 *The Queen's Wards: wardship and marriage under Elizabeth I,* Cape.

Единственное тонкое освещение Тайного совета и его роли — это Elton G. R. 1983 Tudor government: the points of contact. II the Council, in *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government,* Cambridge, vol. 3. Имеется полезный материал в Pulman M. B. 1971 *The Elizabethan Privy Council in the Fifteen-Seventies,* California. Среди историков наблюдаются споры по поводу степени разногласий и соперничества между членами Совета: Read C 1913 Walsingham and Burghley in Queen Elizabeth's Privy Council, *English Historical Review* 28, возможно, преувеличивают разногласия, но MacCaffrey W T 1981 *Queen Elizabeth and the Making of Policy,* Princeton, and Adams S L 1984 Eliza enthroned? The Court and its politics, in Haigh C. A. (ed.) *The Reign of Elizabeth I,* Macmillan, похоже, преувеличивают гармонию. Споры по вопросу о внешней политике между членами Совета и королевой обсуждаются в: Thorp M. R. 1984 Catholic conspiracy in early Elizabethan foreign policy, *Sixteenth Century Journal* 15; Wilson C H 1970 *Queen Elizabeth and the Revolt of the Netherlands,* Macmillan; Adams S L 1973 The Protestant cause: religious alliance with the West European Calvinist communities as a political issue in England, 1585–1630, University of Oxford; D.Phil. thesis; Read C. 1925 *Mr Secretary Walsingham and the policy of Queen Elizabeth* (3 vols), Oxford; Read C. 1955 *Mr Secretary Cecil and Queen Elizabeth,* Cape; Read C 1960 *Lord Burghley and Queen Elizabeth,* Cape; Wernham R. B. 1980 *The Making of Elizabethan Foreign Policy,* California; Wernham R B 1984 *After the Armada: Elizabethan England and the struggle for western Europe, 1588–1595,* Oxford.

Значение двора в политике объясняется у Neale J. E. 1958 The Elizabethan political scene, in *Essays in Elizabethan History,* Cape. Возможно, что Нил преувеличивал расколы и групповщину при дворе в начале 1590 гг.: Wernham R B 1984 *After the Armada,* Oxford предполагает, что Эссекс и Сесилы успешно сотрудничали в вопросах внешней политики. Самые полезные недавние обзоры

положения при дворе следующие: MacCaffrey W. T. 1961 Place and patronage in Elizabethan politics, in Bindoff S T, Hurstfield J, Williams C H (eds) *Elizabethan Government and Society,* Athlone; Elton G R 1983 Tudor government: the points of contact. Ill the Court, in *Studies in Tudor and Stuart Politics and Government,* Cambridge, vol. 3; Williams P H 1983 Court and polity under Elizabeth I, Bulletin of the John Rylands University Library 65; Adams S L 1984 Eliza enthroned? The Court and its politics, in Haigh C. A. (ed.) *The Reign of Elizabeth I,* Macmillan; Loades D. M.1986 *The Tudor Court,* Batsford. Нам нужны обстоятельные, по-настоящему научные исследования придворной политики. Личные взаимоотношения при дворе могут быть изучены при помощи Williams N 1972 *All the Queen's Men,* Macmillan; Brooks E St J 1946 *Sir Christopher Hatton,* Cape; Wilson D 1981 *Sweet Robin: a biography of Robert Dudley, earl of Leicester,* Hamilton; Rowse A L 1962 *Raleigh and the Throckmortons,* Macmillan; and Lacey R 1971 *Robert, Earl of Essex,* Weidenfeld &; Nicolson. Аспекты культуры и ритуала при дворе показаны у Yates F A 1975 *Astraea: the imperial theme in the sixteenth century,* Routledge &; Kegan Paul; Strong R 1977 *The Cult of Elizabeth: Elizabethan portraiture and pageantry*, Thames &; Hudson; Strong R 1987 *Gloriana: the portraits of Elizabeth I,* Thames *&;* Hudson.

Классическое освещение, как Елизавета справлялась со своими парламентами — это Neale J. E. 1953, 1957 *Elizabeth I and Her Parliaments,* Cape (2 vols). Но версия Нила, с ее постоянными столкновениями между пуританским парламентом и отбивающимся правительством, была подорвана — если не разрушена — у Elton G R 1984 Parliament, in Haigh C. A. (ed.) *The Reign of Elizabeth I,* Macmillan. Проблемы управления парламентом совсем с другой точки зрения рассматриваются у Graves M. A. R. 1980 Thomas Norton the Parliament man, *Historical Journal* 23; Graves M. A. R. 1983 The management of the Elizabethan House of Commons: the Council's «men of business», *Parliamentary History* 2. Собственный вклад Елизаветы оценивается у Heisch A 1975 Queen Elizabeth I: parliamentary rhetoric and the exercise of power, *Signs,* 1. У Elton G R 1986 *The Parliament of England, 1559–1581,* Cambridge работа парламента рассматривается глубоко научно, с детальным вниманием к созданию законопроектов и принятию законов. Выборы в Палату общин рассматриваются (иногда умозрительно) у Neale J. E. 1949 *The Elizabethan House of Common's,* Cape, and Hasler P. W. 1981 *The House of Commons,* 1559–1603, History of Parliament Trust (3 vols) vol 1. Важность Палаты Лордов трудно оценить из-за малого количества записей — но она, вероятно, была гораздо значительней, чем кажется сейчас.

Лучшее истолкование ограниченности военных ресурсов в

елизаветинской Англии и проблемы их размещения — это Cruickshank C G 1966 *Elizabeth's Army,* 2nd edn, Oxford, хотя Wernham R B 1984 *After the Armada: Elizabethan England and the struggle for western Europe, 1588-95,* Oxford не столь пессимистичен относительно движений. Стратегические варианты в распоряжении Елизаветы и трудности контроля за военачальниками представлены с пониманием и ясностью в Wernham R B 1961 Elizabethan war aims and strategy, in Bindoff S T, Hurstfield J, Williams C H (eds) *Elizabethan Government and Society,* Athlone. Кампания Лестера в Нидерландах оценивается у MacCaffrey W/ T/ 1981 *Queen Elizabeth and the Making of Policy,* Princeton; кампания Эссекса в Нормандии у Lloyd H. A. 1973 *The Rouen Campaign, 1590 — 92,* Oxford; и кампании в Ирландии у Falls C 1950 *Elizabeth's Irish Wars,* Methuen, and Falls C. 1955 *Mountjoy, Elizabethan General,* Oldham. Важность частного предпринимательства в морских военных действиях показана у Andrews K. R. 1964 *Elizabethan Privateering,* Cambridge; Andrews K R 1967 *Drake's Voyages,* Weidenfeld &; Nicolson; Andrews K R 1972 Sir Robert Cecil and Mediterranean plunder, *English Historical Review* 87. Профессор Эндрюс показывает, насколько вопрос о частной прибыли повлиял на политические решения и действия.

Технология создания образа в глазах общественности изучалась широко. О написании политических брошюр можно судить по Real C 1961 William Cecil and Elizabethan public relations, in Bindoff S T, Hurstfield J, Williams C H (eds) *Elizabethan Government and Society,* Athlone; о портретах по Strong R 1977 *The Cult of Elizabeth: Elizabethan portraiture and pageantry,* Thames &; Hudson, and Strong R 1987 *Gloriana: the portraits of Queen Elizabeth I,* Thames &; Hudson; о балладах и поэзии по Wilson E. C. 1939 England's Eliza, Harvard, and Firth C. H. 1909 The ballad history of the later Tudors, *Transactions of the Royal Historical Society,* 3rd series, vol. 3; о поездках по Dunlop I 1962 *Palaces and progresses of Elizabeth I,* Cape, и особенно Nichols J 1823 *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth* (3 vols), Nichols. Эффективность такой пропаганды изучалась не так часто — и не так хорошо: смотрите Samaha J. T. 1975 Gleanings from local criminal court records: sedition amongst the 'inarticulate' in Elizabethan Essex, *Journal of Social History* 8. Некоторые скандальные истории сообщаются у Erickson C 1983 *The First Elizabeth,* Macmillan, а катастрофа в общественном мнении в 1579 г. коротко рассматривается у MacCaffrey W. T. 1981 *Queen Elizabeth and the Making of Policy,* Princeton. Так как публичная привлекательность Елизаветы обычно изучалась ее поклонниками, не существует систематического исследования падения ее популярности в последнем десятилетии. В этом

отношении, и по многим другим аспектам политической истории Елизаветы, еще многое предстоит сделать.

Хронологическая таблица

1533 Рождение Елизаветы.

1536 Казнь матери Елизаветы, Анны Болейн.

1547 Смерть отца Елизаветы, короля Генриха VIII.

1553 Смерть брата Елизаветы, короля Эдуарда VI.

1558 Смерть сестры Елизаветы, королевы Марии; вступление на трон королевы Елизаветы; назначение Сесила государственным сакретарем.

1559 Договор с Францией в Като-Камбрези; петиция парламента к королеве, чтобы она вышла замуж; Акты о супрематии и единообразии возрождают религию времен Эдуарда с исправлениями.

1560 Английская военная интервенция в Шотландию; смерть Эми Дадли.

1561 «Испанская стратегия» Роберта Дадли с целью женитьбы на Елизавете; скандальные слухи о Елизавете и Дадли.

1562 Елизавета едва не умирает от оспы; Совет в замешательстве относительно наследника; английская военная интервенция во Францию посредством «Ньюхэйвенской авантюры»; в Совет введены Дадли и Норфолк.

1563 Парламент посылает королеве петицию, чтобы она вышла замуж и решила вопрос о наследовании престола; конвокация утверждает «39 статей»; армия Уорика уходит из Гавра.

1564 Дадли получает титул графа Лестера как возможный претендент на брак с Марией Стюарт.

1565 Елизавета настаивает на униформе в церковной одежде; разногласия при дворе между Лестером и Норфолком.

1566 Парламент посылает петицию о решении вопроса о наследствании.

1567 Вынужденное отречение Марии Стюарт, вступление на трон младенца Якова VI как короля Шотландии.

1568 Мария бежит в Англию и ее берут под стражу; Елизавета приказывает захватить испанские сокровища на пути в Нидерланды.

1569 Заговор при дворе с целью свергнуть Сесила и добиться женитьбы Норфолка на Марии Стюарт; подавление восстания северных графов.

1570 Казни в Северной Англии; папская булла об отлучении Елизаветы; возобновление сплетен о Елизавете.

1571 Закон против действия булл из Рима; вето Елизаветы на законопроект о посещении церквей; «заговор Ридольфи» и арест

Норфолка.

1572 Договор с Францией в Блуа; казнь герцога Норфолкского; Елизавета сопротивляется нажиму относительно исключения Марии из числа наследников престола; Берли становится лордом-казначеем; начинается «Алансонское сватовство».

1573 Вальсингам становится государственным секретарем.

1574 Конвенция в Бристоле улаживает некоторые спорные вопросы с Испанией; прибытие первых католических священников из семинарии.

1575 Гриндал сменяет Паркера на посту архиепископа Кентерберийского.

1576 Парламент посылает королеве петицию о браке; Елизавета приказывает Гриндалу запретить толкования Священного предания; он отказывается; начинается официальное празднование Дня вступления на престол.

1577 Елизавета сама приказывает прекратить толкования; Гриндал отстраняется от исполнения своих обязанностей; члены Совета оказывают на Елизавету давление, чтобы она вмешалась в нидерландские дела; Дрейк начинает плавание вокруг света; первая казнь семинарийского священника.

1578 Возобновление переговоров о браке с Алансоном.

1579 Визит Алансона в Англию; кампания против предполагаемого брака; Стаббз публикует «Открытие зияющей пропасти», а Спенсер «Пастушеский календарь»; восстание в Ирландии.

1580 Прибытие миссионеров-иезуитов в Англию; возвращение Дрейка.

1581 Законопроект о нонконформизме налагает крупные штрафы за непосещение церкви; второй визит Алансона в Англию.

1582 Конец «Алансонского сватовства».

1583 Заговор Трокмортона против Елизаветы; Уитгифт становится архиепископом Кентерберийским вместо Гриндала и стремится к церковному конформизму.

1584 Смерть Алансона, убийство Вильгельма Оранского и договор в Жуанвилле (между Испанией и Францией) ослабляют международное положение Елизаветы; образование «Отряда бдительности» для защиты Елизаветы.

1585 Договор в Нонзухе с голландскими повстанцами; закон о иезуитах и семинарийских священниках предписывает смертную казнь для священников-миссионеров и тех, кто их укрывает; английское военное вмешательство в Нидерландах под командованием Лестера.

1586 Назначение трех «умеренных» в Совет; заговор Бабингтона против Елизаветы; парламентские петиции о казни Марии.

1587 Заговор Стаффорда против Елизаветы; казнь Марии Стюарт; заключение секретаря Дейвисона в Тауэр, Хаттон становится лордом-канцлером; набег Дрейка на Кадис.

1588 Переговоры с Пармой; поражение испанской Армады; обращение Елизаветы к армии в Тилбери; смерть Лестера.

1589 Английский поход на Португалию; английская военная интервенция в Нормандии под руководством Уиллоуби.

159 ˚Смерть Вальсингама; новый секретарь не назначается.

1591 Дальнейшие английские военные походы во Францию: во главе с Эссексом в Нормандию и Норрисом в Бретань; введение Роберта Сесила в Совет.

1592 Елизавета приказывает Эссексу вернуться домой.

1593 Парламент голосует за тяжелый военный налог; восстание в Ирландии; назначение Эссекса в Совет.

1594 Заговор Лопеса против Елизаветы; плохой урожай и высокие цены.

1595 Уитгифт издает кальвинистские «Ламбетские статьи», но Елизавета их не утверждает; плохой урожай.

1596 Роберт Сесил становится Государственным секретарем; английский поход на Кадис во главе с Говардом и Эссексом; плохой урожай.

1597 Вояж на Азорские острова во главе с Эссексом и Рэли; Палата Общин жалуется на злоупотребления монополий; плохой урожай.

1598 Дальнейшее тяжелое военное налогообложение; кодификация закона о бедных; усиление борьбы между Сесилом и Эссексом после смерти Берли.

1599 Английский военный поход в Ирландию под руководством Эссекса; Сесил становится мастером по опеке; после военного поражения Эссекс заключает секретное соглашение с Тироном и возвращается ко двору.

1600 Опала Эссекса; отказ Елизаветы возобновить его монополию на сладкие вина.

1601 Провал восстания Эссекса, его казнь; дальнейшие тяжелые военные налоги; дебаты в Палате Общин о монополиях; «золотая речь» Елизаветы; лорд-наместник Маунтджой наносит поражение Тирону.

1602 Сесил готовит вступление на трон шотландского короля Якова.

1603 Смерть Елизаветы.

notes

Примечания

1

Каждый последующий брак Генриха VIII был все более неудачным.

2

В данном случае, священник при домашней церкви. — Ред.

3

Сын Генриха VIII и Джейн Сеймур. — *Ред.*

Дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской. — *Ред.*

Nichols J. 1823 *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth* (3 vols). Nichols, vol. 1 pp. 38–60.

Becon T. 1844 *Prayers and Other Pieces,* Ayre J. (ed.), Parker Society, p. 227.

Wernham R. B. 1966 *Before the Armada.* Cape, p. 237; Harrison G. B. (ed.) 1938 *The Elizabethan Journals,* 1591–1603 (3 vols). Routledge &; Kegan Paul, vol. 1 p. 126.

de Maisse A. H. 1931 *A Journal of All That Was Accomplished by Monsieur de Maisse*. Nonsuch, p. 115; Emmison F. G. 1970 *Elizabethan Life: disorder*. Essex. County Council, p. 57; Barton A. 1981 Harking back to Elizabeth: Ben Jonson and Caroline nostalgia, *English Literary History* 48: 711.

9

Hartley T, E, (ed.) 1981 *Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I, 1558–1581*. Leicester, p. 94; Read C, 1925 *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth* (3 vols). Oxford, vol. 1 p. 320; Haugaard W. P. 1981 Elizabeth Tudor's *Book of Devotions, Sixteenth Century Journal* 12: 96.

10

Smith L. B. 1975 *Elizabeth Tudor: portrait of a queen.* Hutchinson, p. 120.

11

Calendar of Salisbury Manuscripts vol. 1 p. 158.

Hartley T. E. (ed.) 1981 pp. 64, 110.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 464.

Read C. 1925 vol. 1 pp. 402-3.

15

Read C. 1955 *Mr. Secretary Cecil and Queen Elizabeth.* Cape, p. 211. There is useful new material on these manoeuvres and the public response to them In Bernard G W (forthcoming) A mid-Tudor chronicle, *Camden Miscellany*. (I am grateful to Dr Bernard for allowing me to see his transcript of this document.)

16

Neale J. E. 1979 *Queen Elizabeth I.* Panther edn, p. 143.

17

Johnson P. 1974 *Elizabeth I: a study in power and intellect.* Weidenfeld &; Nicolson, p. 112; Read C. 1925 vol. 1 p. 292.

18

Melvil J. 1683 *The Memoires* Scott G (ed.), p. 49; Naunton R. 1641 *Fragmenta regalia, or observations on the late Queen Elizabeth, her times and favorits,* p. 6.

19

Williams N. 1967 *Elizabeth, Queen of England.* Weidenfeld &; Nicolson, pp. 129-30; Smith L B 1975 p. 125.

20

Camden W. 1675 *The History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth,* p. 269.

21

Read E. P., Read C. (eds) 1951 *Elizabeth of England: certain observations concerning the life and reign of Queen Elizabeth by John Clapham.* Pennsylvania, p. 68.

Pollard A. F. 1919 *The History of England from the Accession of Edward VI to the Death of Elizabeth* (2nd edn). Longmans, Green, pp. 181, 244, 326.

23

Read C. 1955 p. 357.

24

Read C. 1955 p. 266.

Hartley T. E. (ed.) 1981 pp. 59–60.

MacCaffrey W. T. 1968 *The Shaping of the Elizabethan Regime.* Princeton, p. 210; Hartley T. E. (ed.) 1981 pp. 135, 138.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 148.

Levine M. 1966 *The Early Elizabethan Succession Question, 1558–1568.* Stanford, p. 19; Firth C. H. 1909 The ballad history of the reigns of the later Tudors, *Transactions of the Royal Historical Society* 3rd series 3: 96.

29

Read C. 1955 p. 229; Neale J. E. 1979 pp. 113-14; Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 147.

Neale J. E. 1979 p. 113; Bernard G W (forthcoming).

de Maisse A. H. 1931 p. 110.

32

Neale J. E. 1953 *Elizabeth I and her Parliaments, 1559–1581*. Cape, p. 49; Heisch A. 1980 Queen Elizabeth I and the persistence of patriarchy, *Feminist Review* 4: 46-7; Yates F A 1975 *Astraea: the imperial theme in the sixteenth century*. Routledge &; Kegan Paul, pp. 78-9.

33

Camden W. 1675 p. 27; Harington J. 1804 *Nugae Antiquae* (2 vols). Park T (ed.). Vernon &; Hood, vol. 1 p. 178; Heisch A. 1980: 50; Haugaard W. P. 1981: 96.

Nichols J. 1823 vol. 1 p. 58; Taylor-Smither L. J. 1984 Elizabeth I: a psychological profile, *Sixteenth Century Journal* 15: 66.

Hartley T. E. (ed.) 1981 pp. 94, 148; Haugaard W. P. 1981: 96.

Williams N. 1967 p. 290; Neale J. E. 1957 *Elizabeth I and Her Parliaments, 1584–1601*. Cape, p. 118; Neale J. E. 1979 P. 302.

Smith L. B. 1975 p. 81; Camden W. 1675 p. 32; Hanrington J. 1804 vol. 1 p. 345; Williams N. 1967 p. 354.

Williams N. 1967 p. 51; Haugaard W. P. 1981; 93-4.

39

Neale J. E. 1953 pp. 364-5; Neale J. E. 1957 pp. 248, 428-9; Neale J. E. 1976 *The Elizabethan House of Commons*. Fontana edn, p. 348.

Smith L. B. 1975 pp. 62-3.

41

Read C. 1955 p. 345; Smith L. B. 1975 p. 61; *Calendar of State Papers Venetian, 1592–1603,* p. 533.

Erickson C. 1983 *The First Elizabeth.* Macmillan, p. 181.

Haugaard W. P. 1981 Elizabeth Tudor's Book of *Devotions, Sixteenth Century Journal* 12: 103.

Haugaard W. P. 1981: 93; Neale J. E. 1953 *Elizabeth I and her Parliaments, 1559–1581*. Cape, p. 365; Neale J. E. 1957 Elizabeth I and her Parliaments, 1584–1601. Cape, p. 128.

Calendar of State Papers Foreign, 1558-59. p. 101.

Hartley T. E. (ed.) 1981 *Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I, 1558–1581*. Leicester, pp. 379, 507.

Neale J. E. 1953 p. 37.

Jones N. L.1982 *Faith by Statute: parliament and the settlement of religion, 1559*. Royal Historical Society, summarised in Jones N. L. 1984 Elizabeth's first year, in Haigh C. A. (ed.) 1984 *The Reign of Elizabeth I.* Macmillan.

Neale J. E. 1953 pp. 51–84.

Sandys E. 1842 *Sermons* Ayre J (ed.). Parker Society, p. 43; Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 216; *Calendar of State Papers Spanish, 1558-67,* pp. 636-7.

51

Neale J. E. 1957 pp. 75, 74.

Parker M. 1853 *Correspondence* Bruce J., Perowne T. T. (eds). Parker Society, p. 224.

В данном случае — совокупное обозначение протестантских течений, ставших в оппозицию к государственной церкви — англиканству (диссентеры). — *Ред*.

Haugaard W. P. 1968 *Elizabeth and the English Reformation.* Cambridge, pp. 216-17.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 220.

Calendar of State Papers Spanish, 1568-69, pp. 50-1.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 51; Cardwell E. 1844 *Documentary Annals* (2 vols). Oxford, vol. 1 p. 368.

Neale J. E. 1957 p. 100; Read C 1955 *Mr. Secretary Cecil and Queen Elizabeth,* Cape, p. 466; MacCaffrey W. T. 1981 *Queen Elizabeth and the Making of Policy.* Princeton, p. 125.

59

Известный философ-материалист, сын лорда-хранителя печати. — *Ред.*

Haugaard W. P. 1968 pp. 329-30, 327.

Neale J. E. 1957 p. 13.

Grindal E. 1843 *Remains* Nicholson W (ed.). Parker Society, p. 471; Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 446.

Собрание, созыв для подачи голосов. — *Ред.*

Neale J. E. 1957 p. 71.

65

The struggle provides the unifying theme of Neale J. E. 1953, 1957.

Collinson P. 1983 *Godly People*. Hambledon, p. 305; Parker M. 1853 p. 479.

Hill C. 1971 *The Economic Problems of the Church.* Panther edn, p. 17; Williams N. 1967 *Elizabeth, Queen of England.* Weidenfeld &; Nlcolson, p. 91; Harington J. 1804 *Nugae Antiquae* (2 vols), Park T. (ed.). Vernon &; Hood, vol. 2, p. 42.

Collinson P. 1982 *The Religion of Protestants.* Oxford, p. 27; Stone L. 1965 *The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641.* Oxford, p. 407.

Collinson P. 1982 p. 6.

Hasler P. W. (ed.) 1981 *The House of Commons, 1558–1603* (3 vols). History of Parliament Trust, vol. 1 pp. 49, 267.

Hasler P. W. (ed.) 1981 vol. 1 pp. 41-2, 112.

Hasler P. W. (ed.) 1981 vol. 1 p. 268.

Collins A.(ed.) 1746 *Letters and Memorials of State* (2 vols) vol. 2 p. 87; Hasler P. W. (ed.) 1981 vol. 1 p. 617.

Peck F. 1732 *Desiderata Curiosa* (2 vols) vol. 1 p. 52.

Read C. 1955 *Mr. Secretary Cecil and Queen Elizabeth.* Cape, p. 154.

Stone L. 1965 *The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641*. Oxford, p. 251.

Williams N. 1964 *Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk*. Barrie &; Rockliff, p. 165.

MacCaffrey W. T. 1968 *The Shaping of the Elizabethan Regime,* Princeton, p. 333.

MacCaffrey W. T. 1968 p. 335.

Sharpe C. (ed.) 1840 *Memorials of the Rebellion of 1569*. Bowyer Nichols, p. 199.

MacCaffrey W. T. 1968 p. 341.

MacCaffrey W. T. 1968 p. 352.

Read C. 1955 P. 463.

Murdin W. (ed.) 1759 *A Collection of State Papers… Left by William Cecill.* Bowyer, p. 340.

Johnson P. 1974 *Elizabeth I: a study in power and intellect.* Weidenfeld &; Nicolson, pp. 177, 332.

Greville F. 1652 *The Life of the Renowned Sir Philip Sidney,* p. 79.

Harington J. 1804 *Nugae Antiquae* (2 vols) Park T. (ed.). Vernon &; Hood, vol. 1 p. 67.

Read C. 1955 P. 411.

Hasler P. W. (ed.) 1981 vol. 1 p. 252.

90

Stone L. 1965 p. 237; Naunton R. 1641 *Fragmenta regalia, or observations on the late Queen Elizabeth, her times and favorits,* pp. 28, 33.

Stone L. 1965 p. 496 and n.

Read C. 1960 *Lord Burghley and Queen Elizabeth.* Cape, p. 47.

Stone L. 1965 pp. 233-7.

Thorp M. R. 1984 Catholic conspiracy in early Elizabethan foreign policy, *Sixteenth Century Journal* 15: 433.

95

Read C. 1955 *Mr Secretary Cecil and Queen Elizabeth.* Cape, p. 419; Haynes S. (ed.) 1740 A *Collection of State Papers… left by William Cecill.* Bowyer, p. 471.

Read C. 1955 p. 394.

Calendar of State Papers Spanish, 1558-67, p. 591; Wright T. 1838 *Queen Elizabeth and her times* (2 vols). Colburn, vol. 2 p. 452.

De Maisse A. H. 1931 A *Journal of All That Was Accomplished by Monsieur de Maisse.* Nonsuch, p. 3; Smith L. B. 1975 *Elizabeth Tudor: portrait of a queen.* Hutchinson, p. 215.

Thorp M. R. 1984: 438; Read C. 1955 p. 357.

100

Wilson D. 1981 *Sweet Robin: a biography of Robert Dudley, earl of Leicester*. Hamilton, p. 239, Read C. 1960 *Lord Burghley and Queen Elizabeth*. Cape, p. 195.

Pulman M. B. 1971 *The Elizabethan Privy Council in the Fifteen-Seventies.* California, p. 241.

102

Read C. 1960 p. 361.

103

Smith L. B. 1975 p. 210.

Read C. 1925 *Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth* (3 vols). Oxford, vol. 2 pp. 128n-9n; Read C. 1960 p. 145.

105

Read C. 1925 vol. 2 p. 87.

Johnson P. 1974 *Elizabeth I: a study in power and intellect.* Weidenfeld &; Nicolson, p. 339.

Harrison G. B. (ed.) 1938 *The Elizabethan Journals,* 1591–1603 (3 vols). Routledge &; Kegan Paul, vol. 1 p. 284.

Read C. 1925 vol. 1 pp. 208-9, 256.

109

Read C. 1925 vol. 2 p. 87.

110

Harington J. 1804 *Nugae Antiquae* (2 vols). Park T. (ed.). Vernon &; Hood, vol. I pp. 157-8; Camden W. 1675 *The History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth,* p. 270.

Read C. 1960 p. 226; Read C. 1925 vol. 2 p. 75.

112

Read C. 1925 vol. 1 p. 417.

113

Read C. 1960 p. 21.

Williams P. H. 1979 *The Tudor Regime*. Oxford, p. 32; Read C. 1960 p. 329.

115

Read C. 1955 p. 156.

116

Read C. 1925 vol. 3 p. 166.

117

Wilson D. 1981 p. 216.

118

Nichols J. 1823 *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth* (3 vols). Nichols, vol. 3 p. 511; Melvil J 1683 *The Memoires,* Scott G. (ed.), p. 50.

Loades D M 1986 *The Tudor Court.* Batsford p. 8.

Neale J. E. 1979 *Queen Elizabeth I.* Panther edn, p. 219.

121

Haynes S. (ed.) 1740 *A Collection of State Papers… left by William Cecill.* Bowyer, p. 602; Bernard G. W. (forthcoming) A mid-Tudor chronicle, *Camden Miscellany,* Naunton R. 1641 *Fragmenta regalia, or observations on the late Queen Elizabeth, her times and favorits,* p. 31.

MacCaffrey W. T. 1960 Talbot and Stanhope: an episode in Elizabethan politics, *Bulletin of the Institute of Historical Research* 33: 79.

Williams P. H. 1979 *The Tudor Regime.* Oxford, p. 27.

124

Nichols J. 1823 vol. 1 p. 329.

Beckinsale B. W. 1967 *Burghley: Tudor statesman.* Macmillan, p. 228.

Wilson D. 1981 *Sweet Robin: a biography of Robert Dudley, earl of Leicester*. Hamilton, p. 98.

Brooks E. St. J. 1946 *Sir Christopher Hatton.* Cape, p. 156.

Haynes S. (ed.) 1740 p. 442; Pulman M. B. 1971 *The Elizabethan Privy Council in the Fifteen-Seventies.* California, p. 48.

Johnson P. 1974 *Elizabeth I: a study in power and intellect.* Weldenfeld &; Nicolson, p. 157; Neale J. E. 1979 p. 114.

Здесь — вставка-фарс в основную игру. — *Ред.*

131

Brooks E. St. J. 1946 p. 86.

132

Nichols J. 1823 vol. 2 p. 74.

133

Brooks E. St. J. 1946 pp. 87, 97.

Neale J. E. 1979 pp. 328, 333.

135

Bruce J. (ed.) 1844 *Correspondence of Robert Dudley, earl of Leycester.* Camden Society, p. 112; Neale J. E. 1979 p. 332.

Stone L. 1965 *The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641*. Oxford, p. 606.

Erickson C. 1983 *The First Elizabeth.* Macmillan, p. 174.

Adams S. L. 1984 Eliza enthroned? The Court and its politics, in Haigh C. A. (ed.) *The Reign of Elizabeth I.* Macmillan, pp. 73-4; Erickson C. 1983 p. 350.

Adams S. L. 1984 p. 73.

140

Collins A. (ed.) 1746 *Letters and Memorials of State* (2 vols), vol. 2 p. 139; Harington J. 1804 *Nugae Antiquae* (2 vols). Park T. (ed.). Vernon &; Hood, vol. 1 p. 233.

141

Harington J. 1804 vol. 1 pp. 175-6.

142

Naunton R. 1641 p. 34.

143

Naunton R. 1641 p. 6.

Harrison G. B. (ed.) 1938 *The Elizabethan Journals, 1591–1603* (3 vols). Routledge &; Kegan Paul, vol. 1 p. 285; Collins A (ed.) 1746 vol. 2 p. 25.

145

Calendar of Salisbury Manuscripts, vol. 8 p. 269; Collins A. (ed.) 1746 vol. 2 p. 128.

146

Collins A. (ed.) 1746 vol. 2 p. 8.

147

De Maisse A. H. 1931 *A Journal of All That Was Accomplished by Monsieur de Maisse.* Nonsuch, pp. 11–12.

Johnson P. 1974 p. 403.

149

Nichols J. 1823 vol. 3 p. 553; Williams N. 1967 *Elizabeth, Queen of England*. Weidenfeld &;: Nicolson, p. 345.

Hartley T. E. (ed.) 1981 *Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I, 1558–1581*. Leicester, p. 175.

151

Neale J. E. 1957 *Elizabeth I and Her Parliaments, 1584–1601*. Cape, p. 246.

Neale J. E. 1957 p. 247.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 38.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 442.

155

Neale J. E. 1957 p. 248.

Graves M. A. R. 1983 The management of the Elizabethan House of Commons: the Council's ‘men of business’, *Parliamentary History* 2: 14; Elton G R 1984 Parliament, in Haigh C. A. (ed.) *The Reign of Elizabeth I.* Macmillan, p. 91.

157

Neale J. E. 1953 *Elizabeth l and Her Parliaments, 1559–1581*. Cape, p. 281; Elton G. R. 1986 *The Parliament of England, 1559–1581*. Cambridge, p. 107.

Parker M. 1853 *Correspondence,* Bruce J. and Perowne T. T. (eds). Parker Society, p. 380.

Neale J. E. 1976 *The Elizabethan House of Commons.* Fontana edn, p. 278.

Neale J. E. 1953, 1957 *passim*.

Graves M. A. R. 1983: 17–21.

Calendar of State Papers Spanish, 1558-67, p. 604.

163

Graves M. A. R. 1983: 27.

Read C. 1960 *Lord Burghley and Queen Elizabeth.* Cape, p. 50.

Read C. 1960 p. 361; Neale J. E. 1957 p. 129.

Elton G. R. 1986 pp. 350-72.

167

Neale J. E. 1957 pp. 69, 385.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 148; Neale J. E. 1957 p. 69.

Hartley T. E. (ed.) 1981 pp. 199, 526.

Hartley T. E. (ed.) 1981 pp. 43, 453; Neale J. E. 1957 p. 249.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 331.

172

Read C. 1955 *Mr. Secretary Cecil and Queen Elizabeth.* Cape, P. 136.

Adams S. L. 1973 The Protestant cause: religious alliance with the west European Calvinist communities as a political issue in England, 1585–1630. Oxford University D.Phil. thesis, pp. 53-4.

Bruce J. (ed.) 1844 *Correspondence of Robert Dudley, earl of Leycester.* Camden Society, p. 195.

Bruce J. (ed.) 1844 pp. 110, 243, 151.

Wernham R. B. 1984 *After the Armada: Elizabethan England and the struggle for western Europe.* Oxford, p. 99.

177

Wernham R. B. 1984 p. 161.

Neale J. E. 1979 *Queen Elizabeth I.* Panther edn, p. 327.

Calendar of State Papers Ireland, 1599–1600, p. 152.

Moody T. W., Martin F. X., Byrne F. J. (eds) 1976 *A New History of Ireland.* Oxford, vol. 3 p. 127.

181

Goodman G. 1839 *The Court of King James the First* (2 vols). Bentley, vol. 2 p. 48.

Johnson P. 1974 *Elizabeth I: a study in power and intellect.* Weidenfeld &;: Nicolson, p. 325.

Oglander J. 1936 *A Royalist's Notebook.* Bamford F (ed.) Constable, p. 192.

184

Шотландский король, сын Марии Стюарт, будущий (с 1603 г.) английский король Яков I. — *Ред.*

Neale J. E. 1979 *Queen Elizabeth I.* Panther edn, p. 320.

186

De Maisse A. H. 1931 *A Journal of All That was Accomplished by Monsieur de Maisse.* Nonsuch p. 110; Camden W. 1675 *A History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth,* p. 555.

187

Goodman G. 1839 *The Court of King James the First* (2 vols). Bentley, vol. 1 p. 163.

Firth C. H. 1909 The ballad history of the reigns of the later Tudors, *Transactions of the Royal Historical Society*. 3rd series, 3: 71, 95, 117-18.

189

Wilson E. C. 1939 *England's Eliza.* Harvard, pp. 13, 36; Firth C. H. 1909: 96.

Wilson E. C. 1939 p. 47.

191

Nichols J. 1823 *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth* (3 vols), Nichols, vol. 1 pp. 59, 49.

Calendar of State Papers Spanish, 1568-69, y pp. 50-1.

193

Nichols J. 1823 vol. 2 p. 166.

Hartley T. E. (ed.) 1981 *Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I, 1558–1581*. Leicester, pp. 36, 95; Neale J. E. 1597 *Elizabeth I and her Parliaments, 1584–1601*. Cape, p. 213.

195

Goodman G. 1839 vol. 1 p. 163; Neale J E 1957 p. 426.

Hartley T. E. (ed.) 1981 p. 472; Neale J. E. 1957 p. 117.

197

Neale J. E. 1979 p. 302; Smith L B 1975 *Elizabeth Tudor: portrait of a queen.* Hutchinson, p. 67, translating Nichols J. 1823 vol. 3 P. 147.

Nichols J. 1823 vol. I pp. 196, 314, 547, 193-4.

Haugaard W. P. 1981 Elizabeth Tudor's *Book of Devotions, Sixteenth Century Journal* 12: 99; Harington J. 1804 *Nugae Antiquae* (2 vols), Park T. (ed.). Vernon &; Hood, vol. 1 p. 178.

Calendar of State Papers Spanish, 1558-67, p. 176.

201

Wilson D. 1981 *Sweet Robin: a biography of Robert Dudley, earl of Leicester*. Hamilton, p. 115.

Bentley T. 1581 *The Monument of Matrones,* The Epistle.

203

Ellis H. 1846 *Original Letters,* 3rd series (4 vols). Bentley, vol. 4 pp. 61-3; Johnson P. 1974 *Elizabeth l: a study in power and intellect.* Weidenfeld and Nicolson, p. 117.

Clay W. K. (ed.) 1847 *Liturgical Services.* Parker Society, pp. 556-7; Nichols J. 1823 vol. 3 p. 369.

205

Firth C. H. 1909: 93, 101.

Hasler P. W. (ed.) 1981 *The House of Commons, 1558–1603* (3 vols). History of Parliament Trust, vol. 1 p. 474, Morris C. 1976 *The Tudors.* Severn House, p. 185.

207

Nichols J. 1823 vol. 1 p. 53.

Emmison F. C. 1970 *Elizabethan Life: disorder*. Essex County Council, pp. 57, 58.

Jeaffreson J. C. (ed.) 1886 *Middlesex County Records* (4 vols). Middlesex County Record Society, vol. 1 pp. 195, 204, 283.

210

De Maisse A. H. 1931 p. 12.

McClure N. E. (ed.) 1939 *The Letters of John Chamberlain* (2 vols). American Philosophical Society, vol. 1 p. 189; Harington J. 1804 vol. 1 pp. 321, 326.

Read E. P. Read C. (eds) 1951 *Elizabeth of England: certain observations concerning the life and reign of Queen Elizabeth by John Clapham.* Pennsylvania p. 104.

Hurstfield J. 1971 *Elizabeth I and the Unity of England.* Penguin edn, p. 136.

Adams S. L. 1984 Eliza enthroned? The Court, and its politics. In Haigh C. A. (ed.) *The Reign of Elizabeth I.* Macmillan, p. 77.

Erickson C. 1983 *The First Elizabethan.* Macmillan, p. 398; De Maisse A H 1931 *A Journal of All That Was Accomplished by Monsieur de Maisse.* Nonsuch, p. 115.

Goodman G. 1839 *The Court of King James the First* (2 vols). Bentley, vol. 1 pp. 97-8.

Greville F. 1652 *The Life of the Renowned Sir Philip Sidney,* pp. 185–234.

Pastor L. von 1932 *The History of the Popes* Kerr R. F. (ed.). Kegan Paul, vol. 22 p. 34n; Neale J. E. 1963 *The Age of Catherine de Medici and Essays in Elizabethan History*. Cape, p. 217.

Pierson P. 1975 *Philip II of Spain.* Thames &; Hudson, p. 40.

Pierson P. 1975 p. 43.8.